

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ»

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВНИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ РЕАБИЛИТАЦИИ
И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НАРКОПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

XVIII международная научно-практическая конференция

(16–17 апреля 2015 г.)

Материалы конференции

Часть 2

Ответственный редактор И.А. Медведев

Красноярск
СибЮИ ФСКН России
2015

ББК 67.05+67.51

Ответственный редактор

И.А. Медведев (Сибирский юридический институт ФСКН России)

Редакционная коллегия:

Д.Д. Невирко, доктор социологических наук, профессор (Сибирский юридический институт ФСКН России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт ФСКН России);

С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

Е.В. Панов, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

В.В. Пономарева, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт ФСКН России);

Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

С.А. Чумаров (Сибирский юридический институт ФСКН России);

О.А. Суров, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

П.В. Тепляшин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России).

Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции (16–17 апреля 2015 г.): в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев ; СибЮИ ФСКН России. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. – ISBN 978-5-7889-0221-0. – Ч. 2. – 340 с. – ISBN 978-5-7889-0224-1.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XVIII международной научно-практической конференции «Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей», прошедшей на базе Сибирского юридического института ФСКН России 16–17 апреля 2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-7889-0221-0

ISBN 978-5-7889-0224-1 (ч.2)

© Сибирский юридический институт ФСКН России, 2015

Federal Public Educational Institution
of Higher Professional Education
«SIBERIAN LAW INSTITUTE
OF THE FEDERAL DRUG CONTROL SERVICE
OF THE RUSSIAN FEDERATION»

**NATIONAL AND INTERNATIONAL LEVELS
OF COUNTERACTION TO THE DRUG THREAT
AND COOPERATION IN THE SPHERE OF REHABILITATION
AND RESOCIALIZATION FOR DRUG USERS**

XVIII International Scientific-Practical Conference
(April 16–17, 2015)

Conference proceedings

Part 2

Editor-in-Chief Igor A. Medvedev

Krasnoyarsk
SLI of the FDSC of Russia
2015

ББК 67.05+67.51

Editor-in-Chief

Igor A. Medvedev (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia)

Editorial Board:

Dmitry D. Nevirko, Doctor of Sociology, Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Aleksey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Yuliya V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Ass. Prof. (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Yevgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Sergey A. Chumarov (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Oleg A. Surov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Pavel V. Teplyashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia).

National and international levels of counteraction to the drug threat and cooperation in the sphere of rehabilitation and resocialization for drug users : proceedings of the XVIII International Scientific-Practical Conference (April 16–17, 2015): in 2 parts / editor-in-chief Igor A. Medvedev ; SLI of the FDSC of Russia. – Krasnoyarsk: SLI of the FDSC of Russia, 2015. – ISBN 978-5-7889-0221-0. – Part 2. – 340 p. – ISBN 978-5-7889-0224-1.

The collection of proceedings include abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XVIII International Scientific-Practical Conference «National and international levels of counteraction to the drug threat and cooperation in the sphere of rehabilitation and resocialization for drug users» held at Siberian Law Institute of the FDSC of Russia on April 16–17, 2015.

Proceedings are published in authors' versions.

ISBN 978-5-7889-0221-0

ISBN 978-5-7889-0224-1 (p.2)

© Siberian Law Institute of the FDSC of Russia, 2015

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

<i>Мезинов Д.А.</i> Что понимать под юридической (судебной) истиной в уголовном судопроизводстве	11
<i>Меремьянина О.В.</i> К вопросу о недостатках законодательного регулирования порядка уничтожения вещественных доказательств – наркотиков в ходе досудебного производства	15
<i>Судницын А.Б.</i> Подтверждение основания для избрания меры пресечения, предусмотренного пунктом 1 части 1 статьи 97 УПК РФ, данными о тяжести преступления (на примере заключения под стражу)	20
<i>Черняков М.М.</i> Проблемы оценки материалов проверки по делам о незаконном обороте наркотических средств в местах лишения свободы	24
<i>Александрова О.Ю.</i> Особенности принятия процессуальных решений о возбуждении уголовных дел о склонении лица к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.....	30
<i>Анисова И.А.</i> Выявление, раскрытие и расследование наркопреступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.....	34
<i>Сапожников М.С.</i> Некоторые особенности расследования контрабанды сильнодействующих веществ в международных почтовых отправлениях, совершаемой с использованием сети Интернет.....	38
<i>Кузьмин Н.Т.</i> Некоторые особенности бесконтактного способа сбыта наркотиков	43
<i>Кондратьев М.В.</i> Взаимодействие следственных и оперативных подразделений органов наркоконтроля при выявлении, раскрытии и расследовании наркопреступлений, совершаемых с использованием информационных технологий	48
<i>Муслимов Э.С.</i> Об организации работы по выявлению и расследованию преступлений, связанных с бесконтактным распространением наркотиков с использованием современных коммуникационных и компьютерных систем	52
<i>Молоков В.В.</i> Средства противодействия раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием сети Интернет.....	56

<i>Галушин П.В.</i> Возможности автоматизированного доступа к информации, предоставляемые социальными сетями	60
<i>Логина Н.Г.</i> К вопросу о понятии и правовом регулировании производства неотложных следственных действий.....	63
<i>Земцова С.И.</i> К вопросу о сути следственного действия проверка показаний на месте при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	67
<i>Баркова Т.В.</i> К вопросу о необходимости применения специальных знаний для оценки заключения эксперта.....	72
<i>Михайлов А.Н.</i> К вопросу о соответствии института прекращения уголовного дела принципам уголовного судопроизводства	75
<i>Калугин А.Г.</i> Особенности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.....	79
<i>Карлов А.Л.</i> Возможности досудебного соглашения о сотрудничестве для получения компьютерной информации по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков	84
<i>Космодемьянская Е.Е.</i> К вопросу об особенностях криминалистической характеристики незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и ее значения в процессе расследования данных преступлений	87
<i>Суров О.А.</i> К вопросу о способах совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате незаконного оборота наркотиков	91
<i>Репин А.В.</i> Способы противодействия при производстве допроса по делам связанным с незаконным оборотом наркотических средств и меры по его преодолению	96
<i>Минисламов М.Н.</i> К вопросу о тактике обыска при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.....	100
<i>Мельников Е.Б.</i> Методологические проблемы криминалистического исследования аналогов наркотических средств и психотропных веществ	103
<i>Гончаров Е.В., Клемичев Р.В.</i> Условия хроматографирования при исследовании психоактивных веществ	107
<i>Бондарь И.В., Вязовиченко Ю.Е., Симонов Д.В., Вишняков Д.А.</i> Методы исследований биологических проб на содержание наркотических средств и психотропных веществ	110

<i>Климович Л.П.</i> Специальные экономические знания в деятельности по выявлению и расследованию уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков ...	113
<i>Смирнов И.А.</i> К вопросу об истребовании информации сотрудниками оперативных подразделений органов наркоконтроля	118
<i>Шитова Т.В.</i> К вопросу о совершенствовании деятельности Интерпола в сфере противодействия транснациональной наркопреступности	122
<i>Евтеев С.П.</i> О контролируемой поставке на территории Таможенного союза.....	127
<i>Чумаров С.А.</i> К вопросу о пробелах в нормативном правовом регулировании сотрудничества субъектов оперативно-розыскной деятельности России и компетентных органов иностранных государств	132
<i>Черинко Д.П.</i> К вопросу обращения в пользование органов наркоконтроля части изъятого ими имущества и доходов, полученных преступным путем, на основании решения суда	137

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

<i>Пунтус С.А.</i> Международное антинаркотическое право как правовая основа международного и национального уровней противодействия наркоугрозе: к вопросу о существовании самостоятельной отрасли международного публичного права	142
<i>Рябинин Н.А.</i> Сравнительный анализ антинаркотического законодательства государств-членов Организации договора о коллективной безопасности (административно-правовой аспект) ..	146
<i>Лялюк А.В.</i> Международные подходы к гражданско-правовой конфискации имущества, приобретенного преступным путем	149
<i>Попков А.В.</i> Совершенствование уголовного и административного законодательства в целях денаркотизации и декриминализации общества	154
<i>Тепляшин И.В.</i> Правовой статус представителей общественности, участвующих в механизме антинаркотической политики.....	159
<i>Казанцева К.Ю.</i> К вопросу о компенсации вреда, причиненного сотрудниками органов наркоконтроля	162

<i>Попельницкий Е.В.</i> К вопросу о проблемах реализации норм Федерального закона от 3 февраля 2015 года №7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	167
<i>Невирко Д.Д.</i> Проблемы разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере формирования антинаркотического законодательства.....	171
<i>Чугаев В.В.</i> Проблемы понятия и оснований юридической ответственности.....	176
<i>Цуканов Н.Н.</i> К вопросу об основаниях освобождения от административной ответственности	179
<i>Жильцов А.В.</i> Формальное предупреждение как средство воздействия на лиц, совершивших правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ	183
<i>Килин А.З.</i> К вопросу об актуальности реализации на территории Красноярского края Федерального закона от 25 ноября 2013 года №313-ФЗ	188
<i>Кудашова И.В.</i> Отдельные проблемы применения административной ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	192
<i>Иванов А.Ю.</i> К вопросу об административной ответственности за пропаганду и рекламу наркотических средств	197
<i>Горелик А.В.</i> Экспертное сопровождение дел об административных правонарушениях в области незаконного оборота и потребления наркотиков.....	201
<i>Пилявец С.В.</i> Перспективы законодательного регулирования статуса специалиста в административном процессе (на примере административных правонарушений в сфере пропаганды и незаконной рекламы наркотических средств).....	205

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

<i>Пономарева В.В.</i> Унификация антинаркотического законодательства государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза как форма противодействия транснациональной наркопреступности	209
<i>Федорова Е.А.</i> Об эффективности отдельных уголовно-правовых средств противодействия транснациональной наркопреступности	212

Ступина С.А. Некоторые вопросы ответственности за незаконный оборот наркотиков при экстремизме	217
Токманцев Д.В. Устойчивость преступных групп, совершающих наркопреступления	221
Шеслер В.А. К вопросу о правовой природе организации притонов для потребления наркотических средств, совершаемой организованной преступной группой	225
Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. К вопросу о правовой природе преступления, предусмотренного статьей 234.1 УК РФ ..	230
Примаков А.А. К вопросу об уголовной ответственности за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ	233
Тепляшин П.В. Методологические основы таксономического обоснования наркопреступности	237
Гарбатович Д.А. Зависимость показателей наркопреступности.....	241
Малый К.Ф. О некоторых вопросах анализа динамики изменения итоговой оценки наркоситуации в субъектах Российской Федерации	246
Кашкаров А.А., Доброрез И.А. Наркомания как фоновое явление сексуального насилия.....	251
Килин А.З. , Любая Е.В. К вопросу о динамике и тенденциях рецидивной наркопреступности в Красноярском крае	254
Кан А.Ф. Особенности оперативной обстановки в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Иркутской области и итоги мониторинга наркоситуации за 2014 год	259
Власов В.А. Некоторые актуальные вопросы профилактики наркомании и противодействия незаконному обороту наркотиков	263
Навальный С.В. Мониторинг СМИ за развитием наркоситуаций в интересах профилактики и пресечения наркопреступлений: организация и состояние.....	266
Сурихин П.Л. Уголовное право как инструмент, формирующий общественные отношения: на примере незаконного оборота наркотиков.....	272
Грамматчиков М.В. К вопросу об объекте преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	277
Козлов А.П. Наркотики: уголовно-правовая регламентация ..	280
Мальков С.М. Особенности мотива и цели преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ	284

<i>Шеслер А.В., Шеслер С.С.</i> Понятие притона как признака состава преступления, предусмотренного статьей 232 УК РФ	289
<i>Астахова А.О.</i> К вопросу о роли института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора в качестве средства противодействия наркоугрозе	292
<i>Галимова М.А.</i> Об усилении превентивной составляющей института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора	297
<i>Гордеев Р.Н.</i> О квалификации незаконного оборота наркотических средств, находящихся в смеси	302
<i>Агафонов А.В.</i> О некоторых проблемах толкования уголовно-правового понятия «перевозка наркотических средств»	307
<i>Винокуров В.Н.</i> Вопросы квалификации продолжаемого сбыта наркотических средств.....	310
<i>Беларева О.А.</i> Квалификация продолжаемого сбыта наркотических средств (на примере практики судов Кемеровской области)	313
<i>Анисимов Е.Б.</i> Уголовно-правовые аспекты ответственности юридических лиц.....	317
<i>Федоренко Т.А.</i> Об альтернативной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.....	320
<i>Вершалович Е.Я.</i> Карательная практика за хищение наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	325
<i>Рагозина И.Г., Череднякова Н.С.</i> К вопросу об эффективности отсрочки отбывания наказания больным наркоманией	330
<i>Рахматулин З.Р.</i> Анализ применения уголовного наказания в виде ограничения свободы к осужденным за преступления совершенные в состоянии наркотического опьянения, а также за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ	334
<i>Середа И.М., Сидоренко Ю.В.</i> Освобождение от уголовной ответственности за деяния, предусмотренные статьей 228 УК РФ: некоторые проблемы законодательной регламентации и правоприменения	336

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Д.А. Мезинов,

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Национального
исследовательского Томского государ-
ственного университета

ЧТО ПОНИМАТЬ ПОД ЮРИДИЧЕСКОЙ (СУДЕБНОЙ) ИСТИНОЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Для отечественного уголовного судопроизводства традиционно использование понятия «истина» для обозначения как цели, так и результата доказывания по уголовному делу. Так, в советский период устоявшимся было признание обязательности установления по уголовному делу так называемой объективной истины. При этом под объективной истиной, называемой частью ученых также материальной истиной, принято понимать «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела» (М.С. Строгович). Иными словами, это полное и точное соответствие выводов (знаний) уполномоченных субъектов уголовного процесса об обстоятельствах (фактах) совершенного преступления самим этим обстоятельствам (фактам), как они существовали в объективной действительности. В новый российский период, особенно с начала действия УПК РФ, на страницах юридической печати развернулась, а вследствие вынесения на обсуждение Следственным комитетом Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» обострилась дискуссия по вопросу о характере истины как цели и результата доказывания в уголовном процессе, а именно: следует ли считать таковую истину объективной или иной по характеру, например, юридической, судебной, формальной, презумпционной. Следует отметить, что к настоящему времени большинство участников данной дискуссии под истиной как целью доказывания в отечественном уголовном процессе понимают объективную истину.

Признавая в целом значение рассмотрения в качестве цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказыва-

ния в отечественном уголовном процессе объективной истины, необходимо отметить, что понятие «объективная истина», судя по вкладываемому в него еще с советских времен смыслу, характеризует содержание выводов-знаний уполномоченных субъектов доказывания, к получению которых они должны стремиться. Но это понятие не отражает форму таких выводов-знаний, которая в уголовном процессе всегда должна носить юридический характер, то есть определяться требованиями юридической процедуры, закрепленными в уголовно-процессуальном законе, обеспечивающими верифицируемость и проверяемость этих выводов-знаний, а также предполагающими предшествующую защиту прав и законных интересов участников процесса от необоснованных нарушений. Как следствие – для участников обозначенной дискуссии, рассматривающих объективную истину в качестве цели (а обычно и результата) доказывания, нередко характерно приращение приоритета содержанию получаемых субъектами доказывания выводов-знаний (главное – они должны быть «объективно истинными») над их формой, по сути, умаление необходимости придавать юридический характер искомой в уголовном процессе истине. Такое умаление можно усмотреть, в первую очередь, в противопоставлении частью ученых (Ю.К. Орлов, М.К. Свиридов, Г.К. Смирнов) объективной истины юридической или судебной истине, с вложением в понятие юридической, а равно судебной, истины исключительно негативного смысла – акцента на сугубо формальном характере такой истины, предполагающем стремление субъекта не к объективной истине (то есть к установлению действительных обстоятельств совершения преступления), а только к соблюдению формальных требований закона с возможностью ограничиться заведомо вероятностными, а не достоверными выводами об обстоятельствах, необходимых для разрешения уголовного дела. Кроме того, умаление юридического характера искомой по уголовному делу истины продолжается частью ученых при рассмотрении объективной истины в качестве не только цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказывания, но и результата доказывания, который необходимо и обязательно следует устанавливать (достигать) по уголовному делу. Опять-таки основной акцент делается лишь на содержании данного результата доказывания – выводы суда и должностных лиц стороны обвинения при разрешении уголовного дела должны быть «объективно истинными», эти субъекты доказывания обязаны достигать именно такие выводы.

Между тем употребление понятия «объективная истина» для обозначения реальных результатов доказывания по уголовному делу нельзя признать верным и уместным, ввиду, главным образом, отсутствия точных критериев достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято называть объективной истиной.¹ Более правильно рассматривать в качестве результата доказывания, обязанность достижения которого должна быть возложена на суд (а также должностных лиц стороны обвинения), не объективную истину (о факте достижения которой ввиду отсутствия точных критериев однозначно судить невозможно), а основанные на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения.² Уточняя сказанное, – у суда и должностных лиц стороны обвинения исходно предполагается обязанность стремиться (цель доказывания) к установлению действительных обстоятельств уголовного дела, то есть объективной по своему содержанию истины, но ввиду отмеченных требований юридической процедуры и отсутствия точных критериев обеспечения такого содержания искомой истины, у этих субъектов имеется (и должна найти формальное выражение в законе) обязанность достигать (результат доказывания) достоверные (в обозначенном выше смысле) выводы об обстоятельствах уголовного дела, достоверно устанавливая эти обстоятельства. Эти реально достигаемые в ходе уголовного процесса достоверные выводы правильно называть, используя мнение части еще дореволюционных ученых (Л.Е. Владимиров, Вл. Случевский, Н.Н. Розин), именно юридической или судебной истиной, поскольку такая истина, удачно названная некоторыми отечественными учеными «уголовно-судебной достоверностью» или «практической достоверностью», должна быть получена при строгом соблюдении уголовно-процессуальной формы (разновидности юридической процедуры) и удостоверена допустимыми и исследованными в ходе судебного следствия доказательствами, и именно ее, как проверяемую истину, суд должен представить общественности, изложив в приговоре.

Противопоставление юридической (судебной) истине как реально возможному и требуемому результату доказывания объективной истины как идеального познавательного ориентира может привести к неверному выводу о том, что приговор следует основывать не на той картине мира, которая нарисована доказательствами (юридическая или судебная истина), а на той, которая видится, во-

преки доказательствам, правильной, «объективно» истинной судье. Такое неправильное понимание на практике может облегчить судейский (а также следственный и прокурорский) произвол и беззаконие, случаи проявления которых, к сожалению, встречаются и без этого. Поэтому подлежащей установлению истиной для суда должно быть то, что усматривается из допустимых и исследованных в ходе судебного следствия доказательств, удостоверяется ими как для самого суда, так и для общественности, то есть юридическая (судебная) истина в обозначенном выше смысле.

Юридическая (судебная) истина в изложенном понимании совпадает именно с достоверными выводами об устанавливаемых по уголовному делу фактах, и ее не следует отождествлять с формальной истиной, изначально характерной для средневекового инквизиционного типа процесса, где истиной, разрешающей уголовное дело, провозглашались, по сути, заведомо вероятностные предположения о фактах, выдвигаемые по правилам формальной теории доказательств (свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению отсутствовала). Обозначенную юридическую (судебную) истину не следует путать и с конвенциональной истиной, являющейся в известном смысле разновидностью формальной истины, то есть с возможностью разрешения уголовного дела, основываясь на признании истинными предположений о фактах, выдвигаемых при соблюдении формальных требований закона и наличии определенным образом выраженного согласия сторон, – в УПК РФ предусмотрена главами 32.1, 40 и 40.1, статьей 25 и некоторыми другими. Также необходимо отграничение от так называемой «презумпционной» истины (установленной согласно презумпции невиновности, кладущейся в основу разрешения уголовного дела при исчерпания возможностей ее опровержения).

Подведем итоги изложенным выше рассуждениям. Рассмотрение объективной (по своему содержанию) истины в качестве цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказывания и соответствующее стремление суда и должностных лиц стороны обвинения к ее достижению путем принятия всех допустимых законом мер естественны для отечественного уголовного процесса. В то же время ввиду отсутствия точных критериев достижения объективной истины и необходимости строгого соблюдения требований уголовно-процессуальной формы в ходе производства по уголовному делу результат отмеченного стремления может и должен выступать в форме основанных на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) уполномочен-

ного субъекта доказывания, предельно обоснованных доказательств достоверных выводов об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения, которые правильно именовать уголовно-судебной достоверностью или юридической (судебной) истиной. Установление именно такой истины, по общему правилу, входит в обязанности (что должно найти четкое формальное выражение в законе) суда при разрешении им уголовного дела, а также должностных лиц стороны обвинения при принятии ими решений, определяющих судьбу уголовного дела. Как исключение из общего правила УПК РФ позволяет в ряде случаев ограничиться установлением конвенциональной и презумпционной истины.

¹ Соответствующие аргументы в обоснование этого мнения см. подр.: Мезинов Д.А. О возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 102-103; Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 179-181.

² См. подр.: Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. №2 (8). С. 84-91.

О.В. Меремьянина,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОРЯДКА УНИЧТОЖЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ – НАРКОТИКОВ
В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Процессуальному режиму хранения вещественных доказательств посвящена ст. 82 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 данной статьи вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за некоторыми исключениями.

Федеральным законом от 11 июля 2011 г. №195-ФЗ п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств» был дополнен положением о том, что по решению суда в любой момент

производства по уголовному делу любые изъятые наркотические средства или психотропные вещества после проведения необходимых исследований могут быть уничтожены. Перед проведением судебного заседания, по рассмотрению вопроса об их уничтожении к материалам уголовного дела должен быть приобщен достаточный для сравнительного исследования образец.

О том, что решение об уничтожении может быть принято в ходе предварительного расследования, свидетельствуют положения целого ряда статей УПК РФ: ч. 1 ст. 82: «... должны храниться при уголовном деле... за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей», ч. 2 ст. 29: «Только суд, в том числе и в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: ... п. 10.1) о реализации, уничтожении и ... вещественных доказательств, указанных в ... пункте 3 части 2 статьи 82 ...», ч. 3.1. ст. 165 «Ходатайство о производстве следственного действия, касающегося ... уничтожения вещественных доказательств, указанных в пунктах... 3 ... части второй статьи 82 При рассмотрении указанных ходатайств в судебном заседании вправе участвовать подозреваемый, обвиняемый ...».

Однако, сформулировав подобное положение, законодатель не урегулировал возникающие в связи с этим проблемы, связанные с порядком принятия и реализации решения об уничтожении вещественных доказательств данного вида. Полагаем, что неурегулированность этих вопросов вполне может спровоцировать конфликт частного и публичного интересов. Не следует забывать и о том, что подобное судебное решение не имеет преюдициальной силы.

На наш взгляд, из всего перечня предлагаемых законодателем процедур по принятию и реализации рассматриваемого решения не возникает вопросов лишь в части порядка проведения судебного заседания. Все остальное представляется проблематичным.

Первое. В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹, для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические вещества, требуются специальные знания, а потому

суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ назначение и производство судебной экспертизы возможно при проверке сообщения о преступлении, то есть до принятия решения о возбуждении уголовного дела. При этом не изжила себя практика проведения исследований в ходе доследственной проверки и фактически дублирующее их последующее производство судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела.

Помимо этого в ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ закреплено правило об обязательности удовлетворения ходатайства, заявленного в ходе предварительного расследования стороной защиты или потерпевшим, о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы.

Таким образом, основания для назначения и производства судебной экспертизы не отпадают по факту принятия решения о возбуждении уголовного дела. Напротив, изъятое и подвергнутое исследованию (возможно неоднократно) наркотическое средство или психотропное вещество может вновь стать объектом судебной экспертизы. Представляется, что подобное ходатайство также может быть заявлено неоднократно, так как в законе не указан период времени, в течение которого за участниками стороны защиты сохраняется данное право. При таком подходе оно (ходатайство) может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу.

С учетом обозначенных положений возникают вопросы: не превратится ли данное право в средство оказания активного противодействия расследованию уголовного дела; может ли в принципе в ходе предварительного следствия по уголовному делу о незаконном обороте наркотиков у следователя (равно как и у руководителя следственного органа, судьи) сложиться уверенность в том, что по делу проведены все необходимые исследования, результаты которых в полной мере удовлетворяют и участников стороны защиты?

Что касается первого вопроса, то, на наш взгляд, однозначного ответа быть не может.

Положительный ответ на второй вопрос может быть дан только в исключительных случаях. Например, при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, так как в этом случае он должен оказывать активное содействие в раскрытии преступления и расследовании уголовного дела (что само по себе должно исключать конфликт).

Но и в такой ситуации могут возникать проблемы в оценке характера действий подозреваемого (обвиняемого): если ходатайство им будет заявлено, можно ли это расценить как противодействие? Ведь помимо оказания активного содействия в раскрытии преступления за подозреваемым (обвиняемым) сохраняется право на защиту, а за следователем – обязанность обеспечить условия для его реализации.

Второе. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ к материалам уголовного дела должен быть приобщен достаточный для сравнительного исследования образец изъятого из незаконного оборота наркотического средства, психотропного вещества и т.д.² Однако порядок получения образца неясен. Мы полагаем, что изъятие может происходить в порядке, предусмотренном ст. 202 УПК РФ, но состав участников следственного действия должен быть уточнен, содействие следователю в определении достаточного количества и получении образца оказывает специалист (ч. 3 ст. 202 УПК РФ).

Полагаем, после принятия решения следователем о том, что все необходимые исследования проведены (решение может быть принято лишь на основе достаточной совокупности доказательств, позволяющей прийти к достоверному выводу о виде, размере наркотического средства или психотропного вещества) и вещественное доказательство может быть уничтожено, он должен уведомить об этом решении и вызывать соответствующих участников для ознакомления с ним, в ходе которого необходимо разъяснить:

- основания принятия решения об уничтожении и содержание соответствующих положений ст. 81, п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ;
 - порядок изъятия образцов и цель данного действия, а также право на участие в нем;
 - право на заявление ходатайства о привлечении к участию в данном действии в качестве специалиста указанных ими лиц;
 - право и порядок обжалования его действий
- и вручить копию постановления о получении образцов для сравнительного исследования.

О выполнении всех действий следователь должен составить протокол и ознакомить с его содержанием лиц, участвующих в действии. В протоколе необходимо отразить заявления и ходатайства участников, а в случае применения технических средств фиксации сделать отметку об их использовании. Протокол подписывается следователем и участниками процессуального действия.

Третье. Порядок судебного заседания по рассмотрению ходатайства об уничтожении вещественных доказательств предусмотрен ст. 165 УПК РФ. В ч. 3.1. данной статьи говорится о праве участников стороны защиты присутствовать при решении данного вопроса, в связи с чем они своевременно и надлежащим образом об этом уведомляются.

Представляется, что в ходе судебного заседания судом должна быть дана оценка:

- заключению эксперта на предмет его соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам;
- обоснованности решения следователя об уничтожении вещественных доказательств;
- действиям следователя в части обеспечения прав участников со стороны защиты или потерпевшего.

Полагаем, не будет излишним уточнение судом позиции участников стороны защиты (потерпевшего) относительно проведенной экспертизы и заключения эксперта. В частности, предметом обсуждения может стать вопрос о соответствии заключения эксперта как вида доказательства свойствам допустимости, относимости и достоверности. Полагаем, что участники совместно должны прийти к выводу о том, что проведены все необходимые исследования вещественных доказательств, об уничтожении которых заявлял в ходатайстве следователь.

В заключение хотелось бы особо отметить, что решение об уничтожении вещественных доказательств может быть принято судом в случае, если стороны в ходе судебного заседания совместно пришли к признанию возможности и целесообразности уничтожения вещественных доказательств, и оно (уничтожение) не создаст препятствий для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела и разрешения его по существу.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14.

² Формулировка п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ фактически означает, что законодатель и сам допускает проведение в дальнейшем повторных исследований и, как мы полагаем, не только сравнительных.

А.Б. Судницын,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ПУНКТОМ 1 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 97 УПК РФ,
ДАННЫМИ О ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ)**

Статья 97 УПК РФ формулирует перечень оснований для избрания меры пресечения, в содержании которых отсутствует непосредственная привязка к тяжести совершенного преступления. Из этого логично следует, что ссылаться на данные о совершении преступления определенной степени тяжести как основание для избрания меры пресечения недопустимо. Однако обобщение практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, результаты анкетирования, интервьюирования следователей и дознавателей показали, что для должностных лиц в большинстве тяжесть совершенного преступления сама по себе является основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Причем данное «правило» весьма распространено, несмотря на то, что ссылка на тяжесть обвинения как основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу признается судами серьезным недостатком аргументации.¹ Кроме того, это приводит к отождествлению оснований, условий и обстоятельств избрания меры пресечения в виде заключения под стражу отдельными следователями, дознавателями. Итогом является подмена требований, определенных законом (например, оснований для избрания меры пресечения – обстоятельствами, которые необходимо учитывать при избрании меры пресечения). В результате такое решение может быть признано незаконным и необоснованным.

Вместе с тем данные о тяжести преступления, вменяемого в вину обвиняемому (подозреваемому), в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, безусловно, имеют значение и не могут быть проигнорированы.

Для того чтобы правильно использовать эти данные, обозначим ряд отправных точек: условия избрания меры пресечения – обстоятельства, наличие которых обязательно при решении вопроса о возможности применения меры пресечения; основания избрания

меры пресечения – обстоятельства, предусмотренные законом, наличие которых при соблюдении установленных условий дает право применить меру пресечения.²

В теории уголовного процесса довольно распространенным является следующее мнение. Вывод о возможном ненадлежащем поведении обвиняемого нередко опирается на презумпцию, согласно которой сама тяжесть совершения преступления и серьезность грозящего наказания могут побудить лицо скрыться или помешать установлению истины.³ Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство разграничивает избрание меры пресечения в виде заключения под стражу при обвинении (подозрении) лица в совершении преступлений различных категорий (например, небольшой тяжести и особо тяжких). Так, УПК РФ устанавливает ряд дополнительных условий, наличие которых требуется при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, когда вопрос касается преступлений менее тяжких категорий или отдельных видов из них (чч. 1, 1.1, 2 ст. 108, чч. 2, 3 ст. 109 УПК РФ). Но такая регламентация учитывает далеко не все возможные ситуации, складывающиеся в правоприменительной деятельности. Например, при расследовании тяжких, особо тяжких преступлений установлено лицо, подозреваемое в его совершении, однако отсутствуют исчерпывающие данные для полноценного обоснования решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с этим актуален вопрос о влиянии тяжести преступления на вероятность наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, и решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Для разрешения данного проблемного аспекта следует принять во внимание ранее приведенное теоретическое положение, а также складывающуюся судебно-следственную практику, в том числе и Европейского суда по правам человека. Практика исходит из того, что суровость возможного наказания является важным фактором при оценке наличия риска ненадлежащего поведения подозреваемого⁴, что определяет избрание меры пресечения в виде заключения под стражу *на начальных стадиях разбирательства* (здесь и далее курсив мой. – А.С.)⁵.

На это обращает внимание и Верховный Суд РФ⁶, который фактически разграничивает степень обоснованности решения об избрании меры пресечения в зависимости от периода расследования. Так, в п.п. 5, 21 указанного постановления предусматривается, что наличие основания для избрания меры пресечения в виде за-

ключения под стражу (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) на первоначальных этапах производства может быть подтверждено лишь тяжестью предъявленного обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

Сформулированный Верховным Судом РФ подход, учитывающий возникающие на практике ситуации, когда на первоначальных этапах производства по делу и при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу правоприменители находятся в условиях дефицита информации, следует оценивать положительно. Однако необходимо сделать некоторые уточнения.

Используемая Верховным Судом РФ формулировка – тяжесть предъявленного обвинения – не должна истолковываться буквально и связываться только лишь с институтом привлечения в качестве обвиняемого. Закон предусматривает возможность избрания меры пресечения и в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Поэтому целесообразнее говорить о тяжести преступления, в совершении которого обвиняется или подозревается лицо, в отношении которого принимается решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Необходимость в подтверждении основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, данными о тяжести совершенного преступления и возможном наказании может иметь место не только на первоначальном, но и на более поздних этапах производства по делу. Такая потребность может быть вызвана, например, тем, что при производстве по уголовному делу появляется информация о лице, подлежащем привлечению в качестве обвиняемого, но исчерпывающих данных для полноценного обоснования решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в общем порядке (несмотря на ранее проводимые процессуальные действия) не имеется. Таким образом, следователь может находиться в условиях, аналогичных ранее отмеченным, относящимся к решению вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе производства по уголовному делу. В связи с этим следует говорить о возможности и на последующих этапах производства по делу, но при первоначальном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в обосновании решения делать особый акцент на данные о тяжести совершенного преступления и возможном наказании для подтверждения основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

И третье уточнение. При подтверждении основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, на начальных этапах необходимо подчеркнуть общественную опасность преступления. Это предложено в связи с тем, что преступления, относящиеся к одной категории тяжести (ст. 15 УК РФ), могут отличаться по степени общественной опасности. Например, незаконный сбыт наркотического средства (героин) в размере 1000 г и незаконный сбыт наркотического средства (героин) в размере 10000 г квалифицируются могут одинаково – ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Но совершенно очевидно, что общественная опасность данных преступлений разнится.

Говоря о том, что данные о совершении преступления определенной степени тяжести подтверждают основание (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) для избрания меры пресечения, не следует забывать – речь идет лишь о подтверждении основания. Для избрания или применения меры пресечения в виде заключения под стражу необходимы и иные данные. Например, ст. 99 УПК РФ предусматривает, что при решении вопроса об избрании меры пресечения и определении ее вида *при наличии оснований* должны учитываться *также* обстоятельства, указанные в этой статье. Помимо обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, необходим ряд условий: обоснованное обвинение (подозрение), выразившееся в процессуальном акте, влекущем возникновение соответствующего процессуального статуса; подтверждение невозможности избрания иной, более мягкой, меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) и др.

Таким образом, данные о совершении преступления определенной степени тяжести и высокой общественной опасности преступления могут подтвердить основание (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) при первоначальном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Приведенное понимание значения данных о тяжести преступления позволяет отграничивать их от условий избрания мер пресечения, обстоятельств, учитываемых при избрании мер пресечения, и правильно использовать в деятельности. Это будет способствовать соблюдению требований закона, принятию законного, обоснованного и мотивированного решения, обеспечению последующей положительной оценки принятого решения, единству практики.

¹ См.: Дело Дирдизов (Dirdizov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 27.11.2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 9 и др.

² См. подр.: Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность применения меры пресечения в виде заключения под стражу : учебное пособие. Красноярск, 2014. С. 29-32.

³ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 107.

⁴ См., напр.: Дело Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 29.04.2010 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 11 (п. 71).

⁵ См., напр.: Дело Самойлов (Samoylov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 24.01.2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 11 (п. 109); Дело Пятков (Pyatkov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 13.11.2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 12 (п. 112); Дело Королева (Koroleva) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 13.11.2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 12 (п. 95) и др.

⁶ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // Российская газета. 2013. 27 декабря.

М.М. Черняков,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛОВ ПРОВЕРКИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализ уголовных дел позволяет сделать однозначный вывод о том, что незаконный оборот наркотических средств в местах лишения свободы невозможен без предварительной подготовки, изучения обстановки, создания ряда условий, способствующих достижению преступной цели и цели самосохранения.

На этапе изучения и оценки материалов оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела мы рекомендуем обращать внимание на необходимость установления в представленных материалах следующих обстоятельств.

1. Время возникновения умысла на совершение преступления, время начала и окончания преступных действий.

В деятельности правоохранительных органов иногда встречаются нарушения, допускаемые при установлении времени совершения преступления, что является также проблемой доказывания при расследовании преступлений этого вида.

При установлении времени совершения преступления необходимо устанавливать как минимум точный месяц совершения преступления для принятия обоснованного решения. Принимая решение о возбуждении уголовного дела, следователь должен исследовать вопрос о течении сроков давности совершенного преступления, так как в случае истечения этих сроков уголовно-процессуальный закон предписывает выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Анализ процессуальных документов показывает неправильную тенденцию в деятельности следователей – в качестве описания время совершения преступления включать фразу «в период до...», которая заканчивается датой непосредственно выявления преступления. Как показывает анализ судебной практики, подобная фраза недопустима в постановлениях о возбуждении уголовного дела.¹

2. Место начала и окончания преступных действий с точностью до района населенного пункта, способ совершения преступления.

Специфика незаконного оборота наркотических средств в местах лишения свободы состоит прежде всего в приоритете элементов подготовки и сокрытия перемещения через зону досмотра указанных предметов. Наиболее часто встречаются следующие способы перемещения через зону досмотра:

- с использованием транспортных средств, их конструктивных особенностей (полости и труднодоступные места);
- путем заказа через Интернет и пересылки по почте с сокрытием в письмах, бандеролях, посылках;
- внутривещной способ сокрытия наркотических средств, то есть когда наркотические средства перемещаются внутри человеческого тела.

Как показывает анализ уголовных дел, способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в местах лишения свободы, могут быть различны. На этапе принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела представляется необходимым оценить допустимость с точки зрения уголовно-процессуального законодательства источников добывания информации об обстановке совершения преступления.

Способ незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях выявляется:

- при непосредственном задержании лица, совершающего любым из способов деяние, связанное с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях;
- при обнаружении признаков незаконного оборота наркотических средств, когда непосредственное задержание лица не производилось.

В первом случае, когда лицо непосредственно задержано за незаконный оборот наркотических средств в исправительных учреждениях, фиксацию факта совершения и выявления преступления целесообразно проводить способами, указанными в ст. 144 УПК РФ, то есть получение объяснений у задержанного лица и очевидцев совершения и выявления преступления, получение образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, изъятие их порядке, установленном УПК РФ, путем производства следственных действий, проведение которых допустимо до возбуждения уголовного дела.

Проведение этих действий возможно следователем (дознавателем), а в случаях, предусмотренных ст. 157 УПК РФ, начальником учреждения и органа ФСИН России, а равно лицом, назначенным им для проведения предварительной проверки по сообщению о преступлении.

Во втором случае, если непосредственное задержание лица не производилось, а лишь обнаружены признаки незаконного оборота наркотических средств, данные о способе преступления возможно получить, как правило, из материалов, отображающих результаты оперативно-розыскных мероприятий. Установить способ незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях возможно и посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий уже в ходе предварительного расследования, но в этом случае требуется отдельное поручение следователя в порядке ст. 152 УПК РФ. После легализации и представления результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в качестве доказательств, относящихся к иным документам, при условии, что будут получены в соответствии с требованиями законодательства.

3. Кроме установления объективной стороны незаконного оборота наркотических средств требуется установить умысел, цель и мотивы лиц, совершивших преступление.

Преступление этой категории возможно совершить только с прямым умыслом, поэтому на этапе проверки сообщения о престу-

плении мы рекомендуем документально оформлять пояснения лица о том, что ему было достоверно известно, какое вещество или предмет он перемещает в исправительное учреждение.

При этом необходимо выяснить, приобретен данный наркотик для личного употребления или в целях сбыта на территории исправительного учреждения. Установление такого факта возможно при анализе материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, а также на последующем этапе расследования при проведении следственных действий.

4. Определение предмета преступления. Для определения и отнесения обнаруженных и изъятых веществ к наркотическим средствам необходимо проведение предварительного исследования изъятого вещества либо судебной экспертизы. Таким образом, решение вопроса о том, относится ли изъятое вещество к наркотическому, возможно как путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, так и при производстве следственных действий. Тем не менее по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях в распоряжении следователя (органа дознания) достаточно небольшой период времени для принятия процессуального решения. Иногда невозможно произвести экспертизу в короткие сроки ввиду отдаленности исправительных учреждений от места проведения экспертизы. В подобных случаях допустимо применение в условиях исправительных учреждений экспресс-анализов для отнесения исследуемого вещества к наркотикам и в последующем после принятия решения о возбуждении уголовного дела проведение экспертизы, так как результаты экспресс-анализов не представляется возможным впоследствии использовать в качестве доказательств.

5. Количество соучастников и распределение ролей.

Установление всех членов преступной группы является приоритетным направлением при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях, позволяет перекрыть канал поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения в дальнейшем.

Результаты изучения материалов уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях позволяют выделить следующие группы лиц по предварительному сговору, исходя из целевого назначения деятельности преступной группы:

– группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию ис-

правительного учреждения, организатором которой выступает осужденный, отбывающий наказание на территории данного исправительного учреждения (42,4% изученных уголовных дел);

– группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения и сбыта наркотических средств за пределами исправительного учреждения, в которой организатором выступает осужденный, отбывающий наказание в данном исправительном учреждении (10,6% изученных уголовных дел);

– группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения, организатором которой выступает лицо, не отбывающее наказание в конкретном исправительном учреждении (5,06% изученных уголовных дел);

– группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения и за пределами исправительного учреждения, в которой организатором выступает лицо, не отбывающее наказание в конкретном исправительном учреждении (3,2% изученных уголовных дел);

– образование организованных преступных групп с целью сбыта наркотических средств в исправительных учреждениях (1,4% уголовных дел). Причем организаторами таких организованных преступных групп могут выступать как осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, так и персонал данных учреждений, а также иные лица, находящиеся за пределами исправительных учреждений.²

Заключительным этапом стадии возбуждения уголовного дела является принятие решения, которое также по делам этой категории преступлений имеет особенность.

По итогам 2014 г. прокурорами в 11,7% случаев от общего количества уголовных дел были приняты решения об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, отнесенных к компетенции органов наркоконтроля.

Основанием для принятия решения надзирающим органом послужили факты недостаточно полного документирования рассмотренных выше обстоятельств, подлежащих установлению в стадии возбуждения уголовного дела. В отдельных случаях проверка по сообщениям была проведена несвоевременно либо без достаточных оснований, в связи с чем следователю, принимающему решение, рекомендуем при проведении проверки по сообщению о

преступлении этой категории давать письменные поручения органу дознания об установлении конкретных обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а в спорных случаях лично получать объяснения от заинтересованных лиц, специалистов и лиц, участвующих при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Кроме того, по итогам прошлого года прокурорами регионов были отменены 0,7% постановлений о возбуждении уголовных дел от общего количества принятых решений.

Основными причинами отмены прокурорами постановлений о возбуждении уголовных дел являются:

- отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления;
- неполнота проведенной предварительной проверки;
- технические и процессуальные ошибки, допущенные оперативными сотрудниками при оформлении материалов, представляемых в органы наркоконтроля для решения вопроса о возбуждении уголовных дел;
- неправильная квалификация действий лица, в деянии которого усматриваются признаки преступления.

Резюмируя изложенное, полагаем, что для достижения цели стадии возбуждения уголовного дела по делам о незаконном обороте наркотических средств в местах лишения свободы следовательно необходимо более тщательно анализировать материалы оперативно-розыскной или административной деятельности на предмет их соответствия требованиям федеральных нормативно-правовых актов и ведомственных приказов и своевременности проводимой проверки.

¹ См.: Надзорное определение Верховного Суда РФ от 30.06.2011 № 45-Д11-14.

² Чернышенко Е.В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2014.

О.Ю. Александрова,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ
О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О СКЛОНЕНИИ ЛИЦА
К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ**

Стадия возбуждения уголовного дела предваряет расследование любого уголовного дела, начинается с получения содержащихся в поводе первичных сведений о деянии, носящем противоправный характер, и завершается принятием соответствующего процессуального решения в соответствии со ст. 145 УПК РФ, а именно постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Сведения о склонении лица к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов могут выявляться при возбуждении уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, при задержании лица по подозрению в совершении преступления данной категории (в порядке ст. 91 УПК РФ), при осуществлении подразделениями органов наркоконтроля различных оперативно-розыскных и поисковых мероприятий, при обнаружении лица, в отношении которого осуществлено склонение, во время (или непосредственно после) совершения действий по потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, при расследовании уголовных дел других категорий, при поступлении сообщений и заявлений граждан; поступлении сообщений должностных лиц (руководителей учебных и учебно-воспитательных учреждений, предприятий, организаций, органов местного самоуправления) и др.¹

Стадии возбуждения уголовного дела, как правило, предшествует предварительная проверка, решение о проведении которой принимается уполномоченным лицом после изучения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из вышеуказанных источников, при невозможности принятия процессуального решения в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

В материалах предварительной проверки при доказывании вины лица, склоняющего другое лицо к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, могут содержаться:

- материалы дел об административных правонарушениях в отношении склоняющего и склоняемого лиц (протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.9 КоАП РФ, объяснения, протоколы тестирования иммунохроматографическим экспресс-тестом и протоколы медицинских освидетельствований, содержащих сведения о наличии (отсутствии) у склоняемого и склоняющего лица в момент проверки состояния опьянения (при этом склоняющее лицо может и не находиться в состоянии опьянения);

- подробные объяснения склоняемого лица об обстоятельствах преступления (где, когда, у кого приобретены наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, кто инициатор приобретения и потребления, данные о лице, склонявшем лицо к потреблению; знал ли склоняющий о его несовершеннолетнем возрасте (для установления признаков состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ);

- объяснения очевидцев совершенного преступления; объяснения законных представителей по фактам появления несовершеннолетних в наркотическом опьянении (для установления признаков состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ);

- справка об исследовании изъятого вещества, которое является наркотическим средством, либо психотропным веществом, либо их аналогом;

- протоколы осмотра места происшествия, жилища (иного помещения), в ходе производства которых изымались предметы, служащие впоследствии доказательствами совершения преступления (упаковка наркотических средств и психотропных веществ, предметы вещной обстановки со следами рук склоняемого и склоняющего лица, часть вещества (средства) и др.);

- документы (материалы, фото, аудио– и видеозаписи и иные носители информации).

Кроме того, могут быть представлены следующие документы (материалы):

- проверочный материал по заявлениям и обращениям граждан по фактам склонения к потреблению наркотических средств, либо психотропных веществ, либо их аналогов;

- информация из учреждений здравоохранения, образования, социального обслуживания, других органов и учреждений;

- характеристики с места работы, учебы, жительства на склоняющее и склоняемое лицо и др.

На этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела возможны две основные типичные ситуации:

1) материалы предварительной проверки содержат достаточный объем данных, указывающих на признаки склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Основная задача в данном случае будет заключаться в проверке наличия (отсутствия) сведений, исключающих производство по делу (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ);

2) в материалах предварительной проверки отсутствует необходимый объем сведений, указывающих на признаки склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Основным направлением проверки имеющихся материалов в этой ситуации являются получение недостающих для принятия решения дополнительных сведений о случившемся, в том числе об обстоятельствах произошедшего преступления, конкретизация действий лиц, причастных к совершению преступления, выяснение умысла их действий.²

В первом и во втором случаях следователь получает объяснения от лиц, осведомленных об обстоятельствах совершения преступления: а) ближайших родственников склоняющего и склоняемого лица; б) лиц, входящих в их окружение (соседи, друзья, знакомые и т.п.); в) сотрудников органов наркоконтроля и др.

Необходимо остановиться на моменте принятия решения, на стадии возбуждения уголовного дела.

Стоит отметить, что выявление данных преступлений, как правило, происходит в процессе расследования уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, в качестве дополнительного эпизода преступной деятельности. Встает вопрос: необходимо ли выносить постановление о возбуждении уголовного дела?

Так, Верховный Суд РФ³ отметил: «Ни статья 129, ни статья 112 УПК РСФСР, ни статья 140, ни статья 146, ни статья 149 УПК РФ не предусматривают обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В подобных случаях этим лицам может быть предъявлено обвинение и без вынесения дополнительного постановления о возбуждении уголовного дела».

При этом фактически одновременно с принятием Верховным Судом РФ вышеуказанных судебных решений, Конституционный

Суд РФ выносит по данному вопросу два определения, по своей сути противоположных последним.

Так, Конституционный Суд РФ указал: «Уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось»⁴.

Таким образом, судебная практика Верховного Суда РФ противоречит и не соответствует позиции Конституционного Суда РФ. Вопрос: какой позиции должен придерживаться правоприменитель? Во-первых, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела является началом предварительного расследования. Посредством его вынесения создается условие для осуществления уголовного преследования и обеспечения охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также возможности реализации предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав. Во-вторых, ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» прямо указывает: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти...», в том числе Верховного Суда РФ.

В связи с этим считаем, что после проведенной предварительной проверки в соответствии со ст. 146 УПК РФ, если усматриваются признаки преступления, предусмотренные ст. 230 УК РФ, следователь должен выносить постановление о возбуждении уголовного дела, в том числе выявленного в процессе расследования уголовного дела, копия которого незамедлительно направляется прокурору. О принятом решении следователь обязан уведомить заявителя (если он имеется), а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. При этом следователь создает возможность реализации участниками уголовного судопроизводства предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав, в частности, разъясняя заявителю право на обжалование данного решения и порядок обжалования; вручая подозреваемому копию вышеуказанного постановления и др.

⁴ См. также: Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции : приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 // СПС КонсультантПлюс.

² См.: Сажаев А.М. Методика расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий : учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2004. С.27.

³ Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20.11.2004 по делу № 6-073/03 // СПС КонсультантПлюс; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.09.2006 по делу № 14-о06-29 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Определения Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О и от 21.12.2006 № 533-О // СПС КонсультантПлюс.

И.А. Анисова

Следственный департамент ФСКН
России (г. Москва)

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Незаконный оборот наркотиков с каждым годом набирает все большие масштабы, видоизменяясь и приобретая новые формы, подстраиваясь под современные реалии. В настоящее время наблюдается существенное изменение конъюнктуры наркорынка, в частности, замена потребления традиционных наркотиков на синтетические каннабиноиды группы JWH и иные новые виды психотропных веществ, используемые в курительных смесях. Все чаще для распространения наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ используется глобальная сеть Интернет. Все большую популярность приобретают специально создаваемые сайты и популярные в молодежной среде социальные сети. Использование преступниками ресурсов Интернета, электронных платежных систем, средств мобильной связи значительно снижает риск быть задержанными в момент сбыта, в связи с чем наиболее организованные и предприимчивые группы наркодилеров в основном переходят на так называемые бесконтактные способы сбыта наркотиков. Это существенно усложняет применение оперативными сотрудниками классических методов осуществления проверочной закупки, остающейся на сегодняшний день основным средством выявления и документирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В УК РФ внесены изменения, предусматривающие ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В связи с этим перед оперативными подразделениями ФСКН России поставлена задача выявлять и изобличать лиц, распространяющих наркотики с использованием инфокоммуникационных технологий.

Как показала практика выявления и расследования уголовных дел указанной категории, решению поставленных задач препятствует ряд обстоятельств, среди которых особо выделяется необходимость привлечения к указанной деятельности значительного количества сил и средств, главным образом со стороны подразделений, осуществляющих оперативно-технические мероприятия. Тем не менее правильно организованное наблюдение за сетевыми ресурсами в Интернете и грамотное проведение в сети комплексных оперативно-розыскных мероприятий позволяют оперативным сотрудникам выявлять и задерживать лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств указанным способом.

Например, в 2013 г. Региональным управлением ФСКН России по Алтайскому краю пресечена деятельность международного преступного сообщества под руководством гражданина Республики Беларусь, в состав которого вошли трое граждан Республики Беларусь и четверо – Российской Федерации, осуществлявшие распространение через сеть розничных сбытчиков и путем почтовых отправок наркотиков группы JWH с использованием интернет-ресурсов бесконтактным способом «через тайники-закладки» на территории Москвы, Алтайского края, Республики Башкирия, Смоленской области и других регионов. Передача наркотических средств от одних участников преступного сообщества другим происходила посредством тайников-закладок либо почтовыми пересылками. Из незаконного оборота изъято около 1,5 кг концентрата наркотических средств: метилendiоксипировалерон; альфа-пирролидиновалерофенон (PVP), 4-Метилэтакатинон (4-МЕС), (Нафталин-1-ил)(1-пентил-1Н-индол-3-ил)метанон (JWH-018). Следствием установлено, что наркотические средства поставлялись в Российскую Федерацию из азиатского региона (по оперативным данным – из Китая). Общий объем наркотиков, прошедших через руки преступников, достигал двухсот тысяч разовых доз. В ходе расследования дела установлена легализация денежных средств,

полученных в результате совершения преступлений участниками преступного сообщества, на сумму более пяти миллионов рублей.

Схема сбыта наркотиков была организована следующим образом. На созданном преступниками ресурсе в сети Интернет была размещена реклама предлагаемых для реализации наркотических средств и указаны способы оплаты «товара». Потребителю предлагалось отправить заказ с указанием вида и количества наркотика, который он желает приобрести, с использованием SMS-сообщений, ICQ, электронной почты либо через ресурсы социальных сетей. При получении заказа один из участников преступной группы, выполняющий роль диспетчера, направлял ответное сообщение покупателю с указанием суммы и способа оплаты, которая могла быть произведена через электронные платежные системы (Яндекс.Деньги, QIWI и др.) либо путем пересылки кодов карт оплаты услуг мобильной связи. После осуществления платежной транзакции покупателю направлялось сообщение с указанием места нахождения тайника с наркотиками либо наркотики отправлялись потребителю посылкой почтой или курьерскими службами на адрес, указанный в заявке. Скрывая следы противоправной деятельности, преступники использовали специальные приемы, подменяющие информацию о фактических адресах их сетевой активности.

Эффективное реагирование на преступные действия указанных формирований невозможно без определенной корректировки его методов. На первоначальном этапе выявления рассматриваемого вида преступлений особое значение приобретает поиск первичной оперативной информации в сети Интернет и ее проверка, проведение которых предполагает наличие у оперативного сотрудника специальных знаний. Для выявления информации, представляющей оперативно-розыскной интерес, в первую очередь используется поиск по информационным ресурсам Интернета с применением разного рода поисковых систем (Google, Yandex, Rambler и прочие). В его ходе выявляются сайты, связанные с преступными организациями, а также информационные ресурсы, содержащие запрещенную к распространению информацию. По результатам поиска принимаются меры к установлению личности организаторов сайтов. Однако использование только такого подхода не может обеспечить достаточной эффективности информационного поиска в киберпространстве, поскольку в нем существуют обширные закрытые для поисковых серверов зоны, которые могут использоваться в деструктивных целях (в том числе и для распространения наркотиков). В целях более эффективного выявления наркопресту-

плений в сети Интернет предлагается проводить оперативно-розыскной мониторинг сетевого информационного пространства, который предполагает сбор, обработку и анализ информации о явлениях криминального плана, представляющих интерес для оперативно-розыскной деятельности, оценку и прогноз изменения оперативной обстановки под воздействием криминогенных факторов. После выявления ресурсов, через которые организован оборот наркотических средств, важно обеспечить установление контакта с продавцами (диспетчером), выяснение способов связи с ними и данных контактов, в том числе номеров мобильных телефонов, электронных кошельков, банковских счетов и т.п. Необходимо принять меры к определению местонахождения устройств, с помощью которых преступниками осуществляется выход в сеть Интернет, установлению всех участников организованной преступной группы, а также выяснению роли каждого из фигурантов в сбыте наркотиков, определить места закладок наркотических средств, каналы поставок, способы обналичивания и распределения денежных средств, а также иные обстоятельства, свидетельствующие о преступной деятельности. Проводимый комплекс оперативно-розыскных мероприятий должен включать несколько проверочных закупок, осуществляемых на различных этапах оперативной проверки. По итогам первичной проверочной закупки целесообразно представить следователю часть результатов оперативно-розыскной деятельности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Наличие уголовного дела позволяет более оперативно получать доказательства вины участников группы путем осуществления не только оперативно-розыскных мероприятий, но и следственных действий, таких как допросы, выемки, обыски и др. После того как основные участники организованной преступной группы установлены и их преступные действия надлежащим образом зафиксированы, следует переходить к реализации материалов оперативной разработки и задержанию фигурантов. Большую актуальность приобретает вопрос первоначальных следственных действий, обусловленных способом совершения преступления. Особое внимание на первоначальном этапе необходимо уделить обыску по месту жительства подозреваемого, необходимо изучить рабочее место – используемый персональный компьютер с его периферийными устройствами, иные устройства, обеспечивающие доступ к Интернету. Объектами поиска при незаконном распространении наркотиков посредством глобальной сети Интернет в зависимости от конкретных обстоятельств являются: наркотические средства, психотроп-

ные и сильнодействующие вещества – переписка, почтово-телеграфная корреспонденция, записные телефонные книжки, другие документы, свидетельствующие о связях между преступниками, а также между ними и их клиентами; квитанции, чеки, бланки, счета оплаты, перевода, отправления, получения денежных средств, электронных переводов, пластиковые карты, договоры на открытия счетов и т.д.

Для повышения эффективности противодействия обороту наркотиков в сети Интернет следует осуществить и ряд организационных мер. Прежде всего, важно обеспечить создание межведомственных рабочих групп, способных наладить эффективное взаимодействие при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемой сфере. С учетом трансграничного характера преступной деятельности не менее важным представляется и межгосударственное взаимодействие правоохранительных органов, в том числе при осуществлении оперативно-розыскного мониторинга киберпространства, направленного на выявление организованных преступных групп, распространяющих наркотические средства через сетевые инфокоммуникационные каналы.

Безусловно, это далеко не полный перечень мер, способствующих повышению эффективности оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту наркотических средств, совершаемому с использованием телекоммуникационных устройств.

М.С. Сапожников

Управление ФСКН России
по Псковской области

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ
СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЧТОВЫХ
ОТПРАВЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Управлению ФСКН России по Псковской области к настоящему времени удалось сформировать положительную практику выявления и расследования преступлений, связанных с контрабандой сильнодействующих веществ с использованием международных почтовых отправлений.

Рассмотрим некоторые аспекты расследования контрабанды, совершаемой указанным способом.

Прежде всего отметим, что контрабанда сильнодействующих веществ (ст. 226.1 УК РФ) – это незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде» разъясняет, что под перемещением через таможенную границу товаров и иных предметов следует понимать совершение действий по ввозу на таможенную территорию Российской Федерации или вывозу с этой территории товаров или иных предметов любым способом, включая их перемещение в международных почтовых отправлениях.

Повышение интереса к бесконтактному способу контрабанды со стороны лиц, причастных к распространению подконтрольных средств и веществ, обусловлен прежде всего кажущейся безопасностью, поскольку отсутствует необходимость личного прохождения таможенных досмотров, при том, что досмотр международной почтовой корреспонденции в местах международного почтового обмена в соответствии с действующими правилами осуществляется выборочно. Благодаря специализированным почтовым Интернет-ресурсам, информация о движении почтового отправления может анонимно отслеживаться получателем контрабандной поставки по номеру почтового отправления.

Как правило, схема совершаемых преступлений предполагает активное использование фигурантом различных зарубежных интернет-ресурсов, предлагающих к сбыту подконтрольные средства и вещества. Подобные ресурсы содержат перечень распространяемых средств и веществ, а также информацию об условиях оплаты и доставки, осуществляемой почтовыми отправлениями. После заказа и его оплаты на адрес электронной почты покупателя либо в его аккаунт в социальной сети направляется номер почтового отправления (трек-код), который затем самостоятельно отслеживается покупателем через специализированные ресурсы до момента доставки на указанный адрес либо поступления в отделение связи. Лицами, посещающими сайты и аккаунты продавцов подконтрольных препаратов, используется специальное программное обеспечение, предназначенное для повышения конфиденциальности и безопасности выхода в сеть Интернет и осуществления виртуальных расчетов (программы «Tor», «Bitcoin»).

Одним из основных вопросов, возникающих в процессе доказывания, является установление момента, с которого преступление

следует считать оконченным. Исходя из п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6, при рассмотрении конкретного дела момент окончания контрабанды должен определяться в зависимости от формы и способа перемещения товаров, способа совершения контрабанды (помимо или с сокрытием от таможенного контроля, с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, с недекларированием или недостоверным декларированием), а также с учетом этапов перемещения, установленных Таможенным кодексом Российской Федерации. В случаях, когда в процессе перемещения товаров или иных предметов обманное использование документов или средств таможенной идентификации, а равно факты недекларирования, недостоверного декларирования или сокрытия от таможенного контроля обнаружены не были, преступление считается оконченным с момента принятия таможенными органами решения о выпуске товара или иных предметов.

Как следует из действующих Правил таможенного оформления и таможенного контроля товаров, пересылаемых через таможенную границу Российской Федерации в международных почтовых отправлениях, утвержденных приказом Государственного таможенного комитета РФ от 3 декабря 2003 г. №1381, принятие подобного решения осуществляется таможенными органами в местах международного почтового обмена.

Применительно к диспозиции ст. 226.1 УК РФ это означает, что в случаях осуществления контрабанды посредством международных почтовых отправлений из стран, не являющихся участниками Евразийского экономического союза (до 1 января 2015 г. – ЕврАзЭС), преступление считается оконченным в момент, когда почтовое отправление покидает место международного обмена. При расследовании же фактов контрабанды в международных почтовых отправлениях, поступивших из стран – участников Евразийского экономического союза, преступление считается оконченным в момент пересечения почтовым отправлением Государственной границы Российской Федерации.

Время нахождения почтового отправления в месте международного обмена, а также период, в течение которого почтовое отправление покидает место международного обмена на территории государства отправления и поступает на территорию России, устанавливается на стадии следствия по номеру изъятого отправления, путем получения сведений из организации, оказывающей услуги почтовой связи.

Так, в ходе расследования уголовного дела № 120132800294 в отношении гражданина И., осуществившего контрабанду сильнодействующих веществ – анаболических стероидов в международном почтовом отправлении из Республики Беларусь, в подразделение корпоративной безопасности ФГУП «Почта России» был направлен запрос с указанием номера интересующего международно-го почтового отправления, на основании полученных сведений установлено, что мелкий пакет (посылка) с указанным номером 21 мая 2013 г. с 12 часов 57 минут до 17 часов 33 минут 22 мая 2013 г. был отправлен из ММПО Республики Беларусь в Российскую Федерацию, тем самым пересек границу Российской Федерации и поступил в отделение перевозки почты в МСЦ цеха №3 УоВспо ПЖДП Казанского вокзала г. Москва Российской Федерации.

Другим вопросом, возникающим в ходе расследования указанной категории уголовных дел, является доказывание наличия у субъекта преступления прямого умысла на совершение контрабанды. Перед следователем ставится задача доказать, что в момент осуществления заказа наркотического средства, психотропного либо сильнодействующего вещества подследственный осознавал, что осуществляет заказ за пределами Российской Федерации.

Доказательства получают следователем при осмотре интернет-ресурсов, которыми пользовался подозреваемый для осуществления заказа (сайта, аккаунта социальной сети и т.п.).

В ходе осмотра устанавливается, содержит ли интернет-ресурс, на котором размещены объявления о предложении подконтрольных средств и веществ, указания на место, откуда осуществляется отправка заказов.

Доказательная база формируется еще и на основании материалов переписки фигуранта в социальных сетях, на форумах и т.д., посвященной обсуждению планируемого заказа.

В практике работы следственных подразделений УФСКН России по Псковской области осмотр использованных подследственным интернет-ресурсов совмещен с осмотром изъятой в ходе обыска принадлежащей ему компьютерной техники, что позволяет зафиксировать наличие в браузере сохраненных ссылок на ресурсы, паролей для входа в аккаунты и иную следовую информацию.

Как уже было отмечено, при заказе наркотических средств и психотропных веществ зачастую используется специальное программное оборудование, затрудняющее отслеживание работы в сети Интернет, что также создает сложности следователю в получении необходимых доказательств. Очевидным решением является проведение компьютерно-технической экспертизы, в ходе которой

устанавливается наличие следов использования специального программного оборудования, а также проведение допросов специалистов в сфере IT-технологий, дающих квалифицированные пояснения по материалам проведенных экспертиз. Важнейшим условием эффективности данного следственного действия является правильная постановка вопросов. На примере уголовного дела № 120142800226 укажем перечень вопросов, которые следует поставить при проведении компьютерно-технической экспертизы изъятых магнитных носителей:

- имеются ли в памяти жестких дисков системного блока, представленном на экспертизу, компьютерная информация, в том числе и среди удаленных файлов, содержащаяся в тексте, графике, базе данных, электронных таблицах и иных файлах о «Tor», «Silk Road», «Bitcoin»;

- имеются ли в памяти жесткого диска системного блока компьютера, представленного на экспертизу, признаки работы в сети Интернет? Каково содержание установок удаленного доступа и протоколов соединений;

- имеются ли следы выхода на страницы сайтов, содержащих компьютерную информацию о «Tor», «Silk Road», «Bitcoin», по которым осуществлялся доступ с представленных жестких дисков системного блока компьютера;

- имеются ли сообщения, содержащие ключевые слова «Tor», «Silk Road», «Bitcoin», полученные (отправленные) с применением программ персональной связи через Интернет и каково их содержание?

После получения результатов экспертизы в рамках уголовного дела допрос специалиста по прикладной информатике позволяет уточнить особенности использования программ «Tor», «Silk Road», «Bitcoin». Кроме того, специалист, комментируя обнаруженную в ходе экспертизы следовую информацию, указывает цели использования данных ресурсов и программного обеспечения.

Полученная таким образом в ходе следствия доказательная база достаточна для привлечения организатора (заказчика) контрабанды сильнодействующих веществ к уголовной ответственности, даже если он не осуществлял непосредственное пересечение границы с подконтрольным веществом и не являлся непосредственным отправителем контрабандной международной поставки.

Н.Т. Кузьмин

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕСКОНТАКТНОГО СПОСОБА СБЫТА НАРКОТИКОВ

В соответствии с п. 1 Указа Президента РФ «Об утверждении Положения о Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков» ФСКН России является специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – незаконному обороту наркотиков).

Директор ФСКН России В.П. Иванов, говоря о наркоситуации в стране, сравнивает противостояние государства и преступников с военными действиями.¹ Анализ современной наркоситуации свидетельствует о значительных изменениях в способах сбыта наркотических средств и психотропных веществ. В последние годы доминирующее положение занимает их распространение бесконтактным способом, с использованием Интернета в качестве канала наркоторговли.

Так, в 2014 г. УФСКН России по Красноярскому краю задокументирована деятельность преступного сообщества, осуществлявшего сбыт наркотиков посредством сети Интернет через систему тайников-закладок как в Красноярском крае, так и на других территориях Сибирского федерального округа. Управление и координация этой преступной сетью осуществлялась из г. Патаяя провинции Чонбури Королевства Тайланд. При документировании преступной деятельности указанной группы возбуждены 43 уголовных дела. Задержаны и привлечены к уголовной ответственности 23 лица, непосредственно причастных к распространению и сбыту наркотиков, изъято более 40 кг синтетических наркотиков. Установлено, что среднемесячный оборот только одной структуры преступной сети, действовавшей в Красноярском крае, составлял более 43 млн. рублей. По данным Федеральной службы по финансовому мониторингу, по счетам в зарубежных банках, открытых на одного из участников группы, совершались переводы на сумму около 2 млн. долларов США.

Причины повышенного интереса наркопреступников к Интернету заключаются в том, что в этой среде имеются особые усло-

вия для обеспечения конспирации участников незаконного оборота наркотиков.

Использование наркодилерами последних достижений в телекоммуникационных технологиях позволяют преступникам исключать прямой контакт с покупателем. Таким образом:

- повышается безопасность наркосбытчиков;
- появляются новые преступные группы в рамках сетевой системы сбыта наркотиков;
- за счет увеличения преступных групп, сбывающих наркотики, расширяется розничная сеть наркодилеров.

Бесконтактный сбыт наркотиков организован, как правило, следующим образом. На созданном преступниками ресурсе в сети Интернет размещается реклама предлагаемых для реализации наркотиков. Примером такого сетевого ресурса может служить торговая площадка «legalrz.biz», на которой функционируют несколько десятков интернет-магазинов по продаже наркотиков, специализирующихся по всем регионам России. На этой и подобных торговых площадках кроме предложений о продаже размещаются предложения о приеме на «работу» в качестве «закладчиков», «курьеров»; о приобретении SIM-карт, банковских карт, мобильных телефонов и пр., функционируют форумы, на которых покупатели наркотиков обсуждают их качество, цены, «уровень обслуживания» и «честность» интернет-магазинов и т.д.

Потребителю с использованием SMS-сообщений, электронной почты либо через ресурсы социальных сетей предлагается отправить заказ с указанием вида и количества наркотика, который он желает приобрести. При получении заказа один из участников преступной группы, выполняющий роль «диспетчера», направляет ответное сообщение покупателю с указанием суммы и способа оплаты, которая может быть произведена через электронные платежные системы (Webmoney, Яндекс.Деньги, QIWI и пр.) либо путем пересылки кодов карт оплаты услуг мобильной связи. После осуществления платежной транзакции² покупателю направляется сообщение с указанием места нахождения тайника с наркотиками. В отдельных случаях после оплаты преступники отправляют потребителю посылку с наркотиками почтой или курьерскими службами на адрес, указанный в заявке.

В некоторых случаях информация о заказе и сведения об оплате заказа поступают «диспетчеру» от участника преступной группы – «посредника», который, общаясь с покупателями, получает от них заказы и деньги для их оплаты, осуществляет платежи

и передает покупателям информацию, полученную от диспетчера, о местах нахождения тайников с наркотиками.

Для достижения максимальной безопасности при сбыте наркотиков преступниками применяется хорошо продуманная система безопасности, где существуют несколько уровней защиты, препятствующей документированию преступных действий разрабатываемых.

1-й уровень – на этапе связи:

- исключены личные встречи между членами преступной группы;

- исключены встречи между сбытчиком и покупателем;

- контакты осуществляются с помощью мобильной связи, SMS сообщений, систем Skype, Jabber, Viber;

- абонентские номера зарегистрированы на подставных лиц или не имеют официальной регистрации;

- используемые SIM-карты и телефонные аппараты мобильной связи периодически меняются;

- информация о смене телефонных номеров рассылается заинтересованным лицам только с помощью SMS.

2-й уровень – поставка наркотиков от организатора к «закладчику»:

- «закладчик» лично не знаком с организатором и «диспетчером»;

- «закладчик» подобран из числа потребителей;

- вовлечение в сбытовую сеть осуществляется с помощью коммерческого предложения через SMS или сеть Интернет;

- «закладчик» получает телефонный аппарат с SIM-картой и наркотики через закладки в тайниках;

- наркотики, заложенные в тайниках, уже заранее расфасованы на условные единицы веса (дозы).

3 уровень – на этапе осуществления закладок:

- дозы наркотиков дополнительно маскируются, упаковываются в фрагменты газет, мятые сигаретные пачки, затем помещаются в тайники;

- закладки в тайники осуществляются заранее;

- места тайников не повторяются;

- используются общедоступные места (полости под подоконниками, вывесками, в подъездах за мусоропроводами, почтовыми ящиками, возле гаражей и т.д.);

4-й уровень – этап контакта «диспетчера» с покупателем:

- контакт между «диспетчером» и покупателем осуществляется с помощью: мобильной связи посредством SMS, систем Skype, Jabber, Viber;

- при заказе покупатель указывает количество и вид желаемого наркотика;

- «диспетчер» называет цену и способ оплаты;

- при получении информации о поступлении денежных средств «диспетчер» сообщает о месте нахождения тайника.

5 уровень – на этапе оплаты:

- без предварительной оплаты наркотики не отпускаются;

- информация о месте нахождения закладки направляется только после подтверждения о произведенной оплате;

- для оплаты наркотиков покупатели используют общедоступные платежные терминалы (предназначенные для моментальной оплаты телефонов, коммунальных платежей и других услуг) переводя денежные средства на банковские счета;

- банковские счета оформляются на подставных лиц с подключением услуги «мобильное информирование», при которой информация о движении денежных средств отправляется на абонентский номер мобильного телефона в виде SMS;

- виртуальные счета открываются обезличенным способом через Интернет в системах Яндекс.Деньги, Webmoney, проверка поступления денежных средств осуществляется «диспетчером» с помощью компьютера, имеющего выход в сеть Интернет;

- с учетом наличия суточного лимита по сумме наличных денежных средств по банковским и виртуальным счетам наркобизнесмены используют несколько счетов, номера которых «диспетчер» сообщает покупателям непосредственно перед сделкой.

6-й уровень – на этапе обналичивания денежных средств:

- для получения банковского счета одному из покупателей наркотиков направляется SMS с предложением открыть на себя такой счет, оформить банковскую карту и обменять ее через закладку на наркотики;

- при использовании электронного счета виртуальные деньги с помощью компьютера, имеющего выход в сеть Интернет, переводятся на один или несколько банковских счетов;

- непосредственное обналичивание денежных средств осуществляется в банкоматах с использованием банковских карт, не «привязанных» к преступникам.

В целях сокрытия доходов преступниками используются схемы многоходовых переводов денежных средств через электронные

платежные системы. Создается определенное количество интернет-кошельков QIWI, один или несколько из которых используются в рекламе интернет-магазина, реализующего наркотики. Консолидация денежных средств осуществляется путем их перечисления через другие интернет-кошельки с последующим переводом на расчетный счет либо карту.

Представленная схема бесконтактного сбыта наркотиков может видоизменяться с учетом технических возможностей, образовательной подготовки участников преступной группы и используемых конспиративных мер.

Таким образом, отсутствие непосредственного контакта преступников с потребителем при передаче наркотиков затрудняет применение сотрудниками оперативных подразделений хорошо отработанных на практике тактических оперативно-розыскных алгоритмов установления участников преступных групп.

При документировании бесконтактного сбыта наркотиков сотрудники оперативных подразделений должны применять весь комплекс оперативно-розыскных сил, средств и методов, подтвердивших свою эффективность в противодействии наркопреступности. Одновременно с установлением всех участников преступной группы должен проводиться комплекс оперативно-розыскных мероприятий, который позволит выяснить роль каждого из разрабатываемых в сбыте наркотиков, определить места закладок наркотиков, каналы поставок, способы обналаживания и распределения денежных средств, а также установить иные обстоятельства, свидетельствующие о преступной деятельности.

¹ Материалы рабочей встречи Президента РФ В. Путина с директором ФСКН России В. Ивановым 20.01.2014. Официальный интернет-портал ФСКН России. URL : <http://www.fskn.gov.ru>.

² (англ. transaction) – группа последовательных операций с базой данных, которая представляет собой логическую единицу работы с данными. Транзакция может быть выполнена либо целиком и успешно, соблюдая целостность данных и независимо от параллельно идущих других транзакций, либо не выполнена вообще, и тогда она не должна произвести никакого эффекта. Транзакции обрабатываются транзакционными системами, в процессе работы которых создается история транзакций.

М.В. Кондратьев

Управление ФСКН России
по Кемеровской области

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В последнее время весьма рельефно проявляется тенденция расширения спектра противоправных деяний, совершаемых с использованием высоких информационных технологий, компьютерных систем, массовых телекоммуникаций, глобальной сети Интернет. Не остались без внимания злоумышленников и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Высокие информационные технологии, различные телекоммуникационные устройства, усовершенствованные технические средства сотовой и интернет-связи позволяют на высочайшем уровне обеспечивать безопасность при совершении наркопреступлений, сбывать наркотические средства бесконтактными способами, при которых исключается непосредственный визуальный контакт продавца и покупателя. Кроме того, информационные технологии позволяют производить моментальные безналичные расчеты, осуществлять различного рода переводы (транзакции) денежных средств, полученных от продажи наркотиков, в том числе переводить их в разные оффшорные зоны.

Данные факторы крайне негативно влияют на процессы выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что актуализирует необходимость совершенствования теоретических и прикладных основ взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В первую очередь осуществление результативного взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов наркоконтроля требует от следователей и оперативных сотрудников получения основополагающих, фундаментальных знаний в информационно-технологической сфере, поскольку довольно сложно выстраивать и применять при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений какие-либо тактические приемы, если следователь

или оперативный сотрудник не обладают элементарными познаниями о технических составляющих (например, что такое доменное имя, IP-адрес и т.д.).

Взаимодействие следователя и оперативного работника в органах наркоконтроля реализуется в следующих основных формах:

- поручение следователя или руководителя следственного органа является основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий и обязательным для исполнения сотрудниками оперативных подразделений;

- результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий, служить поводом и являться основанием для возбуждения уголовного дела, представляться следователю, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства России;

- следователь уполномочен давать органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;

- с письменного разрешения следователя, в производстве которого находится уголовное дело, в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускаются встречи оперативного сотрудника с подозреваемым, содержащимся под стражей;

- следователь или руководитель следственного органа вправе давать органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий при проверке сообщения о преступлении;

- после направления уголовного дела руководителю следственного подразделения орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. Однако в случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган, осуществляющий ОРД, обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для

установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах;

- должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут быть привлечены к работе следственной группы;

- следователь вправе привлечь должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, к участию в следственном действии.

Реализация данных форм взаимодействия следственных и оперативных подразделений при выявлении, раскрытии и расследовании наркопреступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, не особо отличается от порядка взаимодействия при раскрытии и расследовании иных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Однако складывающаяся в настоящее время оперативно-розыскная, следственная и судебная практика по делам о наркопреступлениях, совершаемых с использованием информационных технологий, порождает некоторые существенные проблемы взаимодействия следователей и оперативных сотрудников органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Так, на стадии оперативной разработки организованных преступных формирований довольно часто происходит дублирование некоторых действий следователя и оперативного сотрудника. Оперативный сотрудник проводит оперативно-розыскное мероприятие наведение справок, в ходе которого направляет запросы в различные организации и учреждения в целях получения информации о транзакциях денежных переводов, о владельцах абонентских номеров, IP-адресах и т.д. Затем следователь осуществляет практически те же самые действия в ходе расследования уголовного дела. На наш взгляд, более целесообразно это было бы делать кому-то одному, например оперативному сотруднику, но с обязательным представлением результатов оперативно-розыскной деятельности следователю. Следователь должен приобщать полученные от оперативного работника результаты оперативно-розыскных мероприятий к материалам уголовного дела и использовать их в доказывании по уголовным делам.

При осуществлении взаимодействия следователь и оперативный сотрудник должны в обязательном порядке к проведению оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий привлекать специалиста в области компьютерных технологий, в том числе и для оказания консультативной помощи. При этом использование помощи специалиста при выявлении, раскрытии и расследовании

наркопреступлений не должно происходить разнособъектно. Следователь и оперативный сотрудник должны постоянно находиться во взаимосвязи друг с другом.

Организационные формы взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, являются собой выработанные практикой и предусмотренные законодательными и подзаконными актами конкретные способы и порядок связей следователя и оперативного работника, обеспечивающие их согласованную деятельность в борьбе с преступностью. Данное взаимодействие обусловлено объективной необходимостью комплексного использования средств и методов выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Потребность в деловом общении следователя и оперативного работника, их взаимная заинтересованность в совместной работе над решением той или иной задачи обусловлены хорошим знанием личных и деловых качеств друг друга, взаимным уважением, доброжелательностью по отношению друг к другу, их сработанностью, проверенной практикой и временем.

Фундаментальную основу взаимодействия следователя и оперативного работника составляет совокупность их как совместных, так и индивидуальных действий по добыванию и собиранию необходимых сведений путем осуществления оперативно-розыскной деятельности и дальнейшее использование полученных оперативно-розыскных материалов исключительно для целей и нужд уголовного процесса.

Правильное получение криминалистически значимых сведений из сферы информационных технологий, связанных с расследуемым событием, и последующее оптимальное использование последних в доказывании по уголовным делам является основной стратегической задачей взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов наркоконтроля.

Развитие информационного прогресса диктует необходимую потребность совершенствования оперативно-розыскных и криминалистических методов борьбы с наркопреступностью, что необходимо в разработке основных тактических аспектов взаимодействия следователя и оперативного работника.

Поэтому в целях повышения эффективности взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ следователю и оперативному сотруднику крайне важно правильно по-

нимать стоящие перед ними цели и задачи, а также правильно осуществлять нормативное правовое, понятийное толкование теоретических и прикладных положений в сфере высоких информационно-компьютерных технологий и массовых коммуникаций.

Э.С. Муслимов

Управление ФСКН России
по Республике Дагестан
(г. Махачкала)

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БЕСКОНТАКТНЫМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ
КОММУНИКАЦИОННЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ**

Несмотря на активизацию правоохранительной деятельности, направленной на борьбу с наркоманией, проведение пропагандистских и профилактических мероприятий антинаркотической направленности, коренного перелома в противодействии распространению наркомании не произошло.

В последнее время негативную роль в распространении наркотических средств и их аналогов среди населения нередко играют средства массовой информации. Особое место здесь по праву принадлежит Интернету: глобальная сеть превосходит все остальные средства массовой информации не только по скорости распространения информации, но и по международному масштабу, удобству, доступности и другим характеристикам.

На сегодняшний день наркоситуация в Республике Дагестан динамично меняется, в структуре наркорынка происходят существенные изменения. Наблюдается переход от употребления героина и дезоморфина к новым видам психоактивных веществ и наркотиков, так называемым курительным смесям (спайсам).

Так, в 2013-2014 гг. выросла доля новых синтетических наркотиков, поступающих в Республику Дагестан через центральные регионы России по контрабандным каналам из Европы и Китая. Незаконный оборот данных веществ осуществляется преимущественно с использованием возможностей глобальной сети Интернет, доставка происходит посредством почтовых отправлений, то есть преступные элементы отходят от привычных примитивных схем

приобретения и распространения наркотиков, предпочитая бесконтактные формы и способы.

Ежегодно в незаконном обороте фиксируются более 20 новых видов психоактивных веществ синтетического происхождения, ориентированных на сбыт в молодежной среде.

Изучение оперативной обстановки свидетельствует, что в настоящее время в Республике Дагестан, как и в целом по Российской Федерации, основным инструментом сбыта наркотических средств и психотропных веществ, а также легализации денежных средств выступают современные средства массовых коммуникаций. В расчетах за наркотики большое распространение получили электронные платежные системы, перечисление денег на пластиковые карты, оплата через платежные терминалы.

В условиях существующих правовых пробелов и организационных проблем в сфере борьбы с организованной преступной деятельностью, совершаемой с использованием сети Интернет, латентность таких преступлений выше преступлений аналогичной квалификации, но совершенных иными способами.

Как было указано, в 2014 г. в республике получил широкое распространение, как и по всей России, незаконный сбыт смеси наркотического средства спайс (курительные смеси) бесконтактным способом с помощью социальных сетей. Сбыт наркотиков происходит по следующей схеме – потребитель выходит на связь через социальную сеть ICQ с неустановленными лицами, пользующимися различными ник-неймами, последние отправляют через ту же сеть номер виртуального счета платежной системы с указанием стоимости смеси наркотического средства. Наркопотребитель перечисляет денежные средства посредством платежного терминала, после поступления денег фигурант отправляет через ту же социальную сеть адрес и подробное описание места (тайника, закладки), в котором упрятана смесь наркотического средства. Денежные средства, полученные преступным путем, перечисляются на различные банковские счета в различных банках России.

Так, в 2014 г. органами правопорядка республики выявлен 421 факт незаконного оборота различного рода спайсов (из них Управлением ФСКН России по Республике Дагестан – 104, МВД Республики Дагестан – 317), что в 5 раз больше чем за аналогичный период прошлого года (АППГ) (83). Из незаконного оборота изъято 948 г (УФСНК – 261 г, МВД – 687 г) таких наркотиков (АППГ – 283 г).

ПОКАЗАТЕЛЬ	2013 г.			2014 г.		
	УФСКН	МВД	Всего	УФСКН	МВД	Всего
Выявлено фактов	65	43	108	104	317	421
Задержано лиц	56	39	95	83	206	289
Изъято (в г)	245	38	283	261	687	948

Для противодействия новым способам незаконного оборота наркотических средств в 2014 г. приказом начальника Управления ФСКН России по Республике Дагестан (далее – Управление) создана и активно работает группа сотрудников, которая углубленно изучает способы и методы выявления, предупреждения и пресечения таких преступлений.

С целью выявления и пресечения преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием сети Интернет, сотрудниками Управления заведены несколько дел оперативного учета (ДОУ), в рамках которых разрабатываются организованные группы лиц, наладивших незаконный сбыт спайсов (и иных видов курительных смесей) бесконтактными способами в г. Махачкала. В частности, Управлением в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий в рамках ДОУ 24 января 2015 г. пресечена деятельность организованной преступной группы из четырех участников, осуществлявшей в период с декабря 2013 г. по январь 2015 г. бесконтактный, посредством сети Интернет, незаконный сбыт наркотического средства Нафталин-1-ил 1-(5-флуоропентил)-1Н-индол-3-карбоксилат (спайс) на территории Республики Дагестан. В рамках данного ДОУ создана рабочая группа из сотрудников отдела собственной безопасности, а также оперативных, следственных, экспертно-криминалистических, оперативно-технических и поисковых подразделений Управления.

Разрабатываемая в рамках ДОУ преступная группа отличалась разветвленной сетью распространителей и занимала лидирующее положение в республике среди крупных сбытчиков спайсов бесконтактным способом. Реагенты для последующего изготовления наркотиков приобретались через Интернет на сайте www.tolkoriba, доставлялись экспресс-почтой на вымышленные адреса. Всего за период преступной деятельности данная ОПГ осуществила более 7000 сбытов наркотиков путем закладок, в том числе и несовершеннолетним лицам. В ходе проведенных мероприятий из незаконного оборота изъято около 500 г наркотиков, что составляет норму потребления спайса наркозависимыми лицами на территории оперативного обслуживания за период до 5-6 месяцев.

24 января 2015 г. при реализации данного ДОУ были созданы более 25 оперативно-следственных групп с подключением сотрудников следственной службы, отдела специального назначения, отдела собственной безопасности, экспертно-криминалистического отдела и оперативно-технической и поисковой службы. Указанными группами установлены и изъяты все 34 закладки, сделанные участниками ОПГ в день их задержания.

25 января 2015 г. следственной службой Управления в отношении указанных лиц по фактам незаконного сбыта наркотиков в составе организованной преступной группы возбуждено уголовное дело, в ходе расследования которого установлено, что на денежные средства, полученные от незаконного оборота спайсов, членами ОПГ были приобретены автомобили «Тойота Хайлендер» за 2300000 рублей, «Фольксваген Туарег», «Приора», участок в г. Махачкала, где построен частный трехэтажный дом. Общая сумма, прошедшая с декабря 2013 г. по 24 января 2015 г. по электронным кошелькам, – 10 500 000 рублей.

Пресечение деятельности указанной организованной преступной группы, по предварительным данным, повлияло на улучшение наркоситуации, связанной с распространением наркотических средств – спайсов по всей территории Республики Дагестан.

В ходе проводимых оперативно-розыскных мероприятий при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершенных данной организованной преступной группой, нужно отметить высокое взаимодействие оперативных, следственных и экспертно-криминалистических подразделений, а также отдела специального назначения Управления. Эффективные и слаженные действия всех подразделений Управления позволили на всех стадиях выявления, раскрытия и расследования наркопреступлений, совершенных указанной организованной преступной группой, качественно задокументировать их незаконную деятельность, выявить все преступные связи и способы проводимых ими незаконных операций в ходе распространения в республике курительных смесей.

В.В. Молоков,

кандидат технических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШАЕМЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Незаконный оборот наркотиков с использованием сети Интернет уже довольно давно представляет угрозу обществу и поражает прогрессивную часть молодого поколения.¹ Это связано не только с популярностью интернет-пространства и виртуализацией общения, но и характерной особенностью таких преступлений. В основном это распространение синтетических наркотических средств и психотропных веществ, так называемых спайсов, популярных среди молодежи. Преступная схема такого бизнеса чаще всего основана на бесконтактном способе сбыта, в которой распространитель связан с потребителем исключительно посредством телекоммуникационных каналов сети Интернет. И это с точки зрения явной криминальности такой торговли заставляет организаторов и участников преступных групп скрывать свое присутствие в сети Интернет, усложняя процесс выявления и раскрытия преступлений правоохранительными органами.

Как правило, с незаконным оборотом наркотиков тесно сотрудничают и другие сферы бизнеса, которые обеспечивают техническую, юридическую, информационную поддержку криминального сообщества. Рассмотрим основные средства сокрытия пребывания в сети Интернет и методы анонимизации, используемые распространителями наркотиков.

Технология анонимности в сети Интернет является антагонистом изначальным принципам открытости и безопасности Всемирной паутины. Многие заложены в протоколах сети и не противоречат праву на конфиденциальность личной переписки, журнала посещения страниц и т.п. Основные технологии анонимности составляют прокси-серверы, виртуальные частные сети (VPN), SSH-туннелинг, децентрализованные P2P-сети типа Тор или I2P.

Прокси-сервер (от англ. proxy – право пользоваться от чужого имени) – удаленный компьютер, при подключении к которому он становится посредником для выхода абонента в Интернет. Прокси передает все запросы программ абонента в сеть и, получив ответ,

отправляет его обратно инициатору соединения. Прокси-сервер имеет свой IP-адрес, который открыт со стороны Интернета, но скрывает истинный IP-адрес пользователя. Как правило, прокси-сервер располагается в другой стране, и анализ статистики сайтов, которые посещает абонент, обычно обнаруживает только IP-адрес самого прокси.

VPN (Virtual Private Network – виртуальная частная сеть). Внешне VPN-соединение мало чем отличается от подключения к обычной локальной сети, поэтому приложения без каких-либо настроек используют его для доступа в Интернет. Когда одно из них захочет обратиться к удаленному ресурсу, на компьютере будет создан специальный GRE-пакет, который в зашифрованном виде будет отправлен VPN-серверу. VPN-сервер этот пакет расшифрует, разберется в его назначении и выполнит от своего лица соответствующее действие. Далее, получив ответ от удаленного ресурса, VPN-сервер его снова зашифрует и в таком виде отправит обратно клиенту. Непрерывное шифрование передаваемых данных – это ключевой момент в обеспечении безопасности данного соединения.

SSH (Secure Shell) – сетевой протокол, позволяющий производить удаленное управление компьютером и передачу файлов. Использует алгоритмы шифрования передаваемой информации. SSH-туннелинг можно рассматривать в качестве дешевой замены VPN. Принцип данной реализации следующий: весь сетевой софт на компьютере форвардится (перенаправляется) на назначенный порт (вашего локального хоста), где запущен сервис, соединенный по SSH с удаленным сервером (соединение шифруется) и туннелирующий все запросы. Далее весь трафик абонента (уже в незашифрованном виде) может передаваться с сервера на прокси, который направляет весь поток данных к необходимым адресам.

Tor – это сеть виртуальных туннелей. Типичный представитель децентрализованных сетей, не имеющих центрального узла контроля. Вместо того чтобы идти по прямому пути от отправителя к получателю, пакеты данных в сети Тор выбирают случайные маршруты через несколько серверов, которые скрывают IP-адрес абонента так, что ни один наблюдатель в любой точке не может сказать, откуда или куда направляются данные. Кроме того, в сети информация передается в зашифрованном виде. Инсталлятор пакета Тор ставится без особых сложностей, программа имеет русский интерфейс и представляется в виде преконфигурированного браузера Firefox. Сеть Тор абсолютно бесплатна и ее функциональности обычно хватает для обеспечения анонимности в большинстве слу-

чаев. Фактически отследить абонента через Тор очень тяжело даже для спецслужб, нужно раскручивать гигантские цепочки пользователей и иметь доступ к промежуточным маршрутизаторам.

Существуют и другие сервисы, предоставляющие услуги анонимизации абонента. Обычно организаторы незаконного бизнеса используют приведенные технологии в качестве транспортных сред для работы с коммуникационными программами. Рассмотрим наиболее популярные средства мгновенного обмена сообщениями в сети Интернет (мессенджеры), используемые распространителями наркотиков.

ICQ – централизованная служба мгновенного обмена сообщениями сети Интернет. Пользователь службы работает с программой-клиентом, запущенной на устройстве, соединенном с сетью Интернет. Мессенджер подключается к серверу. Через сервер осуществляется поиск и связь с другими клиентами, а обмен служебными данными и сообщениями между пользователями может осуществляться как через сервер, так и без его участия напрямую. Как и в большинстве мощных сетевых систем, обслуживающих огромное количество клиентских запросов, этот сервер не единственный, и некоторые из них являются кластерами серверов. Следует отметить, что протокол ICQ не является шифрованным и может быть прочитан на канале связи. Вследствие этого злоумышленники не используют его как базовый сервис, а применяют дополнительные средства защиты, которые будут рассмотрены далее.

Jabber – это бесплатный сервис для обмена сообщениями через Интернет на основе открытого протокола XMPP. Для отправки и получения сообщений в Jabber используются серверы, распределенные по всему миру. Одним из таких является сервер проекта Jabnet. Jabber – единственная в мире сеть, сочетающая в себе такие преимущества, как открытость, некоммерческую основу, возможность расширения и множество других полезных особенностей. Одной из таких является служба транспортов, позволяющая без установки дополнительных программ общаться с собеседниками из других сетей (ICQ, QIP, AIM, WLM, Yahoo, Skype и т.п.) так же легко, как и с обычными своими контактами. Вследствие открытости приложения Jabber-сервер можно установить на удаленном хосте за границей и пользоваться личным сервисом сообщений, который, в свою очередь, легко взаимодействует с другими интернет-мессенджерами, тем самым сознательно скрывая местоположение и доступ к хосту.

Telegram – бесплатный мессенджер для смартфонов, позволяющий обмениваться текстовыми сообщениями и медиафайлами различных форматов. Сервис ориентирован на международный рынок и имеет англоязычный интерфейс. Сервис поддерживает сложную систему шифрования переписки. Теоретически все сообщения и хранимые в облаке медиафайлы находятся в полной безопасности.

Brosix – безопасное средство мгновенного обмена сообщениями, которое обладает функциями специально разработанными для промышленных и деловых целей. Приложение Brosix позволяет создавать собственную сеть для мгновенного обмена сообщениями и применяет криптостойкое шифрование. Это делает обмен сообщениями безопасным для передачи конфиденциальной или секретной информации. Подобно Jabber сервис Brosix позволяет установку на удаленных серверах, недоступных правоохранительным органам Российской Федерации.

Skype – бесплатное проприетарное программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет (IP-телефония), опционально используя технологии пиринговых сетей, а также платные услуги для звонков на мобильные и стационарные телефоны. Передача данных осуществляется в зашифрованном виде, но система дискредитировала себя частыми взломами аккаунтов и разглашением информации о возможности контроля пересылаемых данных правоохранительными структурами. Однако в силу популярности часто используется потребителями наркотиков, которые меньше всего задумываются о безопасности общения.

Таким образом, перечисленные наиболее популярные мессенджеры в той или иной степени позволяют обеспечивать анонимность передаваемой информации, но не всегда защищены от возможности установления IP-адреса абонента сети. В связи с этим сопутствующая индустрия обеспечения информационной безопасности криминального бизнеса постоянно совершенствует технологии сокрытия пребывания в сети и на коммерческой основе предлагает комплексные решения для полной анонимности абонента.

Типовые системы безопасности, как правило, построены по следующему принципу. За границей в одной из лояльных стран арендуется хостинг, на котором разворачивается какой-либо из ранее упомянутых серверов мгновенного обмена сообщениями. Популярным является использование так называемых дедиков (Dedicated Server – выделенный сервер), к которым подключаются законно либо с помощью взлома (хакинга). Соединение с сервером

осуществляется через цепочку анонимных прокси-серверов или VPN-каналов связи. Часто используется транспортный уровень децентрализованной сети Tor, через которую коммутируются все пакеты компьютера абонента. Получается целая цепочка маршрутов прохождения трафика, установить которую в силу изначальной секретности передаваемых данных и отсутствием истории маршрутизации пакетов не представляется возможным. Выделяемые на каналах связи интернет-пакеты содержат IP-адреса серверов, не попадающих под юрисдикцию законодательства Российской Федерации и ее правоохранительных органов.² Вопросы международного сотрудничества практически не работают, что не позволяет проводить расследование за пределами сегмента Рунета.

¹ Молоков В.В. Интернет и наркотики // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и нелегального оборота наркотиков : материалы XV международной научно-практической конференции : в 3 ч. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. Ч.1. С. 72-75.

² Иванов А.Ю., Ефимов С.Н., Галушин П.В. Противодействие пропаганде наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. №. 4. С. 37-41.

П.В. Галушин,

кандидат технических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ВОЗМОЖНОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ

Незаконный оборот наркотиков остается одной из острейших проблем, представляющих высокую общественную опасность для личности, общества и государства.

Сервисы сети Интернет, в частности социальные сети, активно используются как для пропаганды наркотических средств и психотропных веществ¹, так и для организации их незаконного оборота².

В настоящее время социальные сети развиваются стремительными темпами и охватывают все большее число людей. Так, в одной из самых популярных социальных сетей – Facebook – зарегистрированы более 1,2 миллиарда пользователей, российские социаль-

ные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» насчитывают более 200 миллионов пользователей каждая. Таким образом, социальные сети содержат огромные массивы данных о лицах, представляющих интерес для органов наркоконтроля, и взаимоотношениях между ними.

Отметим, что мы рассматриваем лишь автоматизацию получения информации, которая может быть получена путем просмотра страниц пользователей социальных сетей человеком, – возможности автоматизированного получения информации, предоставляемые социальными сетями, а также правила доступа к такой информации.

Эффективная обработка таких объемов информации невозможна без автоматизации, то есть создания программных систем анализа информации, содержащихся в социальных сетях. Теория и алгоритмы, которые могут быть реализованы в указанных программных системах, были рассмотрены в одной из наших работ.³

Как правило, каждая социальная сеть определяет протокол взаимодействия со сторонними программами – так называемый API (Application Programming Interface, интерфейс прикладного программирования). Такая возможность предоставляется для создания как полнофункциональных клиентов социальных сетей (например, для доступа через смартфон), так и различных сервисов, в которых информация, полученная с помощью API социальной сети, играет вспомогательную роль.

Начнем с рассмотрения API социальной сети «ВКонтакте». Для получения доступа к возможностям этой социальной сети приложение должно быть зарегистрировано с подтверждением регистрации по СМС.

Первым этапом работы приложения, взаимодействующим с социальной сетью «ВКонтакте», является авторизация.

Для того чтобы вызвать метод API ВКонтакте, необходимо осуществить POST или GET запрос по протоколу HTTPS на специальный URL (аналогом этого действия является ввод адреса веб-страницы в адресную строку браузера), содержащий название метода, его параметры и ключ доступа, который выдается при авторизации приложения. Доменное имя API ВКонтакте – <https://api.vk.com/>.

Следует отметить, что существуют ограничения на количество запросов в секунду, которое социальная сеть будет обрабатывать. Со стороны клиента можно обращаться к методам API не чаще 3 раз в секунду. Максимальное число запросов со стороны сер-

вера зависит от числа пользователей, установивших приложение: от 5 до 35 запросов в секунду.

Данное ограничение может быть несколько ослаблено за счет использования метода `execute`, который позволяет выполнить последовательность других методов, записанную с использованием специального языка программирования.

В контексте нашей работы интерес представляет метод `friends.get`, который позволяет получить список идентификаторов друзей данного пользователя или расширенную информацию о пользователях (пол, дату рождения, место жительства, образование, семейное положение и другие). Социальная сеть возвращает заданное число друзей или всех, но не более 5 тысяч, при этом следует учитывать, что максимальное число друзей с учетом заявок – 10 тысяч.

Определены также методы для получения информации о фотографиях, страницах, группах, аудио- и видеозаписях пользователя и так далее.

API социальной сети Facebook, который называется Graph API, во многом схоже с API Вконтакте. В основе этого интерфейса лежит представление о социальном графе. Сущности (пользователи, фотографии, страницы, комментарии и т.д.) представляются вершинами графа, а связи между ними (отношения дружбы между пользователями, принадлежность комментариев фотографии и т.д.) представляются ребрами этого графа. Graph API, так же как API ВКонтакте, основан на протоколе HTTP.

Для изучения Graph API и отладки запросов Facebook предоставляет специальное приложение – Graph API Explorer. Кроме того, созданы инструменты для разработки приложений на популярных мобильных платформах (iOS, Android).

Одно из ограничений Graph API заключается в том, что список друзей, возвращаемый по запросу, содержит только пользователей, авторизовавшихся в данном приложении.

Интерфейс, который предоставляет социальная сеть «Одноклассники», называется REST API. Этот интерфейс позволяет получить доступ к возможностям социальной сети путем отправки специальных запросов протокола HTTP. В частности, метод `friends.get` позволяет получить список друзей заданного пользователя.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» предоставляют более удобные возможности для автоматизированного изучения их структуры.

¹ Иванов А.Ю., Ефимов С.Н., Галушин П.В. Противодействие пропаганде наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4. С. 37-41.

² Молоков В.В. Интернет и наркотики // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и нелегального оборота наркотиков : материалы XV международной научно-практической конференции : в 3 ч. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. Ч.1. С. 72-75.

³ Галушин П.В., Смирнов И.А. Автоматизация аналитической работы органов наркоконтроля с информацией, размещенной в социальных сетях. // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3. С. 117-121.

Н.Г. Логинова,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В соответствии со ст. 157 УПК РФ полномочия по проведению неотложных следственных действий возлагаются на орган дознания. В юридической литературе вопрос о понятии неотложных следственных действий и субъектах проведения является дискуссионным. Нельзя сказать и об однозначной позиции законодателя по данному вопросу, что также способствует практической невостребованности данного института.

Анализ УПК РФ позволяет говорить о том, что законодатель крайне непоследователен в определении понятия «неотложные следственные действия». Так, п. 19 ст. 5 и п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ определяют неотложные следственные действия как действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. В связи с этим ставится под сомнение точка зрения авторов, считающих неотложные следственные действия формой расследования, при том что упоминания об этом нет ни в ст. 5 ни в ст. 150 УПК РФ.

В ст. 157 УПК РФ закреплён порядок и субъект проведения неотложных следственных действий – орган дознания. В связи с тем, что орган дознания – термин собирательный, возникает вопрос о субъекте производства неотложных следственных действий.

Во-первых, это может быть дознаватель подразделения дознания, входящего в структуру органа дознания, так как в соответствии с содержанием п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателям наделён полномочием поручать выполнение неотложных следственных действий. Во-вторых, иное должностное лицо органа дознания, которое может быть уполномочено начальником органа дознания на производство предварительного расследования в форме дознания (п. 7 ч. 1 ст. 5 УПК РФ) и, судя по всему, в том числе осуществляющее оперативно-розыскные мероприятия. Однако в связи с тем, что УПК РФ не закрепляет статус и полномочия начальника органа дознания, не понятно, кто в этом случае должен поручать производство неотложных следственных действий.

Законодатель умалчивает и о возможности производства неотложных следственных действий тем должностным лицом, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия, в то время как ч. 2 ст. 41 УПК РФ содержит указание на то, что не может проводить расследование в форме дознания то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Отсюда следует, что законодатель разделяет эти виды деятельности и их смешение недопустимо. Следовательно, и на производство неотложных следственных действий должен распространяться этот запрет. Ведь в этом случае сотрудник оперативного подразделения, выявивший данное преступление в результате ОРД, становится субъектом расследования, что представляется недопустимым с точки зрения совмещения процессуальных статусов. В связи с этим может возникнуть вопрос о возможной заинтересованности сотрудников оперативных подразделений в ведомственных показателях отчета о возбужденных уголовных делах по материалам оперативно-розыскной деятельности (что, к сожалению, случается на практике), и вряд ли этот фактор учитывал законодатель при формулировании норм о неотложных следственных действиях. Скорее, им преследовалась другая цель – своевременное раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений.

Эта ситуация может усугубляться и дальше – когда появится необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий

параллельно с неотложными следственными действиями – может ли их проводить тот, кто проводил оперативно-розыскные мероприятия, возбудил уголовное дело и приступил к производству неотложных следственных действий? И совершенно закономерный вопрос: возможно ли проведение оперативно-розыскных мероприятий этим лицом по поручению следователя после передачи уголовного дела руководителю следственного органа?

Неясным остается порядок предоставления и использовании результатов ОРД для возбуждения уголовного дела (основания) органом дознания и производства неотложных следственных действий. Все сводится к тому, что орган дознания должен сам себе представить материалы, оценить их и принять соответствующее решение. Насколько это логично?

Здесь можно было бы и поставить точку, но ряд норм УПК РФ наталкивает на следующие размышления.

Так, в ч. 5 ст. 152 УПК РФ сказано, что следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему неподследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа для направления по подследственности.

Возникает вопрос: как следователь оказался в числе субъектов, осуществляющих производство неотложных следственных действий? Это ведь противоречит сущности и назначению неотложных следственных действий, и вряд ли в этом случае речь идет о неотложных следственных действиях в смысле этих статей. Скорее всего, подразумеваются первоначальные следственные действия, которые следователь производит безотлагательно с целью закрепления имеющейся информации, а законодатель смешивает два уголовно-процессуальных института – неотложных следственных действий и подследственности.

В толковом словаре русского языка термин «неотложное» трактуется как «безотлагательное, спешное, настоятельное, необходимое действие», а «первоначальное» означает «действие, бывшее в самом начале»¹. Следовательно, первоначальные следственные действия – это исключительно криминалистический термин, обозначающий те следственные действия, в производстве которых возникает необходимость на первоначальном этапе расследования уголовного дела. И при формулировании понятия «первоначальные следственные действия» придается решающее значение лишь одному признаку – необходимости безотлагательного их проведения. Отсюда, скорее всего, в юридической литературе и происходит

отождествление понятий «первоначальные» и «неотложные», хотя очевидно, что правовая природа у них различная.

Вместе с этим разграничение безусловно имеет практическое значение и его можно провести по таким критериям, как:

1) субъект – неотложные следственные действия проводятся исключительно органом дознания; при передаче уголовного дела по подследственности субъектом выступают следователь или дознаватель;

2) объем – несмотря на то, что в законе не оговариваются виды следственных действий, производимых в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК РФ, к ним следует относить только те, которые направлены на получение доказательств; при принятии решения о передаче уголовного дела по подследственности объем выполненных мероприятий может быть гораздо большим и сопровождаться, в том числе процессуальными действиями (избрание мер пресечения, предъявление обвинения и т.д.);

3) срок – в соответствии с ч. 3 ст. 157 УПК РФ после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа. При передаче дела по подследственности этот срок может быть и большим;

4) порядок передачи – после производства неотложных следственных действий в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа, который передает его непосредственно в производство следователя. В случае же передачи по подследственности согласно следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности.

Следующий проблемный аспект, на который хотелось бы обратить внимание, – это процессуальное оформление решения о производстве неотложных следственных действий. В соответствии со ст. 146 и 149 УПК РФ при принятии решения о возбуждении уголовного дела необходимо вынести соответствующее постановление. Статья 156 УПК РФ обязывает следователя и дознавателя при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела указывать одновременно и о его принятии к производству. Поскольку в этом случае идет речь о двух процессуальных решениях: возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, в практике используется форма бланка постановления «Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству», что

представляется совершенно обоснованным. Однако в законе нет указания на то, что орган дознания должен принимать уголовное дело к производству. Возникает вопрос о процессуальной форме, в которую должно быть обличено решение о производстве неотложных следственных действий. Представляется, что это должно быть «Постановление о возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий», иначе как можно распознать вид деятельности органа дознания.

Таким образом, можно констатировать, что действующий УПК РФ, закрепляя институт неотложных следственных действий, в принципе дает им вполне конкретное содержание, оставляя при этом открытыми многие вопросы по реализации данных положений. В связи с этим полагаем, что необходимо отказаться от «вольного» использования данного термина в статьях УПК РФ, определяющих общий порядок расследования.

¹Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. М., 1961. С. 581.

С.И. Земцова

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О СУТИ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ
НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

В последние несколько десятилетий учеными внесен значительный вклад в разработку сущности такого следственного действия, как проверка показаний на месте. Разработаны теоретические основы, выделены ситуации, в которых целесообразно ее производство, обоснованы тактические приемы, сформулированы рекомендации по ее осуществлению при расследовании отдельных видов преступлений (в основном корыстных и корыстно-насильственных). Вместе с тем анализ уголовно-процессуальной и криминалистической литературы свидетельствует, что имеются лишь единичные и достаточно противоречивые работы, раскрывающие цель и задачи данного следственного действия при расследовании преступлений и незаконного оборота наркотиков в частности. Это накладывает негативный отпечаток на деятельность лиц,

осуществляющих предварительное следствие, поскольку без однозначного их (целей и задач) понимания качественное производство расследования фактически невозможно. На это справедливо указывал и основоположник криминалистики Г. Гросс: «Труд судебного следователя не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из ряда различного рода действий или приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать».

Для разрешения указанного пробела логичным представляется осуществить анализ мнений ученых по данному вопросу, судебно-следственной практики, нормативно-правовых актов России и некоторых стран ближнего зарубежья, начав с уяснения цели проверки показаний на месте.

Значимость этого вопроса, подчеркнем это еще раз, заключается в том, что именно цель следственного действия отражает его сущность, позволяет отграничить от других, сходных по правовой природе. Однако, учитывая формулировку, изложенную законодателем в ч. 1 ст. 194 УПК РФ, – «установление новых обстоятельств», сделать это практически не представляется возможным. Она (формулировка цели), как справедливо отмечает С.А. Шейфер, «лишь затуманивает смысл «проверки на месте», ибо любое следственное действие направлено на выявление существенных обстоятельств дела, в том числе и новых»¹. Разделяют это мнение и другие ученые, предлагая при этом собственные варианты. Так, М.В. Давыдов полагает, что целью данного следственного действия является «сопоставление и последующий анализ показаний допрошенных лиц с обстановкой мест проверяемого преступного события; уточнение показаний допрошенных лиц для сравнения их содержания с демонстрируемыми действиями; выяснение и устранение причин противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц»². В.И. Белоусов, А.И. Натура к этому перечню добавляют «формирование внутреннего убеждения у следователя об объективности и относимости информации, полученной в ходе допроса, к преступному событию в целом или отдельным его обстоятельствам»³.

Перечисленные взгляды не лишены логики и здравого смысла, они значительно более прогрессивны по сравнению с действующей редакцией УПК РФ. Сходство их наблюдается и с целями, изложенными в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья. В частности, в ст. 238 УПК Республики Казахстан отмечается, что проверка показаний на месте производится для: 1) выявления достоверности показаний путем их сопоставления с обстановкой происшедшего события; 2) уточнения

маршрута и места, где совершались проверяемые действия; 3) установления новых фактических данных. Аналогичные цели называются и в ст. 225 УПК Республики Беларусь.

Не претендуя на исчерпывающее разрешение этой проблемы, все же отметим, что цель проверки показаний, по нашему мнению, заключается в установлении осведомленности лица (свидетеля, подозреваемого, обвиняемого) о совершенном преступлении. Она (осведомленность) может быть в отношении места совершения преступления, его обстановки, совершенных на нем действий.

Например. По уголовному делу по обвинению Прокофьева Р.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 229 УК РФ, была проведена проверка показаний на месте, в ходе которой Прокофьев Р.В. пояснил, что около 22 часов был с похмелья и решил украсть наркотическое средство, принадлежащий матери, чтобы его употребить и облегчить похмелье. В коробке с лекарственными препаратами он взял упаковку 5 ампул, из них 2 ампулы разбавил с водой и выпил, никакого эффекта не последовало. Тогда он ввел себе внутримышечно 2 ампулы в ногу, а 3 ампулу разлил. Пустые ампулы и упаковку спрятал возле забора в траве. Затем Прокофьев в квартире показал на коробку с лекарственными препаратами, стоящую на шифоньере в комнате, откуда он взял наркотики, на кухонный стол, где он вскрывал ампулы и употреблял наркотик, а также на место возле забора, рядом с входной дверью, где он спрятал пустые ампулы.

Кроме того, осведомленность может быть также установлена относительно пути следования к месту преступления, имеющихся на нем предметах, следах и орудиях преступления, а также и иных фактах, имеющих значение для уголовного дела. Это в дальнейшем позволит сопоставить полученные данные с результатами других следственных действий, исключить самооговор лица, выявить противоречия с показаниями других лиц (например, соучастников).

Установление ее (осведомленности) либо исключение обусловлено решением одной или нескольких задач по конкретному уголовному делу.

В частности, анализ судебно-следственной практики по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, позволяет утверждать, что в основном решаются традиционные задачи, однако с учетом специфики новых составов преступлений, введенных законодателем в УК РФ в последние годы (ст. 234.1, 229.1, 228.1 УК РФ и других), возможно предполагать, что появится

практическая потребность в решении и специфических, характерных именно для данных составов преступлений.

Рассмотрим, в чем же сущность каждой из задач, входящих в первую (традиционную) группу, поскольку, как нами было уже отмечено, они (задачи данной группы) решаются наиболее часто.

Потребность в реализации первой возникает, когда из сведений, сообщенных лицом (подозреваемым, обвиняемым, свидетелем) в процессе допроса, следователь не может получить полное представление о пути следования к месту совершения преступления, не осуществив проверку показаний на месте.

Иллюстративным является следующий пример из судебно-следственной практики. По уголовному делу по обвинению Синепуповой Н.А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 229 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, была проведена проверка показаний на месте, в ходе которой был установлен путь от места ее проживания до места проживания малоизвестного ей мужчины по имени Александр, по прозвищу «Монах», от дома которого на расстоянии примерно 20 метров росли растения конопли, с которых она сорвала листья и соцветия в день совершения преступления.

Вторая задача возникает, когда из сведений, сообщенных лицом в ходе допроса, следователь не может получить полное представление о месте совершения преступления, не осуществив проверку показаний на месте.

Так, по уголовному делу по обвинению Гудкова в организации и содержании притона свидетель Данилевская пояснила, что почтовый адрес дома, где Гудков изготовил ей наркотическое средство и предоставил для дальнейшего употребления, она не знает, но сможет на него (на дом) указать при проверке показаний на месте, что в дальнейшем и было сделано.

В последние годы в связи со значительным увеличением количества преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, данная задача в ходе проверки показаний на месте решается достаточно часто. Связано это в первую очередь с бесконтактным способом взаимодействия организатора (криминального лидера) – оператора – закладчика (курьера) – наркоприобретателя. В случае задержания закладчика и последующего его допроса понять, под каким именно камнем, доской, в каком углублении, около какого знака дорожного движения

и т.д. оборудован тайник или сделана закладка, для наркоприобретателя практически невозможно.

Сущность третьей задачи заключается в необходимости воочию убедиться в существовании: а) следов преступления (например, следов рук, ног закладчика, микрообъектов т.д.); б) средств и орудий преступления (например, при совершении преступлений с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, сотовых телефонов, нетбуков, планшетов, сим-карт, при других составах – инструментов, приборов для изготовления, фасовки, упаковки наркотических средств и т.п.).

В некоторых случаях в связи со спецификой рассматриваемой категории преступлений в ходе реализации данной задачи могут быть обнаружены и предметы преступного посягательства (наркотические средства, психотропные вещества). Например, когда после указания на место закладки, в нем (месте) может еще находиться сама закладка (наркотик), которую по тем или иным причинам не успел забрать наркоприобретатель.

Необходимость решения четвертой задачи возникает при наличии противоречий в показаниях нескольких лиц о пути следования к месту преступления или о самом месте преступления, месте встречи с соучастниками или о действиях в определенном месте.

В зависимости от ситуации по уголовному делу могут быть решены не только перечисленные традиционные задачи, но другие (например, направленные на установление причин и условий, способствовавших осуществлению преступной деятельности и т.п.).

Резюмируя изложенное, отметим:

1) необходимо более корректно сформулировать ч. 1 ст. 194 УПК РФ, изложив ее в редакции: «В целях установления осведомленности лица о месте преступления и пути следования к нему, обстановке, следах, орудиях, предметах и иных обстоятельствах имеющих значение для уголовного дела, показания ранее данные подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием»;

2) в ходе проверки показаний на месте по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, могут быть решены как традиционные, так и эвристические задачи, с учетом новых составов преступлений и следственных ситуаций по уголовному делу.

¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография. М.: НОРМА, 2009. С. 186.

² Давыдов М.В. Проверка показаний на месте: перспективы совершенствования : монография. Орел: Орловский юридический институт МВД России (ОрЮИ МВД России), 2013. С. 15.

³ Белоусов В.И., Натура А.И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного следствия : учебно-практическое пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2008. С. 47-48.

Т.В. Баркова

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Применение специальных знаний, как правило, ассоциируется с действиями по обнаружению, фиксации и исследованию доказательств, однако немаловажное значение имеет использование специальных знаний в оценке заключения эксперта. Не секрет, что заключение эксперта является предпочтительной формой использования специальных знаний по сравнению с консультациями, являясь «доказательством» согласно ст. 74 УПК РФ и ст.55 ГПК РФ. «Исключительность» заключения эксперта, данного в процессуальной форме, подчеркивают многие авторы.¹

Фактические данные, полученные в результате экспертного исследования, не могут содержаться ни в какой другой форме, кроме экспертного заключения. Учитывая важность указанных источников доказательств, необходимо правильно трактовать выводы эксперта, а также решать вопрос о допустимости в целом экспертного заключения, согласно предъявляемым к последнему требованиям, зафиксированных в положениях УПК РФ.

Требования, предъявляемые к заключению эксперта, следующие: конкретность, ясность, четкость, последовательность, логичность, убедительность.

Оценка заключения эксперта представляет собой логический анализ.

При этом конкретной оценке подвергаются требования:

а) соблюдения закона при назначении и производстве экспертиз – требование реализуется проверкой наличия в заключении эксперта всех необходимых реквизитов;

б) полноты заключения – на все ли вопросы даны ответы, если вопросы были переформулированы экспертом, то соответствуют ли они первоначальному смыслу;

в) научной обоснованности выводов – являются ли научными примененные методы, правильность избрания экспертной методики, корректны ли проведенные эксперименты;

г) логики исследований – проверяется логическая обоснованность выводов ходом и результатам исследования;

д) доказательственного значения выводов эксперта и их согласованности с другими доказательствами по делу.

Ю.К. Орлов, А.М. Зинин и другие авторы, говоря об оценке результатов экспертизы, разделяют требования элементов как формального характера, так и касающихся его сущности. Так, по мнению А.М. Зинина, «к числу элементов формального характера относятся выяснение соблюдения установленного процессуальным законом порядка назначения и проведения экспертизы, правильности оформления заключения и не подлежит ли эксперт отводу. К числу элементов, касающихся сущности заключения эксперта, относятся: допустимость исследуемых объектов, обоснованность выводов, их правильность, и определение доказательственного значения полученных фактических данных»².

По мнению С.И. Земцовой и В.В.Зырянова, «практическая целесообразность применения специальных знаний и навыков не зависит от субъективных возможностей следователя и состоит в оптимальном использовании специальных знаний при расследовании преступлений, способствуя разрешению вопросов научной организации труда в проведении следственных действий»³. Вопрос в том, всегда ли знаний участников процесса достаточно для оценки заключения эксперта. Какие критерии оценки заключения эксперта используются? И кем осуществляется эта оценка? Обратимся к нормам закона. «Проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле».

Правила оценки предусмотрены в ст.88 УПК РФ – каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Существует мнение, что «при привлечении специалиста для рецензирования заключения эксперта специалист осуществляет не оценку, а проверку, поскольку деятельность по оценке доказательств является прерогативой следователя, дознавателя, суда и не входит в компетенцию специалиста»⁴. Не ставя под сомнение данное высказывание, предполагаем следующее: проверка является одним из звеньев оценки. Нигде в законе нет запрета на возможность использования знаний специалиста для получения суждения по определенным вопросам, к которым относится и «качество» конкретной проведенной экспертизы.

Думается, что из списка критериев оценки экспертного заключения, рассмотренного выше, помощь специалистов особенно важна для оценки полноты, научной обоснованности и логики исследований. Не будучи экспертом по специальности, то есть специалистом в области методики экспертных исследований, достаточно сложно ориентироваться в рассматриваемых вопросах. При этом следует отметить, что даже при указании в тексте экспертного заключения ссылки на примененную методику на практике проверить ее наличие практически невозможно вследствие закрытости информации.

В свою очередь, требование соблюдения закона при анализе экспертного заключения и согласованности с другими материалами дела – эти позиции легко проверяются следователем, прокурором, адвокатом, судьей в пределах их компетенций. Их оценка не требует помощи специалиста.

Деление выводов на категорические и вероятные облегчает оценку экспертного заключения при решении вопроса о том, может ли конкретное экспертное заключение быть положено в основу обвинительного заключения наряду с другими доказательствами по делу. Например, категорический вывод – это достоверный вывод о существовании или несуществовании факта, явления, состоянии объекта, характере процесса и т.п.

Сложнее с оценкой вероятных выводов. Однако не все участники процесса правильно ориентируются в сущности вероятных выводов. Для этого также нужна помощь специалистов по конкретным видам экспертного исследования.

Вероятность в ее материалистическом понимании – объективная категория, отражающая определенные закономерности явлений, а также причинно-следственные связи, существующие в реальном мире. Фундаментом вероятностного знания служат определенные факты, имеющие достоверный характер.

Доброкачественность исходных данных, служащих основой для будущих вероятных выводов, является неперенным условием использования вероятных знаний в процессе доказательственной деятельности по уголовным делам. Вероятность всегда обоснована. Вопрос в том, с какой долей вероятности решена экспертная задача? Последнее очень важно для оценки экспертизы как источника доказательств по конкретному уголовному делу. А для ответа на этот вопрос также необходимо использовать специальные знания.

¹ Зинин А.М., Участие специалиста в процессуальных действиях. М.: «Проспект», 2014. С. 39.

² Там же. С. 199.

³ Земцова С.И., Зырянов В.В. Использование специальных знаний специалиста в раскрытии и расследовании преступлений: проблемы теории и практики. Красноярск: СибЮИ ФСН России, 2012. С. 105.

⁴ Там же. С. 127.

А.Н. Михайлов

Сибирский юридический институт
ФСН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИНЦИПАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство на протяжении многих десятилетий предусматривает нормы, образующие в совокупности самостоятельный институт прекращения уголовного дела, который на различных этапах развития уголовного судопроизводства неоднократно подвергался реформированию. Например, в декабре 2003 г. утратили законную силу ст. 26 УПК РФ, и ст. 77 УК РФ, определявшие основания освобождения от уголовной ответственности и процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки. Одновременно в УК РФ была включена статья, предусматривающая одноименный вид освобождения от наказания (ст.80.1 УК РФ). При этом следует отметить, что по содержанию данная норма была оставлена почти без изменений.

Возникает вопрос: чем обусловлено такое преобразование норм, длительное время предусматривавших самостоятельное ос-

нование освобождения от уголовной ответственности и порядок прекращения уголовного дела по данному основанию? Анализируя уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, мы, к сожалению, не смогли найти однозначный ответ на данный вопрос.

Так, анализ содержания ст. 80.1 УК РФ свидетельствует о том, что, создав новый вид освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, законодатель по-прежнему оставляет без разрешения ряд уголовно-правовых вопросов, которые на протяжении многих десятилетий существования одноименного института освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела негативно сказывались на законности и обоснованности соответствующих решений, принимаемых органами предварительного расследования. Помимо этого данный вид освобождения от наказания, по нашему мнению, создал ряд проблем и уголовно-процессуального характера.

Применение законодательства в таком виде требует не только высокого профессионализма, но и соответствующего уровня правосознания, а возможно, и прогрессивного мышления.¹

В связи с этим можно предположить, что, преобразовывая существовавший ранее институт освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки в одноименный вид освобождения от наказания, применение которого является исключительной компетенцией суда, законодатель рассчитывал на высокую квалификацию и профессионализм судебных работников, которые в условиях недостаточно четкого законодательного регулирования деятельности по освобождению от наказания в связи с изменением обстановки принимали бы законные и обоснованные решения. Избрав путь наименьшего сопротивления, законодатель тем самым избавил себя от сложнейшей задачи – раскрыть содержание таких уголовно-правовых понятий, как изменение обстановки, утрата общественной опасности деянием и лицом, его совершившим, а также совершение преступления впервые.

Имеет право на существование и другая версия, согласно которой исключение из уголовного и уголовно-процессуального законодательства норм, позволяющих освобождать от уголовной ответственности и прекращать уголовное дело в связи с изменением обстановки, следует расценивать как один из этапов устранения противоречий, существующих в уголовно-процессуальном законе, между принципами уголовного процесса и институтом прекращения уголовного дела.

По нашему мнению, наделение органов предварительного расследования полномочиями по осуществлению рассматриваемого вида уголовно-процессуальной деятельности, прежде всего, противоречит принципу состязательности сторон, согласно которому функции обвинения и защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Противоречие заключается в том, что следователь, дознаватель, будучи участниками уголовного судопроизводства на стороне обвинения, принимая итоговое решение о прекращении уголовного дела, разрешают его по существу, тем самым выполняя функцию суда, что, в свою очередь, влечет нарушение положения, закрепленного в ч. 1 ст. 8 УПК РФ, согласно которому правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом.

Данный вывод основан на традиционном определении в учебной и научной литературе понятия правосудия, под которым следует понимать правоприменительную деятельность судов, осуществляемую от имени государства, по рассмотрению и разрешению в установленном законом порядке уголовных, гражданских, административных дел с вынесением обязательных для исполнения решений.

Раскрывая сущность института прекращения уголовного дела, многие ученые данный вид уголовно-процессуальной деятельности связывают именно с рассмотрением и разрешением уголовного дела по существу. Так, Р.Д. Рахунов отмечает, что при прекращении уголовного дела «следователь подобно суду, разрешает дело по существу»². Аналогична точка зрения М.А. Казанджан: постановление о прекращении уголовного дела, подобно приговору суда, разрешает уголовное дело по существу, выполняя задачи уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования.³

Определяя значение института прекращения уголовного дела для уголовного судопроизводства, Г.П.Химичева, О.В.Мичурина и О.В.Химичева считают, что на данном этапе создаются условия для правильного разрешения дела, подводятся итоги всего расследования. Окончательно формулируется и выражается в процессуальных документах внутреннее убеждение следователя по каждому из обстоятельств дела, по каждому собранному доказательству, выясняются пробелы и противоречия в их совокупности. Все это обеспечивает всесторонность, полноту и объективность материалов дела и позволяет законно и обоснованно разрешить его по существу.⁴

Вывод о том, что решение о прекращении уголовного дела является его разрешением по существу, подтверждается также и

преюдициальным значением соответствующего постановления, наличие которого исключает в отношении обвиняемого или подозреваемого уголовное преследование по тому же обвинению (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).⁵

Исследуя вопрос о причинах преобразования рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела в одноименный вид освобождения от наказания, мы провели экспертный опрос, результаты которого свидетельствуют, что 50% опрошенных считают, что внесенные законодателем изменения обусловлены тем, что освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям органами предварительного расследования противоречит принципу состязательности сторон; 48% респондентов высказали позицию, согласно которой законодатель, отведя данный вид деятельности к компетенции суда, рассчитывал на высокую квалификацию и профессионализм судейских работников, которые в условиях недостаточно четкого законодательного регулирования деятельности по освобождению от наказания в связи с изменением обстановки будут принимать законные и обоснованные решения. Для нас предпочтительнее является первый вариант ответа на поставленный вопрос, поскольку считаем недопустимым существование в УПК РФ норм, противоречащих принципам уголовного судопроизводства, определяющим построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм.

Указанное свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования норм, образующих институт прекращения уголовного дела, с целью исключить возможность частичного присвоения функций суда органами предварительного расследования.

В связи с этим считаем необходимым исключить из компетенции органов предварительного расследования деятельность по прекращению уголовного дела как противоречащую принципам уголовного процесса, отнеся ее к компетенции суда. При этом нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности с последующим прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, необходимо исключить из соответствующих глав УК РФ и УПК РФ, трансформировав их в соответствующие виды освобождения от наказания с постановлением обвинительного приговора без назначения наказания, так как, по нашему мнению, любое совершенное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, должно получить от имени государства отрица-

тельную оценку, а подсудимому, признанному виновным в его совершении, – выражаться порицание.

¹ Марфицин П.Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект : монография. Омск: Омская академия МВД России, 2002. С.212.

² Рахунов Р.Д. Участники уголовно процессуальной деятельности. М.: Юрид.лит., 1961. С. 129.

³ Казаджан М.А. Прекращение уголовного дела следователями органов внутренних дел. Ташкент, 1987. С.9.

⁴ Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. Окончание предварительного расследования прекращение уголовного дела : монография. Рязань: «Узорочье», 2001. С.15.

⁵ Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография. М.: Издательство «Экзамен», 2003. С. 229-230.

А.Г. Калугин,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

В настоящее время при расследовании преступлений, совершенных в организованных формах, следственными органами активно применяется возможность заключения с обвиняемыми досудебных соглашений о сотрудничестве, что вполне объяснимо: избличение организаторов и активных членов организованных преступных групп и преступных сообществ, занимающихся производством, поставкой и реализацией наркотических средств и психотропных веществ, значительно облегчается, когда доказывание признаков организованной преступной деятельности осуществляется с помощью ее непосредственных участников.

Заключение с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве позволяет получить сведения:

о количественном и персональном составе участников организованного преступного формирования; фактической роли в его структуре известных следствию соучастников преступлений, в от-

ношении которых имелась недостаточная для предъявления соответствующего обвинения доказательственная база;

о местах хранения находящихся в незаконном обороте наркотических средств;

о ранее неизвестных эпизодах преступной деятельности, в том числе связанных с организацией каналов поступления наркотиков, о схеме их приобретения и реализации, о фактах и способах легализации денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, и т.д.;

о ранее не известных следствию источниках доказательств преступной деятельности.

Наибольшую ценность содействие подозреваемого (обвиняемого) имеет на начальном этапе расследования уголовного дела, когда следствие располагает минимумом информации, в том числе о потенциальных источниках доказательств. В то же время именно на этом этапе принятие такого процессуального решения сопряжено с наибольшим тактическим риском. Подозреваемый (обвиняемый) может проявить инициативу и заявить о признании своей вины и желании сотрудничать со следствием в тот момент, когда в отношении него самого собран недостаточный объем доказательств и обвинение или подозрение сформулировано в минимальном объеме. Поскольку одним из последствий заключения досудебного соглашения является выделение дела в отношении лица, заявившего такое ходатайство, в отдельное производство с последующим рассмотрением в суде в особом порядке, подозреваемый (обвиняемый), обращаясь с таким ходатайством, может преследовать цель уйти от уголовной ответственности за большую часть своей преступной деятельности, рассчитывая на то, что после заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве следствие практически прекратит поиск информации о новых эпизодах его личной преступной деятельности и собирание доказательств по этим эпизодам.

В следственной практике нередки случаи, когда подозреваемые и обвиняемые используют досудебное соглашение как способ ухода от реальной уголовной ответственности. Так, по одному из уголовных дел органом расследования и прокурором были поочередно заключены соглашения о сотрудничестве со всеми четырнадцатью обвиняемыми, входившими в сообщество, осуществлявшее приобретение, хранение, перевозку и реализацию героина. При этом соглашения заключались последовательно, по мере выявления очередных соучастников. Выделенные же уголовные дела в силу небольшой численности районного суда, к территориальной под-

судности которого относилось «основное» уголовное дело, рассматривались судьями нескольких судов области, так как действующее законодательство не предусматривает возможности рассмотрения «выделенного» и «основного» дела одним и тем же судьей. В итоге организатору преступного сообщества суд назначил наказание в виде 8 лет лишения свободы условно, условно были осуждены и другие наиболее активные члены преступного сообщества, в то же время единственный его участник, который не заявил ходатайства о сотрудничестве, которому инкриминировалось участие лишь в трех эпизодах сбыта наркотического средства, признав себя виновным по этим трем эпизодам, при рассмотрении дела другим составом и в другом суде был приговорен к 2 годам и 6 месяцам лишения свободы с реальным отбыванием наказания в исправительной колонии.¹

Подобные факты свидетельствуют о необходимости при рассмотрении ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в первую очередь обращать внимание на указанные в ходатайстве конкретные действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления как по уголовному делу, возбужденному в отношении этого лица, так и по другим уголовным делам. Особое внимание Генеральная прокуратура РФ обращает на недопустимость заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях, когда содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось только в сообщении им сведений о его собственном участии в преступной деятельности.²

При оценке обязательств, указанных в заявленном ходатайстве, следует обращать внимание на возможность их реального исполнения. При необходимости у инициаторов обращения нужно истребовать дополнительные сведения. Письменные предложения инициаторов и их защитников по предмету сотрудничества должны приобщаться к соглашению. Текст соглашения следует обсуждать с участием подозреваемого (обвиняемого), в том числе содержащегося под стражей, и его защитника с обязательным разъяснением подозреваемому (обвиняемому) правовых последствий несоблюдения взятых ими обязательств (ст. 317.8 УПК РФ).

Конкретные обязательства, которые принимает на себя подозреваемый (обвиняемый), зависят от круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, количества и характера

участия лиц, входящих в организованную преступную группу (преступное сообщество), в совершении конкретных эпизодов преступной деятельности, а также роли в них подозреваемого (обвиняемого), иных конкретных обстоятельств дела и степени их установления органами предварительного расследования. Для составления текста досудебного соглашения о сотрудничестве рекомендуется использовать следующие формулировки обязательств обвиняемых:

- дать правдивые показания о своих действиях и действиях других лиц, совершивших преступления в составе организованной преступной группы, с указанием роли каждого из участников преступлений, в том числе и своей роли в совершении этих преступлений;

- предоставить все имеющиеся сведения о преступной деятельности организованной группы, в состав которой входил обвиняемый;

- оказать помощь следствию в розыске имущества, добытого преступным путем;

- указать места хранения наркотических средств и имущества, приобретенного в результате преступной деятельности, документов и предметов, имеющих значение для дела;

- опознать лицо, сбывшее (доставившее) наркотическое средство, и дать следствию правдивые показания, изобличающие сбытчика;

- принять участие в проверке показаний на месте, опознаниях, очных ставках и иных следственных действиях по выявлению и изобличению лиц, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств;

- выдать документы, уличающие лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство, в совершении преступлений (например, в легализации денежных средств, полученных от реализации наркотических средств),

- принять участие в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на установление местонахождения лица, создавшего организованную преступную группу и руководившего ею, других участников группы;

- в ходе осмотра электронных носителей информации и прослушивания телефонных переговоров дать показания, при каких обстоятельствах он получал героин у организатора группы и впоследствии сбывал его лицам, участвующим в роли покупателей в ОРМ «проверочная закупка».

В представлении прокурора, направляемом в суд в соответствии со ст. 317.5 УПК РФ, должны содержаться ссылки на конкретные материалы уголовного дела, подтверждающие характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; отражаться значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; указание на преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым.

Полнота и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым при выполнении обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве, подтверждается материалами уголовного дела и иными данными (справками, копиями протоколов следственных действий, документов оперативно-розыскной деятельности, материалов проверок сообщений о преступлениях, а также копиями материалов из других уголовных дел и др.), отражающими указанные в представлении прокурора обстоятельства.

Для того чтобы обеспечить выполнение этого требования, необходимо конкретно указывать в тексте досудебного соглашения действия, которые обязуется выполнить обвиняемый (подозреваемый), и которые должны стать предметом оценки при рассмотрении судом уголовного дела, выделенного в отдельное производство в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Это не позволит обвиняемому использовать досудебное соглашение в качестве способа ухода от уголовной ответственности.

Если факт невыполнения обвиняемым своих обязательств выявляется уже в ходе предварительного расследования, до направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением следователь, руководитель следственного органа вправе инициативно сообщить об этом прокурору для принятия решения о прекращении сотрудничества и об отказе во внесении представления об особом порядке принятия судебного решения.

¹ Пилюк А.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешенные вопросы // Российская юстиция. 2012. № 11.

² Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 // СПС КонсультантПлюс.

А.Л. Карлов

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ВОЗМОЖНОСТИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

Российская система уголовного судопроизводства продолжает динамично развиваться в различных сферах. Одним из направлений такого развития является введение компромиссных, упрощенных процедур, допускающих взаимодействие представителей сторон обвинения и защиты на взаимовыгодных условиях. К таковым можно отнести досудебное соглашение о сотрудничестве, сокращенное дознание и др. Другим направлением выступает все большее проникновение в уголовный процесс элементов виртуальной среды в целом и компьютерной информации в частности.

Представляется интересным рассмотреть механизмы и особенности пересечения данных направлений в конкретных уголовно-процессуальных правоотношениях.

Как известно, досудебное соглашение о сотрудничестве в качестве обязательного элемента предусматривает сотрудничество подозреваемого (обвиняемого) с органами предварительного следствия, которое выражается в исполнении предусмотренных соглашением обязательств. Таким образом, в руках правоприменителя оказался достаточно эффективный инструмент, который позволяет не только склонить подсудимого к сотрудничеству, но и определить, а также документально зафиксировать его конкретные действия после заключения такого соглашения.

На наш взгляд, содействие в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве может быть очень эффективным при необходимости использования в доказывании компьютерной информации, что для преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков становится все более актуальным.

Рассмотрение поставленных вопросов предлагаем начать с перечня обязательств в сфере компьютерной информации, которые могут быть реализованы в рамках досудебного соглашения.

К таким действиям можно отнести:

– изобличение преступной деятельности соучастников преступления, дача показаний о роли каждого члена преступной группы (оператор, программист, кассир);

- сообщение информации о местонахождении всей компьютерной техники, а также иных электронных носителей информации, которые использовались при совершении преступления (либо их выдача);

- сообщение паролей, визуальных кодов или иных способов блокировки доступа к компьютерной технике;

- сообщение адресов, иных идентификаторов, а также логинов и паролей к электронным сервисам в сети Интернет (электронная почта, ICQ, электронные кошельки, социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.);

- обязательство не удалять переписку, контакты и иную информацию в сети Интернет, связанную с совершенными преступлениями.

- дача согласия и личное участие в следственных действиях, направленных на получение информации о переписке в сети Интернет либо о движении денежных средств на электронных счетах;

- дача согласия на участие в оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на фиксацию действий «оператора» в сети Интернет.

Полученная в результате таких действий информация может быть реализована как следственным путем, так и в ходе оперативно-розыскной деятельности, однако в обоих случаях необходимо учитывать режим доступа к данной информации в зависимости от того, к какому виду тайны она относится.¹

Получив доступ к компьютерной технике (электронным носителям информации), мы имеем возможность самостоятельно либо с участием подозреваемого (обвиняемого) ознакомиться с ее содержанием в ходе таких следственных действий, как обыск, осмотр предметов, судебная экспертиза.

Более сложным является вопрос о получении информации, расположенной на удаленных серверах (в сети Интернет). Представляется, что для процессуальной фиксации таких сведений могут быть произведены такие следственные действия, как осмотр документа (электронного), следственный эксперимент, судебная экспертиза (компьютерно-сетевая). В данном случае наибольшее значение приобретает вопрос получения согласия пользователя сети Интернет на доступ к его личной переписке и другим личным данным, поскольку при отсутствии такового ознакомление с указанной информацией становится возможным только после получения соответствующего судебного решения, что в современных условиях существенно затрудняет расследование. Вывод о том, что

осмотр переписки, расположенной на удаленном сервере, с согласия автора переписки не является ограничением тайны связи и не требует получения судебного решения, косвенно подтверждается положениями ч.2 ст. 186 УПК РФ, предусматривающей возможность осуществить контроль и запись телефонных и иных переговоров по письменному заявлению лица, переговоры которого подлежат прослушиванию.

Рассматриваемые вопросы становятся еще более актуальными в ситуации, когда преступник при совершении преступления пользовался электронными сервисами, серверы которых расположены за пределами Российской Федерации (facebook, gmail.com и др.). В случае если следователь своевременно не зафиксировал необходимую информацию с такого сервиса и она была удалена пользователем (или иным лицом), получить ее в дальнейшем становится практически невозможно.

Необходимо отметить, что еще одним вариантом получения и фиксации рассматриваемых сведений является производство оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя. При этом для осмотра изъятых носителей может быть применено исследование предметов и документов, а для получения информации с удаленных серверов – снятие информации с технических каналов связи либо оперативный эксперимент.

Проведенный анализ позволяет заключить, что знания порядка и особенностей определения обязательств в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве в совокупности с навыками процессуального закрепления компьютерной информации позволяют эффективно использовать современные средства доказывания по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков.

¹ См. об этом подр.: Карлов А.Л. Правовой режим использования в доказывании по уголовным делам электронной переписки, содержащейся в памяти технических средств коммуникации // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни : материалы XVII международной научно-практической конференции (17-18 апреля 2014 года). Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. Ч 2. С.194.

Е.Е. Космодемьянская,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ РАСТЕНИЙ,
СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЛИ ПСИХОТРОПНЫЕ
ВЕЩЕСТВА ЛИБО ИХ ПРЕКУРСОРЫ, И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ В ПРОЦЕССЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ДАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Как показывает анализ статистических данных, на территории Российской Федерации за период январь-ноябрь 2014 г. правоохранительными органами зарегистрированы 235 032 преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (+9,5%). В общей структуре преступности удельный вес этих преступлений составляет 11,71% от общего числа зарегистрированных. При этом наибольшее их количество отмечается в республиках Ингушетия (26,7%), Северная Осетия-Алания (25,3%), г. Санкт-Петербурге (25%), Чеченской Республике (21,1%), Республике Дагестан (21%), Магаданской области и Республике Калмыкия (18,9%).¹

Согласно Всемирному докладу о наркотиках (World Drug Report), «общая площадь культивирования опийного мака во всем мире уже в 2010 г. составляла около 195 700 га, при этом существенное количество – около 123 000 га – культивируется в Афганистане, где объемы производства остаются стабильными», а о масштабах незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, на территории Российской Федерации можно судить по следующим показателям: «за одно полугодие 2014 года общая площадь уничтоженных незаконно выращенных посевов наркосодержащих растений составила 13 279 кв. м; вес уничтоженных наркосодержащих растений, обнаруженных на незаконно выращенных посевах, – 4 402 кг»².

Очевидно, что такое положение требует разработки мер по повышению эффективности деятельности по расследованию данного вида преступлений, для чего необходимо изучение структурных элементов методики их расследования, в частности криминалистической характеристики преступлений данного вида и особенностей составляющих ее элементов. Специфическими элементами криминалистической характеристики таких преступлений будут сведения

о месте, времени, способе преступления, субъекте и предмете преступного посягательства.

Что касается места преимущественного совершения данных преступлений, то, по данным ряда авторов, наиболее остро проблема незаконных посевов проявляется в регионах Дальнего Востока, Черноземья, Северного Кавказа. Данная тенденция просматривается и на территории Западной и Восточной Сибири.³ Зонами преимущественного выращивания конопли на территории Красноярского края являются Минусинский и Саянский районы в период с мая по октябрь. Зонами преимущественного выращивания мака опийного в период с мая по октябрь выступают Бирюлюсский, Богучанский, Емельяновский, Каратузский, Кежемский, Манский, Партизанский, Пировский, Ужурский, Уярский, Шарыповский районы. Наиболее типичными местами совершения данного вида преступлений являются дачные, приусадебные участки (до 93% случаев); жилище – 7%. Очевидно, что время совершения преступлений данного вида напрямую зависит от региона.

Говоря о предмете преступного посягательства, следует помнить, что Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» запрещает на территории Российской Федерации культивирование опийного мака, кокаинового куста, а также конопли в целях незаконного потребления или использования в незаконном обороте наркотических средств. Виды конкретных растений, запрещенных к возделыванию, а также крупный и особо крупный размеры культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей УК РФ утверждаются Правительством РФ.

Как показывает анализ практики расследования этих преступлений, в качестве предмета преступного посягательства наиболее часто выступают конопля и мак, хотя в настоящее время их список расширяется за счет возможности приобретения через сеть Интернет растений, не произрастающих на территории России (например, кактус пейотль или пейот – североамериканский кактус рода Лофофора, грибы, содержащие псилоцин и псилоцибин, и т.п.).

Способ преступления рассматриваемого вида, как правило, является полноструктурным, то есть включает в себя способы подготовки, совершения и сокрытия противоправной деятельности. В подготовку к культивированию наркотикосодержащих растений входит создание специальных условий для их посева и выращивания. При этом данные действия будут различаться в зависимости

от того, где будет осуществляться культивирование, – в открытом или защищенном грунте, и от вида культивируемого растения.

Что же касается непосредственного способа совершения преступлений данного вида, то, согласно п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», посев наркотикосодержащих растений может заключаться во внесении семян или высадке рассады в почву без надлежащего разрешения на любых земельных участках, в том числе сельскохозяйственного назначения (например, на садовых и огородных участках, в теплицах) и на пустующих землях, а также в почву, помещенную в цветочные горшки, ящики, коробки и т.п., находящихся в жилых и нежилых помещениях.

Так, согласно приговору мирового суда Абинского района Краснодарского края от 27 августа 2010 г. в отношении Змейковой Н.М. «в мае месяце 2010 года в г. Абинске, Краснодарского края Змейкова Н.М., имея умысел на незаконный посев и выращивание запрещенных к возделыванию наркотикосодержащего растения конопли, на территории своего домовладения внесла в цветочный горшок с почвой семена конопли, после чего стала осуществлять уход за данным растением с целью доведения его до определенной стадии созревания: поливала, удаляла сорняки»⁴.

Что касается высадки рассады, то в землю вносятся уже небольшие растения, выросшие из семян, специально сеянных плотно или густо в какой-либо емкости, или побеги какого-либо наркотикосодержащего растения. К высадке рассады следует отнести и черенкование (таким способом могут выращиваться некоторые виды конопли, кактус пейотль).

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что под выращиванием растений следует понимать уход за посевами и всходами с целью доведения растений до стадии созревания. Уход за растениями состоит из ряда действий, направленных на естественное или ускоренное прохождение ими фаз развития: полива, подкормки, рыхления.

Что же касается выведения новых сортов наркотикосодержащих растений, повышения их урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям, а также совершенствования технологии их выращивания, следует отметить, что уголовная ответственность за такие деяния наступает только тогда, когда будет установлено, что действия определенных лиц (селек-

ционеров или генетиков) направлены на повышение тетрагидроканнабинола в растениях конопли или иных наркотических веществ в других растениях. К этим же действиям будут относиться разработка новых технологий или совершенствование существующих для получения необходимого результата менее трудоемким способом или создание условий для выращивания наркотикосодержащих растений, не характерных для произрастания в соответствующем климате. Речь идет о культивировании таких растений, как кокаиновый куст, кат и других, не характерных для произрастания в условиях нашей страны. В содержание действий по сокрытию незаконного культивирования наркотикосодержащих растений может быть включено их выращивание вдали от населенных пунктов, дорожных автомагистралей, на заброшенных полях, садовых участках либо вместе с культурными растениями. Так, согласно приговору мирового суда Абинского района Краснодарского края от 11 августа 2010 г. в отношении Мараковой М.А. «в мае 2010 года в г. Абинске, Краснодарского края... в насаждении огурцов сотрудниками милиции были обнаружены и изъяты два растения, которые по заключению эксперта являются наркотикосодержащими растениями рода конопля».

Таким образом, очевидна корреляция между местом и способом преступления. Соответственно, способ обуславливает материально-следовую картину, которая будет определять объекты следственного осмотра – места происшествия либо местности или станет объектом поисковых действий в ходе обыска.

Обобщение материалов практики расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, позволяет констатировать, что субъектом преступления наиболее часто выступают мужчины в возрасте 30-65 лет (72,2% случаев) либо женщины в возрасте 35-60 лет (27,8% случаев), граждане России, со средним либо средним специальным образованием; являясь трудоспособными, как правило, не работают; в 64,6% случаев не имеют официального источника дохода; обычно ранее не судимые, имеют положительные характеристики по месту жительства, на учетах у нарколога и психотерапевта не состоят; при наличии судимости, как правило, имеет место специальный рецидив (производство – 57,1%; хранение – 21,4%; изготовление – 14,3%; сбыт – 14,3%; приобретение – 10,7% случаев); в 47,8% случаев сами являются потребителями наркотиков.

Таким образом, знание особенностей элементов криминалистической характеристики незаконного культивирования растений,

содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в части специфики способа, предмета, места совершения преступлений позволит повысить эффективность и качество таких следственных действий, основанных на методе наблюдения, как осмотр места происшествия, обыск, осмотр местности, помещений. А знание особенностей субъектного состава обуславливает эффективность допроса и очной ставки. Более того, установление корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики преступлений определенного вида в сфере незаконного оборота наркотиков позволит определить эффективные направления профилактической работы, что задает перспективу дальнейшим исследованиям.

¹ Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2014 г. // Генеральная Прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.

² Основные показатели, характеризующие результаты деятельности ФСКН России в первом полугодии 2014 года. Официальный сайт ФСКН России. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3943/14449/14471/index.shtml>.

³ Сажаев А.М. Особенности осмотра места происшествия по делам о незаконном культивировании запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические средства // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений : сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции (28 февраля – 1 марта 2013 года). Тюмень: ТюмГУ, 2013.

⁴ Примеры практики – судебные решения и приговоры по статье 231 УК РФ. Официальный сайт Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/law/> (дата обращения 04.02.2015г.)

О.А. Суров,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ)
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО
В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

Борьба с наркоманией, незаконным оборотом наркотиков является базовой задачей правоохранительных органов. И не только потому, что преступления, связанные с распространением наркотиков, имущественные преступления, совершаемые наркопотребите-

лями, абсолютно доминируют в структуре преступности, но главное то, что наркомания превратилась в угрозу национальной безопасности, стала вопросом выживания нашего общества.

Только за последние пять лет ФСКН России ликвидировала 327 преступных сообществ и более 5 000 преступных наркогруппировок, почти 20 000 наркопритонов. Организованная преступность, по сути, является эксклюзивным поставщиком наркотиков в Российскую Федерацию, основой, «каркасом» всей наркопреступности, а во многом и преступности в целом. Разрушение этого «каркаса» является генеральной задачей силовых ведомств¹, и одним из направлений этой деятельности является подрыв экономических основ организованной наркопреступности, для чего необходимо исследование способов совершения финансовых сделок и операций с денежными средствами, приобретенными в результате незаконного оборота наркотиков.

Физическую деятельность субъекта по совершению преступления характеризует прежде всего способ преступного посягательства, в данном случае – совокупность действий, направленных на создание фиктивных правовых оснований приобретения прав собственности на денежные средства или иное имущество.

Наиболее типичными способами отмыwania доходов, полученных преступным путем, можно назвать манипулирование ценами, указываемыми в отчетных документах, при осуществлении финансовых операций и торговых сделок (занижение цен при покупке и завышение цен при продаже имущества, имущественных прав); смешивание криминальных и легальных доходов в обороте предприятий, использующих значительные объемы наличных денежных средств; контрабанду валютных ценностей с нарушением правил декларирования ввозимых и вывозимых из страны средств; осуществление фиктивной экономической деятельности – банковских и биржевых операций, сделок по страхованию и кредитованию, оффшорной деятельности, долевого участия в предприятиях легальной сферы и т.д.

Объединяет эти способы то, что в результате совершения тех или иных действий с денежными средствами они сначала «проникают» в легальный гражданский оборот, а затем объявляются в качестве объектов правомерного пользования, владения и распоряжения.

Наиболее распространенными способами отмыwania доходов, полученных преступным путем, встречающимися на практике, можно назвать следующие:

– зачисление на счета в банках, платежных системах наличных денежных средств в качестве оплаты за наркотические средства (характерно для бесконтактных способов сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов) и последующие их перечисления.

Так, в результате операции «Карпаты» сотрудники ФСКН России ликвидировали наркоформирование, участники которого сбывали синтетические наркотики в России посредством сети Интернет. Выручка от продажи наркотиков поступала через различные платежные системы и финансовые организации и аккумулировалась главарями сообщества в «Приват-банке», принадлежащем украинскому олигарху И. Коломойскому. Задержаны 50 активных участников преступного сообщества, причастных к наркоторговле. Изъято более 100 кг высококонцентрированных синтетических наркотиков, стоимость которых по ценам «черного» рынка оценивается в сумму свыше 800 млн. рублей.

В феврале 2015 г. в Московском регионе проведен завершающий этап операции «Черный банкир». Пресечена деятельность интернет-магазина «Мануфактура», расположенного на широко известной в наркобизнесе интернет-площадке, зарегистрированной в доменной зоне одного из государств Евросоюза, вскрыты клиентские базы, в которых указаны имена и контакты крупных заказчиков и рядовых распространителей «товара». В коттедже, арендованном наркодилерами, задержаны главарь сообщества и три диспетчера, которые координировали работу интернет-магазина и доставку наркотиков заказчикам. Изъяты компьютерная техника, печати и бланки юридических лиц, участвовавших в схемах легализации денежных средств, в том числе через украинский «Приват-банк». Члены ОПС ежемесячно проводили финансовые операции с более чем 600 счетами популярных платежных сервисов, используя при этом банковские карты различных кредитных организаций. Суточный оборот наркоденег, проходивших через счета интернет-магазина, по оценкам экспертов, составлял до 5 млн. рублей, а ежемесячный – более 100-150 млн. рублей²;

– доверительное управление – приобретение иностранной валюты, транспортных средств, оплата услуг, аренда и приобретение объектов недвижимого имущества с регистрацией приобретенного имущества на подставных лиц с целью сокрытия его действительной принадлежности и источников происхождения денежных средств на приобретение этого имущества;

– смешивание криминальных и легальных доходов – декларирование денежных средств, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков, в качестве фиктивных доходов от деятельности законно действующих организаций.

При этом необходимо отметить, что указанные способы легализации денежных средств носят усеченный характер, хотя с уголовно-правовых позиций считаются оконченными с момента совершения финансовых сделок и операций, в то время как для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению требуется продолжительное время. Например, в случае приобретения транспортного средства на денежные средства от незаконного оборота наркотиков и оформление его на мать, законно распоряжаться преступник им сможет только после его переоформления на себя (получение в виде наследства или по договору дарения и т.п.), однако в случае задержания до переоформления процесс придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению еще не наступит, что вызывает определенные трудности при доказывании признаков преступления.

Структура процесса отмыwania денег включает в себя на первом этапе – криминальное накопление и создание условий для последующего отмыwania; на втором – помещение противоправного дохода в легальный экономический оборот; на третьем – декларирование отмытых средств в качестве законных.

Возвращаясь к способам совершения легализации, необходимо подчеркнуть, что выявление фактов легализации в большей части происходит, к сожалению, на первоначальном этапе легализации – размещении. Именно поэтому способы отмыwania, встречающиеся на практике, отличаются от способов, выделенных в литературных источниках.

Выявление легализации на первом этапе ее реализации внешне выглядит как конспирация преступной деятельности и при отсутствии доказательств цели совершения сделок – придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению – служит основанием для вынесения оправдательного приговора с формулировкой: реализация корыстной цели предикатного преступления или конспирация преступной деятельности.

Ожидание же окончания преступной деятельности нецелесообразно ввиду продолжительности процесса придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению.

Данные обстоятельства требуют пересмотра подходов к противодействию легализации наркодоходов. Так, давно назревший

вопрос, возникший из практики расследования и рассмотрения судами уголовных дел о легализации преступных наркодоходов, – это перенос бремени доказывания правомерности находящегося в собственности имущества на обвиняемого. На первом этапе целесообразно распространить этот принцип на организаторов наркотрафика и лидеров преступных наркосообществ. Настала пора криминализировать распоряжение средствами от сбыта наркотиков и ввести гражданско-правовую конфискацию имущества организаторов наркобизнеса так, как это принято в отношении участников террористических и экстремистских организаций.³

В то же время конфискация, в том числе гражданско-правовая, возможна только в том случае, когда наркодилер попал в поле зрения правоохранительных органов, и изменения в законодательстве могут породить более законспирированные способы легализации (отмывания), так как преступник будет знать о необходимости подтверждения законности своих доходов. В этой ситуации правоохранительные органы могут столкнуться с проблемой не только установления источников получения преступных доходов, но и с опровержением позиции подозреваемых и обвиняемых относительно факта легальности их получения.

В связи с этим, на наш взгляд, наравне с гражданско-правовой конфискацией доходов, приобретенных в результате совершения преступлений, возникает необходимость осуществления превентивных мер – декларирование гражданами источников доходов при осуществлении крупных финансовых сделок и операций, что исключит возможность вливания наркодоходов в банковскую систему и перевода ее за пределы юрисдикции Российской Федерации, как, например, в ситуации с «Приват-банком».

¹ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета директора ФСКН России В.П. Иванова на совещании председателей верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов общей юрисдикции, а также председателей арбитражных судов Российской Федерации // http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2015/0210/144635210/detail.shtml (дата обращения 01.03.2015).

² Выступление директора ФСКН России В.П. Иванова на брифинге 9 февраля 2015 года // http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/events_all/2015/0209/143635164/detail.shtml (дата обращения 01.03.2015).

³ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета директора ФСКН России В.П. Иванова на совещании председателей верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов общей юрисдикции, а также председателей арбитражных судов Российской Федерации.

А.В. Репин

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА ПО ДЕЛАМ
СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И МЕРЫ ПО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ**

Под противодействием уголовному преследованию следует понимать «умышленное или неумышленное действие или бездействие участников процесса, а также иных лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, для создания препятствий при исследовании обстоятельств дела с целью воспрепятствования решению задач раскрытия и расследования преступления»¹. Формы и способы противодействия расследованию преступлений со стороны заинтересованных лиц разнообразны и постоянно совершенствуются.

Из всех возможных проявлений противодействия расследованию наибольшую сложность в преодолении вызывают такие формы и способы, которые подготовлены противодействующей стороной заранее, реализуются непосредственно в ходе следственного действия и требуют незамедлительного реагирования со стороны следователя. Такое противодействие зачастую реализуется в следственных действиях, в основе которых заложены субъект-субъектные отношения, то есть допрос и очная ставка.

Допрос процессуально урегулирован ст. 173-174, 187-191 УПК РФ и представляет собой следственное действие, состоящее из системы не противоречащих уголовно-процессуальному закону познавательных и удостоверительных операций, выполняемых в пределах своей компетенции лицом, производящим расследование, с целью получения и закрепления показаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Как показывает практика, противодействие на допросе может выражаться в следующих формах:

- отказ от участия в допросе, в том числе неявка на допрос;
- отказ от дачи показаний;
- дача ложных показаний (лжесвидетельство);
- изменение показаний, данных ранее;
- заявление ложного алиби;
- самооговор;
- отказ от подписания протокола допроса;

- оказание давления на следователя со стороны заинтересованных лиц;
- попытка подкупа;
- деяния, направленные на срыв допроса.

Как правило, по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, субъектами противодействия на допросе выступают подозреваемые, обвиняемые и их защитники, свидетели. Противодействие со стороны эксперта и специалиста в ходе допроса отмечается крайне редко.

Такие способы противодействия, как отказ от дачи показаний, дача ложных показаний, заявление ложного алиби и т.д., являются наиболее распространенными, поэтому они подробно рассмотрены в литературе. Гораздо реже (1-2% случаев) следователи в ходе допроса сталкиваются с такими формами и способами противодействия, как оказание давления на следователя со стороны заинтересованных лиц; попытка подкупа; деяния, направленные на срыв допроса. Особенности проявления этих форм и способов противодействия, а также меры по их преодолению в литературе изучены недостаточно. Рассмотрим эти формы и способы противодействия, а также примерный алгоритм действий по их нейтрализации и преодолению.

Оказание давления на следователя со стороны заинтересованных лиц. Одним из наиболее опасных способов противодействия расследованию является оказание давления на следователя посредством высказывания угроз, попыток шантажа и т.д. Подобное давление может осуществляться субъектами как внутреннего, так и внешнего противодействия. Противодействие путем давления может быть непосредственным, то есть направленным на самого следователя, либо опосредованным, то есть направленным на родных, близких, друзей или коллег следователя. Давление может быть реализовано как в открытой форме (прямые угрозы высказываемые на допросе), так и в скрытой (завуалированной) форме (например, путем демонстрации допрашиваемым осведомленности о составе семьи следователя, месте их проживания или традиционного летнего отдыха детей). Кроме того, давление может быть реализовано вербально (словесные угрозы) либо невербально (подбрасывание муляжа взрывного устройства, уничтожение или повреждение имущества, причинение вреда здоровью и т.д.).

Преодоление противодействия при оказании давления заключается в следующем:

- сообщение (рапорт) вышестоящему руководству о фактах давления;

- принятие мер к собственной безопасности, безопасности своих родных, близких и родственников, сохранности имущества;
- разработка мероприятий по документированию, пресечению и устранению попыток подкупа, в том числе решение вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 294, 295, 296, 298, 317, 318 УК РФ.

Попытка подкупа может выражаться в различных формах: передача денежных или материальных средств, имущественных прав; трудоустройство кого-либо из близких следователя на высокооплачиваемую работу; организация отдыха; погашение кредита, оказание различных услуг (например, ремонт квартиры) и т.д. Следует помнить, что возможны провокации, в том числе подбрасывание материальных ценностей под видом полученного вознаграждения. При этом, как правило, преступные группировки тщательно фиксируют факты подкупа для последующего шантажа.

Преодоление противодействия при попытке подкупа заключается в следующем:

- сообщение (рапорт) вышестоящему руководству о попытках подкупа;
- принятие мер к недопущению принятия посторонних предметов или услуг в какой-либо форме под каким-либо предлогом кем-либо из родных и близких следователя;
- разработка мероприятий по документированию, пресечению и устранению попыток подкупа, в том числе решение вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 291 УК РФ.

Деяния, направленные на срыв допроса. К таким деяниям могут быть отнесены:

- создание допрашиваемым остроконфликтной ситуации (неадекватное агрессивное поведение, попытки уничтожения материалов уголовного дела, протокола допроса и т.д.);
- симуляция заболевания, препятствующего производству или продолжению допроса (обморока, припадка, эпилепсии, психического расстройства и т.д.);
- заявление необоснованных ходатайств (о необходимости посоветоваться с защитником после каждого вопроса следователя, об отводе следователя и т.д.) и ультиматумов (о согласии давать показания только после предоставления свидания с родными, разрешения позвонить своим знакомым, получения передачи от родственников и т.д.);
- противоправные действия защитников.

Преодоление противодействия в случае деяний направленных на срыв допроса заключается в следующем:

- выяснение причин и мотивов противоправного поведения;
- разъяснение прав, обязанностей и процессуальной процедуры допроса;
- воздействие через защитника допрашиваемого;
- видеофиксация противоправных деяний;
- фиксация противоправных деяний в протоколе допроса;
- в случае необходимости приглашение оперативных сотрудников или сотрудников ИВС для пресечения противоправных действий.

Особую сложность вызывает преодоление противодействия со стороны защитников. Противоправное действие защитников может выражаться в различных формах. Проведенный нами опрос следователей МВД России и ФСКН России показывает, что защитники довольно часто прибегают к незаконным приемам и методам. Так, более 80% респондентов указывают на то, что в ходе допроса защитники дают прямые указания, советы о том, как себя вести в сложившейся ситуации, отвечать или нет на поставленный вопрос следователя и что именно нужно отвечать; 56,25% следователей отметили, что защитники пытаются комментировать показания своего подзащитного; 43,75% указали на постановку наводящих (подсказывающих наиболее благоприятный в данной ситуации с позиции защиты) вопросов подзащитному; 31,25% – требование о предоставлении по ходу следственного действия свидания с подзащитным в случае изобличения во лжи, либо по иным причинам представляющим угрозу линии защиты; 25% – неявку на следственное действие, несмотря на предварительную договоренность; 18,75% – попытки оказания давления на участвующих при производстве следственного действия лиц (переводчика, педагога).

Рассмотренные формы и способы образуют объективную сторону противодействия при расследовании преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков. Знание форм и способов противодействия расследованию необходимо для разработки адекватных и своевременных мер по его предотвращению, нейтрализации и преодоления, что диктует необходимость дальнейших исследований в теории преодоления противодействия уголовному преследованию.

¹ Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию : монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 60.

М.Н. Минисламов

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

В последнее время в России все большую остроту приобретает вопрос борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее незаконный оборот наркотиков). По данным ФСКН России, на 2014 г. рынок наркопотребителей составляет 8,5 миллионов человек (регулярное и эпизодическое потребление), из которых активно употребляют 1,5 миллиона.¹ Существенно увеличилось количество зарегистрированных преступлений данной категории. При этом практически по каждому из них производится обыск. Для повышения качества его производства лица, осуществляющие расследование, должны в полной мере владеть теоретическими знаниями.

Рассмотрим некоторые тактические приемы производства обыска по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков. Одним из них является сбор информации о лице и месте, где будет осуществляться обыск. В частности, о лице, у которого намечается проведение обыска, желательно иметь информацию о его образе жизни, судимостях, в частности, за аналогичные составы преступлений, составе семьи, отношениях с соседями, наличии оружия, владении боевыми приемами борьбы и т.д.

О месте где будет произведен обыск: точный юридический адрес, пути подхода и проникновения, способы запираания (в том числе и наличие сигнализации) количество дверей, окон, балконов.

При этом необходимо максимально реализовать фактор внезапности, позволяющий предупредить возможное противодействие сотрудникам правоохранительных органов (например, уничтожение наркотических средств, предупреждение сообщников и т.п.)

Наиболее распространенными способами проникновения в помещение (жилище) являются:

- «на ключах», сущность которого заключается в том, что следователь вместе с подозреваемым (обвиняемым) после допроса следует к месту его проживания;
- легендированный сводится к тому, что разрабатывается правдоподобная история, которая бы не вызывала подозрения у

лица, где будет производится обыск (например, под видом сотрудника МЧС, горгаза, работника ТСЖ или горэлектросети);

– силовой – с использованием сил и средств специальных подразделений (ОМОН, спецназ);

– «отключение электроэнергии» У данного способа есть и негативная сторона, связанная с тем, что информация, имеющаяся на электронных носителях (компьютерах, ноутбуках), функционирование которых зависит от электроэнергии, может быть утрачена или частично повреждена.

В соответствии со ст.182 УПК РФ, после проникновения следователь должен предъявить постановление о производстве обыска (при обыске в жилище – судебное решение о его проведении), и предложить добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если предметы выданы добровольно и нет сомнений опасаться их сокрытия, то следователь вправе и не производить обыск. Однако практика свидетельствует, что в преобладающем количестве случаев он (обыск) все же производится.

После чего принимается решение о способе производства обыска (последовательный или выборочный)

При последовательном обследовании следователь планомерно перемещается в определенном направлении, тщательно изучая каждый участок помещения или местности со всеми находящимися на нем объектами. При выборочном обследовании изучаются не все участки и объекты, а лишь те из них, в которых по предположению следователя могут быть сокрыты наркотические средства.

В ходе поисковых действий необходимо обращать внимание не только на обнаружение наркотических средств, но и на предметы для их изготовления, переработки, расфасовки и упаковки наркотиков, а также на выявление на них потожировых следов. Показательным в этом отношении является следующий пример из судебно-следственной практики.

Лобов В.В. систематически предоставлял свою квартиру для приготовления и употребления наркотических средств различным лицам, сам готовил раствор для инъекций, кроме того, неоднократно осуществлял сбыт наркотического вещества героин посетителям притона. В момент проникновения сотрудников правоохранительных органов для производства обыска в квартиру, где он проживал (и являющуюся наркопритоном), оказывая им активное противодействие, он разбил форточку и выбросил в нее 26 свертков героина общей массой 12,502 грамма, упакованных в полиэтилен и пере-

вязанных нитками белого цвета. После задержания он утверждал, что изъятые 26 свертков с героином из-под окна его квартиры ему не принадлежат. Эта позиция была опровергнута в процессе расследования. В частности, трасологической экспертизой было установлено, что 26 фрагментов полиэтиленовой пленки, изъятых из-под окна квартиры Лобовых, и 20 фрагментов, изъятых из пакета для мусора в их квартире, ранее составляли единое целое. Однородными являлись и отрезки нитей, которыми были перевязаны 26 фрагментов (пакетов) с героином, обнаруженные под окном квартиры Лобова В.В., изъятые из сумочки Лобовой А.Н. и из кармана куртки, надетой на Охохониной О.В., а также фрагменты и катушка ниток, изъятые из квартиры Лобовых. Кроме того, на поверхности весов, изъятых при обыске, обнаружены следовые количества героина, а также след пальца руки Лобова В.В.²

В ходе обыска необходимо предпринять усилия для обнаружения: медицинских инструментов и приспособлений для употребления наркотиков (шприцы, жгуты); химические приборы и реактивы, (ацетон, марганцевокислый калий, уксусный ангидрид, растворители и др.), химической или бытовой посуды, в том числе со следами экстрагирования наркотических средств. Изъятию подлежат также витамины и иные препараты, добавляемые в синтетические наркотические средства для ослабления наркотического эффекта и увеличения массы; литература по химии; квитанции камер хранения; счета на оплату; записные и телефонные книжки, записи в блокнотах, носильные вещи обыскиваемого, на которых могут быть частицы наркотиков (в карманах, между стельками и подошвами), или же сами наркотики могут маскироваться под детали одежды (различные пуговицы); деньги, драгоценности, иные ценности, нажитые преступным путем; огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, средства взрыва и взрывные устройства.

В связи со значительным увеличением количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, особое внимание должно быть уделено обнаружению и изъятию компьютерной техники, жестких дисков, сотовых телефонов, смартфонов, нетбуков, планшетов. При этом необходимо учитывать требования п.9.1 ст.182 и п.3.1 ст.183 УПК РФ, согласно которым электронные носители информации изымаются с участием специалиста в области информационных технологий. При поступлении ходатайства специалист с изымаемых

электронных носителей осуществляет копирование на иные электронные носители, предоставленные лицом, у которого производится изъятие. Однако если копирование информации может воспрепятствовать расследованию уголовного дела или, по заявлению специалиста, может повлечь утрату или изменение информации, оно не производится.

Резюмируя, отметим, что залогом эффективного производства обыска является значительное количество организационных и технических мероприятий, которые необходимо осуществлять как на подготовительном, так и на рабочем этапах его производства.

¹ Информационно аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 9 месяцев 2014 г. URL: www.fskn.gov.ru

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.07.2006 № 82-006-20.

Е.Б. Мельников,

кандидат химических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АНАЛОГОВ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

В настоящее время наблюдается общемировая тенденция все более широкого распространения новых синтетических психоактивных веществ.

Особая опасность неконтролируемых антинаркотическим законодательством Российской Федерации синтетических психоактивных веществ обусловлена тем, что в подавляющем большинстве случаев клинические исследования их токсикологической активности не проводилось, апробация наркотического действия и установление эффективной дозировки таких препаратов происходит непосредственно на употребляющих их лицах, что в ряде случаев приводит к массовым отравлениям. Анализ практики противодействия обороту новых психоактивных веществ показывает, что в большинстве случаев только отнесение их к категории аналогов

наркотических средств и психотропных веществ может привести к уголовному преследованию лиц, участвующих в их незаконном обороте. Уголовно-правовые и криминалистические признаки аналогов достаточно подробно изучены рядом авторов.¹ При этом в качестве признаков, устанавливаемых в процессе криминалистического исследования подобных объектов, являются установление сходства химической структуры и свойств исследуемых веществ со структурой и свойствами известных наркотических средств и психотропных веществ и воспроизведение аналогичного психоактивного действия на организм человека.

Вопрос о сходстве химической структуры и свойств решается в рамках физико-химических исследований в ходе экспертизы наркотических средств и психотропных веществ. Для окончательного отнесения исследуемого объекта к аналогам наркотических средств и психотропных веществ необходимо заключение эксперта-токсиколога о его психоактивном действии на организм человека, что требует проведения комплексной экспертизы. Проверка токсикологической активности и установление аналогичности действия известных наркотических средств и психотропных веществ проводится на лабораторных животных по отработанным методикам и в настоящее время не представляет особых сложностей в методологическом аспекте.

Иная ситуация складывается при установлении сходства химической структуры. Методологические основы этой части исследования аналогов наркотических средств и психотропных веществ базируются на принципах общей органической химии и химической номенклатуры органических соединений. При этом сам процесс исследования складывается из двух этапов. На первом этапе решается задача установления компонентного состава субстанции, а также структуры ее отдельных компонентов. При этом, как правило, проводят хроматомасс-спектрометрическое исследование, в ходе которого устанавливается компонентный состав представленной на исследование субстанции и проводится соотнесение масс-спектрометрических характеристик отдельных ее компонентов с электронными библиотеками спектров. В случае наличия необходимой информации автоматически дается его химическое название, на основе которого создается структурная формула вещества. В случае же отсутствия необходимых спектральных характеристик в электронных библиотеках прибора процесс исследования значительно усложняется. Появляется необходимость поиска необходимой информации на специализированных сайтах (как правило, англ-

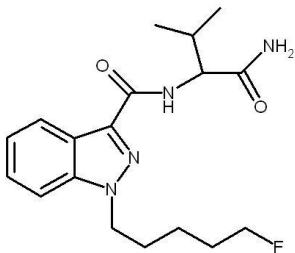
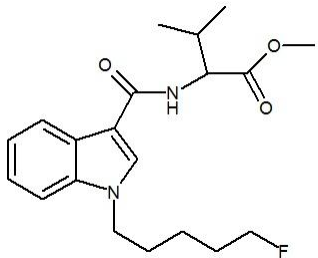
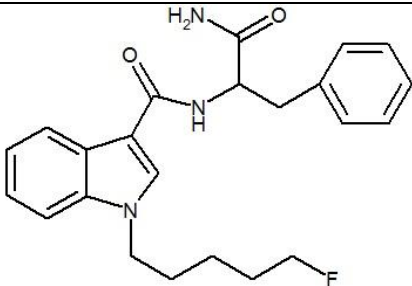
лоязычных) в сети Интернет или в ведомственной сети. Если поиск не приносит желаемого результата, процесс исследования еще более усложняется и становится сопряженным с необходимостью выделения неизвестных компонентов из состава субстанции, их очисткой и кристаллизацией методами препаративной органической химии. Химическая структура выделенных таким образом компонентов устанавливается методами ЯМР-спектроскопии и рентгеноструктурного анализа с привлечением соответствующих специалистов научных центров различной ведомственной принадлежности.

Вторым этапом исследования является установление структурной аналогии с известным наркотическим средством. Именно на этом этапе исследования и возникают методологические проблемы, связанные с установлением структурной аналогии исследуемого вещества с известным наркотическим средством. В таблице представлены химические названия и структурные формулы некоторых психоактивных веществ 1Н-индол-3-карбоксамидного ряда, два из которых контролируются на территории Российской Федерации. При решении задачи установления структурной аналогии возникает резонный вопрос: какой из представленных структур аналогично вещество РРА-2201; аналогом какого именно подконтрольного вещества оно является? Следующий вопрос, не нашедший однозначного ответа: каким номенклатурным правилам должно соответствовать химическое название того или иного вещества? Несмотря на то, что все соединения названы в соответствии с номенклатурой IUPAC, их названия построены относительно различных молекулярных центров. Во втором случае название соединения построено на основе структуры соответствующей карбоновой кислоты, а не 1Н-индол-3-карбоксамиды, что может привести к неоднозначной уголовно-правовой оценке деяния в случае незаконного оборота вещества РРА-2201 или исключения из совокупности доказательств экспертного заключения по причине значительной разницы номенклатурных названий.

Полагаем, что решение вышеуказанных вопросов должно произойти в рамках создания единой методики по исследованию аналогов наркотических средств и психотропных веществ, создание которой представляется актуальной задачей в ближайшее время.

Таблица

ХИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ФОРМУЛЫ
НЕКОТОРЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ
1Н-ИНДОЛ-3-КАРБОКСАМИДНОГО РЯДА

№п /п	Химическое название	Сокращенное название	Структурная формула
1*	N-(1-карбамоил-2-метилпропил)-1-(5-пентил)-1Н-индазол-3-карбоксамид	AB-PINACA-F	
2*	Метил-3-метил-2-[1-(5-фторпентил)-1Н-индол-3-ил-карбоксамидо]бутаноат	MMB-2201	
3	N-(1-карбамоил-2-фенилэтил)-1-(5-фторпентил)-1Н-индол-3-карбоксамид	PPA-2201	

* Данные вещества подлежат контролю в Российской Федерации в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 09.12.2014).

¹ Федоров А.В. Определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Наркоконтроль. 2012. № 3. С. 3-18; Тихомирова В.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С.25-28; Проблемы криминалистического исследования новых психоактивных веществ / Е.Б. Мельников и др. // Вестник Сибирского юридического института ФСИН России. 2014. № 1 (14). С. 54-61; Федоров А.В. Об учете нормативно определенных признаков аналогов наркотических средств и психотропных веществ при производстве экспертиз // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С.18-21.

Е.В. Гончаров,

кандидат технических наук
Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Р.В. Клемичев

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

УСЛОВИЯ ХРОМАТОГРАФИРОВАНИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

В последнее время на территории Красноярского края произошло существенное изменение структуры наркорынка с резким увеличением доли синтетических наркотических средств и психотропных веществ.

Основным методом криминалистического исследования синтетических наркотических средств и психотропных веществ является метод хроматомасс-спектрометрии. Данный метод получил наиболее широкое распространение в судебной экспертизе наркотических средств и психотропных веществ благодаря тому, что он позволяет исследовать вещества, входящие в состав сложной смеси без их предварительного выделения, а также возможности получения достоверного результата за короткий промежуток времени.

Однако в практической деятельности эксперта имеется затруднение с выбором условий исследования на хроматомасс-спектрометре. В первую очередь связано это с тем, что составить единственный метод для исследования всех видов подконтрольных веществ практически невозможно. Конечно, в литературе посвященной исследованию наркотических средств, приводятся условия исследования, но они подходят именно для исследования тех веществ, которым посвящена публикация, и могут быть не пригодными для исследования других веществ. В связи с этим, как правило, в экспертных подразделениях составляется один универсальный (скрининговый, первоначальный) метод, рассчитанный на максимально широкий спектр веществ, и несколько методов под более узкие группы веществ.

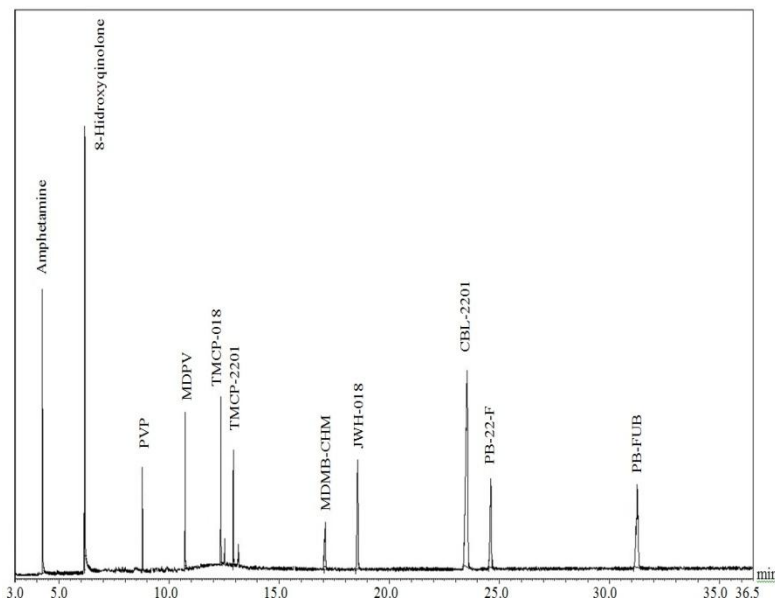
С появлением большого количества синтетических каннабиноидов ситуация начала усложняться. Используемые привычные универсальные методы исследования оказались слишком короткими в связи с тем, что некоторые синтетические каннабиноиды имеют высокие значения индекса удерживания. Зачастую экспер-

ты, чтобы решить данную проблему, просто при программировании температуры колонки увеличивают время выдержки при максимальной температуре и тем самым создают более длинные методы, иногда достигающие 60 и более минут. Данные действия позволяют решить проблему с идентификацией, но возникают проблемы с оперативностью выполнения исследований.

В настоящее время не существует единых для всех экспертных учреждений условий проведения первоначального исследования на хроматомакс-спектрометрах. Ниже приведены условия, считающиеся наиболее подходящими для первоначального исследования¹:

- температура испарителя хроматографа 280°C;
- температура интерфейса детектора 290°C;
- колонка кварцевая капиллярная HP-5MS (30.0м×0.25мм×0.25мкм);
- программирование температуры колонки по следующей программе: 1) выдержка 100°C в течение 2 минут; 2) подъем температуры от 100 до 290°C со скоростью 20°C/минуту; 3) выдержка при 290°C в течение 25 минут;
- газ-носитель – гелий в режиме постоянного потока – 1.0 мл/минуту.

Время исследования по данным условиям составляет 36,5 минут. Ниже представлена хроматограмма модельной смеси наркотических

средств и психотропных веществ, полученная на хроматомакс-спектрометре «Shimadzu» (Япония) модели GCMS-QP2010 Ultra при вышеназванных условиях.

Рис. 1. Хроматограмма модельной смеси наркотических средств и психотропных веществ

В ходе оптимизации условий хроматографирования, проведенной сотрудниками ЭКС Управления ФСКН по Красноярскому краю, для практической деятельности разработаны и используются в настоящее время следующие условия для первоначального исследования:

- температура испарителя хроматографа 280°C;
- температура интерфейса детектора 290°C;
- колонка кварцевая капиллярная HP-5MS (30.0м×0.25мм×0.25мкм);
- программирование температуры колонки по следующей программе: 1) выдержка 125°C в течении 3,25 минут; 2) подъем температуры от 125 до 300°C со скоростью 20°C/минуту; 3) выдержка при 300°C в течении 18 минут;
- газ-носитель – гелий в режиме постоянного потока – 1.2 мл/минуту.

Время исследования по данным условиям составляет 30 минут. Ниже представлена хроматограмма модельной смеси наркотических средств и психотропных веществ, полученная на хромато-масс-спектрометре «Shimadzu» (Япония) модели GCMS-QP2010 Ultra при вышеназванных условиях ЭКС Управления ФСКН по Красноярскому краю.

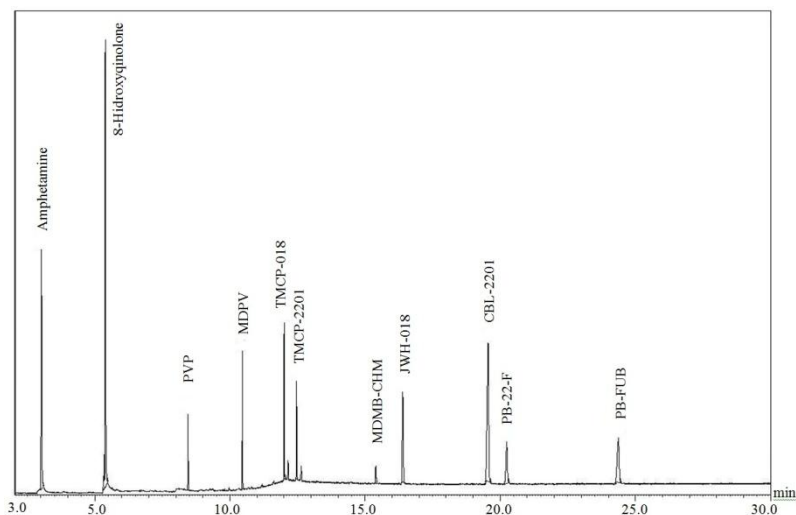

Рис. 2. Хроматограмма модельной смеси наркотических средств и психотропных веществ

Как видно из приведенных хроматограмм, оба набора условий хорошо подходят для исследования широкого спектра подконтрольных веществ. Однако условия для скринингового метода, разработанные в ЭКС Управления ФСКН по Красноярскому краю, позволяют решить задачу по идентификации веществ на 18% быстрее, что является несомненным преимуществом при проведении многообъектного исследования в оперативных условиях.

¹ Шевырин В.А., Мелкозеров В.П., Торицин А.В. Экспертное исследование некоторых веществ из ряда 3-нафтоилиндола, 3-фенилацетилиндола и 3-бензоилиндола : методические рекомендации, утвержденные 30 июля 2010 г. на 26-ом заседании Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебным экспертизам и экспертным исследованиям. Екатеринбург, 2011; 3-нафтоилиндазолы и 2-натоилбензимидазолы – новые

группы синтетических каннабиноидов: химическая структура, аналитические характеристики и идентификация первых представителей в составе курительных смесей, а также некоторых метаболитов в моче // Бутлеровские сообщения. 2012. Т. 37. № 1. С. 156-169.

И.В. Бондарь,

доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный врач Российской Федерации
10 Департамент ФСКН России
(г. Москва)

Ю.Е. Вязовиченко,

доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный работник здравоохранения
Российской Федерации
10 Департамент ФСКН России
(г. Москва)

Д.В. Симонов,

кандидат медицинских наук
10 Департамент ФСКН России
(г. Москва)

Д.А. Вишняков,

10 Департамент ФСКН России
(г. Москва)

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБ НА СОДЕРЖАНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В настоящее время профилактические меры, направленные на выявление факта употребления наркотических средств и психотропных веществ, являются важным компонентом в решении проблемы наркомании.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к результатам анализов, исследование по определению наркотических средств и психотропных веществ должно быть надежным и досто-

верным и состоять из двух этапов – предварительного (скринингового) исследования и подтверждающего.

Скрининговые методы:

- иммунохимические методы (ИХА, ПФИА, ИФА);
- тонкослойная хроматография (ТСХ);
- аппаратно-программные комплексы (АПК).

Подтверждающие методы:

- хроматомасс-спектрометрия (ГХ/МС);
- газовая хроматография (ГХ);
- высокоэффективная жидкостная хроматография (ВЭЖХ).

Наибольшее распространение в химико-токсикологическом анализе при скрининговых исследованиях получили иммунохроматографический анализ (ИХА) на тест-полосках, поляризационный флуороиммуноанализ (ПФИА) и иммуноферментный анализ (ИФА). В настоящее время в практической деятельности все чаще применяются аппаратно-программные комплексы (АПК), основанные на иммунохроматографии с фотометрической детекцией.

Современные иммунохимические методы анализа лекарственных и наркотических средств обладают достаточно высокой чувствительностью, групповой специфичностью, простотой исполнения, позволяют анализировать одновременно большое количество проб без специальной подготовки и потому удобны для экспрессной скрининг-диагностики.

Иммунохроматографический анализ (ИХА), который в литературе называют стрип-тест, QuikStrip dipstik, экспресс-тест, тест полоски и т.п. является перспективным вариантом иммунного анализа. Основное назначение метода – выявление отрицательных проб, которые исключаются из дальнейшего анализа. Все остальные пробы (положительные, то есть когда концентрация психоактивного вещества превышает пороговую) подлежат дальнейшему исследованию с помощью подтверждающих методов.

Метод ИХА основан на протекании иммунной реакции антиген-антитело при движении тестируемого образца жидкости по полоске и визуального детектирования образования окрашенных зон в различных участках полоски (тестовой и контрольных зонах).

В тест-зоне полоски иммобилизованы искусственные антигены (подобные анализируемым веществам). Антитела к ним, связанные с красителем, нанесены на полоску у линии погружения ее в исследуемый образец биожидкости. При погружении тест-полоски в жидкость она начинает мигрировать по принципу тонкослойной хроматографии. Вместе с жидкостью движутся антите-

ла. Если в образце нет исследуемого психоактивного вещества (антигена), то антитела доходят до вторичных (фиксированных) антигенов, связываются с ними, образуя окрашивание в тест-зоне. Если же исследуемый антиген присутствует в биожидкости, он связывает антитела у линии погружения в образец, и окрашивание в тест-зоне не наблюдается. Отсутствие или появление окрашивания в тест-зоне говорит о положительном или отрицательном результате анализа соответственно. Образование окраски в контрольной зоне должно быть всегда и служит контролем сохранности тест полоски для использования, а также контролем правильности проведения анализа.

Отличительными особенностями метода являются высокая чувствительность, простота и высокая скорость исполнения, одновременное проведение исследований большого числа проб без дополнительной подготовки исследуемого образца.

Однако наряду с этим существует и ряд трудностей. Так, при проведении предварительных (скрининговых) исследований могут быть получены ложноположительные и ложноотрицательные результаты на определяемое вещество или группу веществ. Данные иммунного анализа как измерительной методики обычно в наибольшей степени подвержены искажениям под воздействием соединений, сходных по химической структуре с определяемым веществом, поскольку с помощью этого исследования, как правило, распознаются психоактивные вещества, принадлежащие к одному классу, а также их метаболиты. Например, положительный результат анализа на наличие опиатов может указывать на присутствие различного количества опиатоподобных веществ; псевдоэфедрин структурно сходен с амфетамином и т.п.

Именно поэтому при интерпретации результатов важно учитывать следующие моменты:

- об употреблении того или иного психоактивного вещества может свидетельствовать присутствие метаболитов, которые могут быть одинаковыми у разных веществ, а исходное соединение может обнаруживаться в очень низких количествах или отсутствовать вообще;
- отрицательный результат может быть следствием того, что проба была взята слишком поздно после приема психоактивного вещества;
- пороговая чувствительность метода исследования может превышать порог возможного выявления вещества;
- состав пробы может быть изменен, фальсифицирован при заборе;

– иногда невозможно отличить запрещенные к легальному обороту соединения и разрешенные лекарственные средства из-за схожести структуры веществ и т.д.

Таким образом, ввиду высокой чувствительности иммунохимических методов необходимо осторожно подходить к оценке и интерпретации полученных результатов при анализе образцов, учитывая, что заключение о факте употребления конкретного психоактивного вещества можно выносить только после проведения подтверждающего метода анализа в соответствующей химикотоксикологической лаборатории.

Л.П. Климович,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

Деятельность сотрудников правоохранительных органов, ориентированная на выявление и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, по своему содержанию представляет собой сложный познавательный процесс. Оперативное сопровождение преступления до момента задержания с поличным, а также ретроспективное воссоздание события преступления в процессе расследования осуществляются путем установления и анализа следовой картины, что в большинстве случаев невозможно без использования знаний специалистов различных областей научного знания. В современных условиях потребность в использовании специальных знаний все более возрастает. Это обусловлено, с одной стороны, качественными изменениями самой наркопреступности, которые выражаются в появлении новых, ранее неизвестных способов совершения преступлений, в том числе с использованием различных платежных и финансовых инструментов, росте сплоченности преступных групп, активном противодействии процессу расследования преступлений. Также процесс расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом

наркотиков, предполагает сбор и закрепление доказательств о преступном происхождении имущества, денежных средств и иных ценностей, о преступном использовании денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения наркопреступления, в легальном экономическом обороте. С другой стороны, неуклонно возрастают требования следственных и судебных органов к объективизации процесса расследования преступления, к качеству доказательственной базы. Как подчеркивает В.Н. Махов, «достоинство специальных знаний в том, что они открывают по сути неограниченные возможности для достоверного использования достижений науки и техники при расследовании преступлений...»¹.

Залогом успешного раскрытия преступления является не только грамотная работа следователя, оперуполномоченного по привлечению специалиста для оказания содействия в сборе и исследовании доказательств, но и умение применять собственные знания следователя, оперуполномоченного в той или иной отрасли науки в процессе раскрытия преступления. Развитию у будущего сотрудника правоохранительных органов умений и навыков применения на практике специальных экономических знаний, способствует изучение в процессе образовательной подготовки учебной дисциплины «Судебная бухгалтерия».

Потребность и необходимость изучения учебной дисциплины «Судебная бухгалтерия» студентами и курсантами образовательных учреждений юридического профиля обусловлена тем, что она дает комплекс специальных учетно-экономических знаний, необходимых будущим юристам, сотрудникам правоохранительных ведомств (следователям, дознавателям, работникам органов дознания) для установления по данным различных источников учетно-экономической информации признаков преступлений, совершаемых в связи с осуществлением финансово-экономической деятельности при выполнении или под видом законных хозяйственно-экономических и финансовых операций.

Рассмотрим на примере, как судебно-экономические знания содействуют выявлению и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. ФСКН России провела разработку организованной преступной группы, осуществлявшей сбыт капсул, содержащих сильнодействующее вещество сибутрамин (далее – СДВ). Сбыт осуществлялся посредством почтовых отправок, а заказы принимались с использованием интернет-магазина, созданного членами ОПГ «А» и «Б». Кроме того, установлено, что «А» зарегистрировал коммерческую фирму ООО «Индезит» и под

легендой осуществления торгово-закупочной деятельности через банковский счет этой фирмы проводил все расчеты за СДВ. ООО «Индезит» также использовалась в целях сокрытия незаконного происхождения денежных средств, полученных «А» в результате совершения запрещенных к обороту пересылок СДВ, путем приобретения на указанные денежные средства оптом товаров народного потребления и их дальнейшей реализации² (см. рисунок).

Рис. Доставка СДВ почтовыми отправлениями

Установление фактов совершения преступлений (в данном примере – ответственность за которые предусмотрена ст.234 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ) способствовала прежде всего эффективная организация оперативно-розыскной деятельности при получении информации о факте сбыта СДВ. Сбор первичной информации об организации работы интернет-сайта www.drugs.com и о его организаторах требует применения знаний и умений в работе с интернет-ресурсами, в области компьютерных технологий создания, передачи, обработки, аккумулирования информации. Такие знания (собственно знания оперуполномоченного либо знания привлекаемого для содействия в обнаружении признаков преступления специалиста по компьютерно-техническим исследованиям) способствуют установлению времени, места, других обстоятельств совершения преступления.

Установление информации о перечислениях оплаты за СДВ на банковский счет организации требует применения знаний о механизме осуществления денежных переводов и платежей в национальной платежной системе. Эти знания уже являются составной частью дисциплины «Судебная бухгалтерия». Анализ информации, полученной в ходе ОРМ наблюдение за лицами-заказчиками СДВ, если оплата производится ими через банкоматы; исследование предметов и документов специалистом по компьютерно-техническим исследованиям, если платежи осуществлялись через интернет– ресурсы) с реквизитами платежа (номер транзакции, счет получателя и сумма платежа, дата и время совершения платежа, место платежа) позволяет установить пространственно-временную связь между лицами, участвующими в преступлении и фактами осуществления ими финансовых операций. Для документального подтверждения оперативной информации требуется грамотное составление и направление запросов в кредитные организации о движении денежных средств по конкретным счетам физических и юридических лиц. Эти вопросы также изучаются в рамках тем Особенной части дисциплины «Судебная бухгалтерия».

Полученные по запросам из банков справки (выписки) о движении средств по счетам могут быть направлены для более детального изучения специалисту-экономисту на экономическое исследование. Тут важно грамотно организовать взаимодействие со специалистом-экономистом еще до направления ему материалов на исследование. Консультативная помощь специалиста может быть неоценимой для оперуполномоченного в части разъяснения специалистом, какие документы необходимо запросить в кредитной организации, где можно получить информацию и какие конкретно учетные и финансовые документы о деятельности ООО «Индезит» и других субъектов, которые находятся в оперативной разработке, необходимо предоставить на исследование.

Одним из направлений сбора доказательственной информации о преступлении, совершаемом с использованием различных финансовых, платежных инструментов, является эффективная организация взаимодействия со специалистами Росфинмониторинга, которые по мотивированному запросу сотрудника, содержащему необходимую исходную аналитическую информацию, могут предоставить сведения о лицах, участвующих в совершении финансовых операций, имеющих отношение к событию преступления, а также перечень финансовых операций, указывающих на признаки

легализации доходов, полученных в результате совершения наркопреступления.

Вопросы эффективной организации взаимодействия со специалистом, обладающим экономическими знаниями, как на этапе оперативно-розыскной деятельности, так и в ходе расследования уголовных дел изучаются в рамках раздела «Специализированные исследования судебно-экономической информации» дисциплины «Судебная бухгалтерия».

Вернемся к анализируемому примеру. В действиях субъектов «А» и «Б» имеются признаки легализации денежных средств, полученных от сбыта СДВ, так как денежные средства, поступавшие в оплату СДВ на банковский счет ООО «Индезит», фактически использовались в коммерческой деятельности. Установление пространственно-временной связи между моментом совершения основного преступления (предусмотренного ст. 234 УК РФ) и фактами легализации доходов, полученных преступным путем (ст. 174.1 УК РФ), требует изучения и анализа документов о деятельности ООО «Индезит». Это договоры поставки товаров народного потребления; первичные документы, подтверждающие факты оплаты товаров их факты их поставки; первичные документы, подтверждающие факт продажи ТНП; учетные регистры, систематизирующие информацию о закупках и продажах ТНП; бухгалтерская (финансовая) отчетность, анализ содержания которой в динамике (путем расчета и анализа определенных показателей отчетности) поможет установить ряд косвенных признаков легализации преступных доходов.

Важным источником доказательственной информации о фактах получения в результате совершения наркопреступления незаконных доходов и их преступного использования в легальных экономических операциях, наряду с выше обозначенными, являются выводы судебных экономических и экономико-стоимостных экспертиз. Возможности таких экспертиз в установлении доказательственной информации, решаемые ими следственные задачи, объекты исследования, круг решаемых вопросов – все эти аспекты изучаются отдельным блоком дисциплиной «Судебная бухгалтерия»

Оперуполномоченный сотрудник, выявляющий факты совершения наркопреступления, следователь, расследующий такие преступления, где имеет место вовлечение преступных доходов в легальный оборот, должны иметь представление о механизме осуществления экономической деятельности коммерческой организации, о способах образования следовой картины в учетно-экономической

информации экономического субъекта. Формирование комплекса таких знаний является задачей изучения дисциплины «Судебная бухгалтерия».

Современный юрист должен владеть не только теоретическими знаниями в области различных отраслей права, но и прикладными юридическими, в том числе экономико-криминалистическими, знаниями и в конечном итоге обладать профессиональными компетенциями, в числе которых, в соответствии с образовательным стандартом, способности выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения (ПК-10 в ГОС ВПО по направлению подготовки Юриспруденция, квалификация «бакалавр», ПК-4 в ГОС ВПО по направлению подготовки Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)). Несмотря на то, что требованиями ГОС ВПО по направлению подготовки Юриспруденция базовая (обязательная) часть цикла профессиональных дисциплин не предусматривает изучение учебной дисциплины «Судебная бухгалтерия», практика настоятельно требует совершенствования профессиональной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов в этом направлении.

¹ Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография. М.: Издательство РУДН, 2000. С. 33

² Корчагин О.Н. Типологии легализации (отмывания) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков : практическое пособие / под ред. И.И.Батыршина. М: НИЦ ФСКН России, 2014. С.49-50.

И.А. Смирнов,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТРЕБОВАНИИ ИНФОРМАЦИИ СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ

В соответствии с п. 9. Указа Президента РФ от 28 июля 2004 г. № 976 «Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков» органы наркоконтроля в целях реализации своих полномочий имеют право запрашивать и получать от федеральных органов государственной власти, органов

государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также от организаций независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности документы, справочные и иные материалы, необходимые для решения задач, возложенных на органы наркоконтроля.

Основными задачами органов наркоконтроля являются задачи, направленные на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и предварительное расследование преступлений, а также осуществление производства по делам об административных правонарушениях, которые отнесены законодательством Российской Федерации к подследственности либо к компетенции органов наркоконтроля.

При этом сотрудники оперативных подразделений органов наркоконтроля должны иметь в виду следующее:

а) механизма принудительной реализации данного права в представлении требуемых документов, справочных и иных материалов не предусмотрено;

б) ст.19.7 КоАП РФ, на которую как на основания привлечения к ответственности совершенно необоснованно ссылаются некоторые специалисты и правоприменители, в данном случае не всегда применима, поскольку устанавливает административную ответственность за непредставление или несвоевременное представление в государственный орган (должностному лицу) сведений (информации), представление которых предусмотрено законом и необходимо для осуществления этим органом (должностным лицом) его законной деятельности, а равно представление в государственный орган (должностному лицу) таких сведений (информации) в неполном объеме или в искаженном виде.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.7 КоАП РФ, могут выступать общественные отношения в оперативно-розыскной сфере. Одним из способов реализации своих прав органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является истребование информации для решения возложенных задач. Так, именно Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрены случаи и обязанность субъектов права представлять определенную информацию в уполномоченные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

Объективная сторона анализируемого правонарушения состоит в том, что виновный:

1) не представляет совсем (то есть полностью игнорирует исполнение своей обязанности) либо несвоевременно представляет в компетентный орган (должностному лицу) соответствующие сведения. При этом нужно иметь в виду, что речь идет о сведениях:

а) круг (перечень, состав) которых установлен законом;

б) необходимых для осуществления органом (должностным лицом) возложенных на него законом функций (при осуществлении им своей деятельности). Если сведения выходят за рамки указанного круга, то непредставление их не образует состава данного правонарушения;

2) представляет в компетентный орган (должностному лицу) упомянутые выше сведения:

а) в неполном объеме (например, лишь часть требуемой информации);

б) в искаженном виде (то есть, по существу, речь идет о представлении недостоверной информации).

Оконченным данное правонарушение считается с момента, когда оно было совершено. Оно совершается как в форме действий (например, представление неполной информации), так и бездействия (например, непредставление информации совсем).

Субъектами анализируемого правонарушения являются граждане, должностные лица, юридические лица.

Субъективная сторона административного правонарушения характеризуется либо умыслом, либо неосторожностью.

Изучение дел указанной категории показало, что к административной ответственности по ст. 19.7 КоАП РФ привлекаются граждане, должностные и юридические лица как за непредставление или несвоевременное представление сведений, которые подлежат представлению в силу закона, так и за непредставление или несвоевременное представление запрашиваемых госорганом (должностным лицом) сведений, необходимых для осуществления возложенных на него законом функций.

Ключевой в данном случае является фраза «представление которых предусмотрено законом». Иными словами, у должностных лиц имеется право требовать представления таких сведений (в том числе в виде документов), а физические и юридические лица обязаны выполнить их законные требования, что не всегда бывает в правоприменительной практике. В случаях передачи материалов административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.7 КоАП РФ, в суд у исполнителя появляется объективная причина – это сложность запроса и как следствие – невозможность ответа на него в срок.

Выход из создавшейся ситуации видится в следующем: ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрено проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как наведение справок, что является, по сути, не чем иным, как получением соответствующей информации.

При этом наведение справок – это оперативно-розыскное мероприятие, и его проведение должно соответствовать всем без исключения основаниям и условиям осуществления оперативно-розыскной деятельности, причем предусмотренным не только Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», но и иными нормативными актами. Вышеуказанное оперативно-розыскное мероприятие (как и любое другое) может проводиться как гласно, так и негласно (зашифровано). В данном случае необходимо остановиться на первом варианте оперативно-розыскного мероприятия наведения справок.

Сотрудники органов наркоконтроля могут реализовать данные права посредством направления (вручения) юридическим и физическим лицам соответствующих запросов, требований о получении необходимой информации.

Согласно абз. 3 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, имеют право требовать обязательные для исполнения физическими и юридическими лицами, к которым такие требования предъявлены, а неисполнение законных требований должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, либо воспрепятствование ее законному осуществлению влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

По нашему мнению, это ответственность, предусмотренная ст. 19.7 КоАП РФ, о которой говорилось выше. Единственная норма, которая не оговорена в законодательстве, – это срок представления информации. В этом случае срок представления информации должен быть указан в запросе или требовании с учетом времени, необходимого для исполнения данного требования применительно к конкретной ситуации.

Исследование показало, что вполне логично, что этот срок должен быть разумным для исполнения запроса (требования) органа наркоконтроля, и многие суды в своих решениях о привлечении к административной ответственности по ст. 19.7 КоАП РФ рассматривают причину «затягивания» или несвоевременного пред-

ставления (должностному лицу) сведений (информации) именно в разумный срок.

Полагаем, что «разумный» срок должен включать в себя следующие элементы:

- период с момента получения запроса до момента его исполнения и представления инициатору запроса;
- правовая и фактическая сложность запроса;
- квалификация исполнителя запроса;
- достаточность информации в запросе для его осуществления;
- обстоятельства, связанные с организацией работы адресата (исполнителя запроса)

Перечисленные элементы должны приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков исполнения запроса по предварительному согласованию с инициатором.

В случае если после поступления запроса исполнителю он длительное время не рассматривается и его исполнение затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться в суд о возбуждении административного судопроизводства и ускорении его рассмотрения.

Т.В. Шитова,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРПОЛА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Прошло время, когда наркопроблема была проблемой только в границах отдельно взятой страны. Широкое распространение наркомании в различных странах мира вызывает озабоченность не только правительств этих стран, но и международных организаций. Создание международной противодействующей системе, контролирующей распространение наркотических средств, было обусловлено объективной потребностью международного объединения усилий государств в противодействии наркотизации населения и борьбе с транснациональной организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков.¹

Существующая институциональная форма механизма международной антинаркотической деятельности предусматривает сотрудничество в рамках международных организаций – ООН, ОДКБ, ШОС и др. Но наиболее успешной деятельностью по противодействию транснациональной наркопреступности стоит признать борьбу с незаконным оборотом наркотиков при помощи Интерпола.

Взаимодействие России с Интерполом началось в 1990 г. – после принятия СССР в члены организации.² Это предоставило российским правоохрнительным органам возможность оперативной связи с более чем 190 странами (на сегодняшний день Интерпол – вторая по численности после ООН международная межправительственная организация).

Несмотря на значительное количество профильных международных операций, которые ежегодно инициирует и проводит Генеральный секретариат Интерпола («Калкан», «Миллениум», «Карго нэт», «Инфра-рэд» и др.), одно из основных направлений деятельности Интерпола – координация борьбы с наркотрафиком (в качестве отдельного направления можно выделить операцию «Пангея» по борьбе с распространением фальсифицированных медицинских препаратов).³ В целях обеспечения оперативности и организации взаимодействия с 1997 г. в ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации создаются филиалы Национального центрального бюро Интерпола (далее – НЦБ Интерпола), которые входят в состав МВД, ГУВД, УВД субъектов Федерации на правах отделов, отделений, групп. Однако такой их статус не позволяет им эффективно взаимодействовать с территориальными органами ФСБ России, ФСИН России, ФСКН России и иными правоохрнительными органами, которые имеют статус управлений. Актуальна необходимость расширения взаимодействия правоохрнительных органов России с Интерполом путем подключения к его информационным системам пограничных, таможенных и иммиграционных служб.⁴

Следует заметить, что нормативная правовая база, регламентирующая деятельность НЦБ Интерпола в России, в значительной мере устарела и требует корректирующего воздействия. В первую очередь речь идет о межведомственной Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола от 6 октября 1996 г.

Анализ правовой и организационной основ деятельности НЦБ Интерпола приводит к следующим выводам.

1. В настоящее время сформировались международно-правовые основы противодействия транснациональной наркопре-

ступности, а на практике сложился определенный механизм их реализации, что особенно ярко проявляется на деятельности такой организации, как Интерпол.

2. Институциональная и договорно-правовая формы противодействия транснациональной наркопреступности получали новый импульс развития путем активизации не на всемирном, а на региональном уровнях (в рамках ШОС, ОДКБ и др.). Деятельность подразделений Интерпола, в том числе российских НЦБ, показывает, что сотрудничество правоохранительных органов стран мира обеспечивается даже в тех случаях, когда между государствами отсутствуют дипломатические отношения.

3. В целях оптимизации взаимодействия заинтересованных органов и в связи с прекращением действия Положения о НЦБ Интерпола, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 1996 г. №1190, представляется целесообразным, исходя из ч. 1 ст. 32 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», принятие Президентом Российской Федерации указа, регламентирующего статус НЦБ Интерпола как координирующего органа по выработке мер по противодействию транснациональной преступности (в том числе и наркопреступности).

4. Требуется внести изменения в нормативные акты МВД России, регламентирующие статус подразделений НЦБ Интерпола, предполагающие создание управлений НЦБ Интерпола в ГУ (МВД) субъектов Российской Федерации.

5. В связи с проведенной реформой системы правоохранительных органов Российской Федерации необходимо внести изменения в Инструкцию по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола путем корректировки данного межведомственного приказа в соответствии с действующей структурой компетентных органов.

6. Существуют сомнения в обоснованности наличия в Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола приложения 1, содержащего список стран – членов Интерпола, и приложения 2, посвященного Служебным стандартам Национальных бюро Интерпола. Основываясь на п. 2 вышеназванной инструкции, Служебные стандарты Национальных бюро Интерпола, утвержденные на 73 сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола (г. Канкун, Мексика, 5-8 октября 2004 г.), не требуют дополнительной нормативно-правовой регламентации посредством внутригосударственного акта.

7. Представляется целесообразным вынести на рассмотрение заинтересованных органов предложение по изменению ст. 19 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, расширив перечень каналов для обмена информацией между НЦБ Интерпола и взаимодействующими органами.

8. Предлагается внести ряд изменений в раздел «VII. Информационное обеспечение борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола:

– в целях расширения сферы борьбы с незаконным оборотом наркотиков первый абзац пункта 82 изложить в следующей редакции: «В целях борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, взаимодействующие органы при наличии оснований, предусмотренных ст. 82, направляют в подразделения НЦБ Интерпола запросы и сообщения для передачи их в Генеральный секретариат и НЦБ Интерпола иностранных государств»;

– для усиления превентивной деятельности в отношении наркопреступлений второй абзац пункта 82 дополнить таким основанием для направления обращений (запросов) в НЦБ Интерпола, как наличие зарегистрированного в установленном порядке проверочного материала по заявлению (сообщению) о совершенном или готовящемся преступлении или иной информации, содержащей признаки уголовно наказуемого деяния. Изложить абзац 2 пункта 82 в следующей редакции:

«Основанием для обращения в НЦБ Интерпола являются возбуждение уголовного дела по фактам незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, заведение дела оперативного учета, по которым:

а) наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества изъяты при попытке ввоза на территорию Российской Федерации;

б) изъяты на территории Российской Федерации наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества провозились транзитом через территорию Российской Федерации;

в) изъяты на территории Российской Федерации наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества были ввезены из иностранного государства;

г) наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества предназначались для вывоза с территории Российской Федерации в иностранное государство;

д) хотя бы одно из лиц, причастных к совершению преступления, является гражданином иностранного государства;

е) обнаружены незаконные производства по изготовлению или переработке наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

Основанием для обращения в НЦБ Интерпола также является наличие зарегистрированного в установленном порядке проверочного материала по заявлению (сообщению) о совершенном или готовящемся преступлении или иной информации, содержащей признаки уголовно наказуемого деяния, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ».

¹ Хохлов Е.Е. Международно-правовое регулирование отношений в сфере противодействия организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 4 (23). С.111.

² Точкой отсчета является постановление Совета министров СССР от 07.04.1990 № 338 «О вступлении в Международную организацию уголовной полиции (Интерпол)». Далее были изданы: Указ Президента Российской Федерации от 30.07.1996 № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола», постановление Правительства Российской Федерации от 14.10.1996 № 1190 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола» (утратило свое действие после принятия Федерального закона «О полиции»).

³ Подр.: Фалалеев М. От Интерпола не сбежишь // Российская газета. 2014. 26 сентября.

⁴ Подр.: Готчина Л.В. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении их // Lex russica. 2014. № 5. С. 594-606.

С.П. Евтеев,

кандидат юридических наук, доцент
Научно-исследовательский центр
ФСКН России (г. Москва)

О КОНТРОЛИРУЕМОЙ ПОСТАВКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

I. Изменения, с 2007 г. происходящие в таможенном праве, применяемом на территории Российской Федерации, свидетельствуют о масштабных преобразованиях в механизме нормативно-правового регулирования таможенных отношений. На смену «мононациональному» механизму таможенного регулирования, предполагавшему наличие всей полноты нормотворческих полномочий в таможенной сфере у компетентных федеральных органов Российской Федерации, с созданием Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (далее – ЕАЭС) пришел сложный механизм регулирования отношений в связи с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу Таможенного союза. Он предусматривает наличие сразу двух уровней регулирования: таможенного законодательства Таможенного союза в рамках ЕАЭС и формирующегося на его основе национального законодательства о таможенном деле государств – членов Таможенного союза.

При этом уникальной особенностью таможенного законодательства Таможенного союза стало наличие в нем актов наднационального регулятора, которому государства – члены Таможенного союза передали часть своих полномочий по таможенному регулированию.

Нормативно-правовой механизм регулирования таможенных отношений, сформировавшийся после создания Таможенного союза ЕАЭС, существенным образом отличается от ранее существовавшего таможенного законодательства Российской Федерации.

Принципиальное отличие состоит в том, что отныне механизм нормативно-правового регулирования таможенных отношений включает две взаимодействующие и соподчиненные подсистемы – таможенное законодательство Таможенного союза и национальные законодательства о таможенном деле государств – членов Таможенного союза.

Таможенное законодательство Таможенного союза обладает по отношению к национальному законодательству о таможенном деле приоритетной юридической силой и распространяет свое действие на всю единую таможенную территорию Таможенного союза.

В статье 3 Таможенного кодекса Таможенного союза закреплена трехуровневая структура таможенного законодательства Таможенного союза:

- на верхнем уровне – Таможенный кодекс Таможенного союза, наделенный высшей юридической силой среди всех актов таможенного законодательства;

- на втором уровне находятся международные договоры государств – членов Таможенного союза;

- на третьем – решения Евразийской экономической комиссии, регулирующие таможенные правоотношения в Таможенном союзе, принимаемые в соответствии с Таможенным кодексом и международными договорами государств – членов таможенного союза.

В системе таможенного законодательства актом, обладающим высшей юридической силой, является Таможенный кодекс Таможенного союза – приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г.¹

В связи с принятием Таможенного кодекса Таможенного союза был отменен Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г., который регулировал, в частности, правоотношения, возникающие при применении такого оперативно-розыскного мероприятия, как контролируемая поставка. Этому мероприятию посвящалась целая глава и две статьи.

В 2010 г. был принят Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»², в который вошли положения о контролируемой поставке товаров, изложенные в главе 46 и статьях 319 и 320. Однако его действие не распространяется на всю таможенную территорию Таможенного союза.

Несмотря на единство таможенной территории Таможенного союза, таможенные органы государств – членов Таможенного союза, другие субъекты оперативно-розыскной деятельности, вынуждены были ограничиться проведением контролируемой поставки как оперативно-розыскного мероприятия каждый на своей территории, а остальные проблемы борьбы с преступностью решать в процессе взаимодействия.

Правовые положения о возможности проведения контролируемой поставки как наиболее эффективного оперативно-розыскного мероприятия в борьбе с незаконным оборотом наркотиков не нашли отражения в Таможенном кодексе Таможенного союза.

Следует отметить, что Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации», другие федеральные за-

коны Российской Федерации не вправе регулировать правоотношения, которые будут возникать при осуществлении контролируемой поставки в государства, которые являются членами Таможенного союза ЕАЭС, или в другие государства.

Целесообразно инициировать в рамках Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза, внесение изменений к Решению Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. №17 о дополнении положений Таможенного кодекса Таможенного союза главой: «Контролируемая поставка предметов, средств, веществ и продукции, включенных в Единый перечень товаров³, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз и вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления».

В этой главе необходимо предусмотреть статьи, которые регулировали бы механизм проведения контролируемой поставки товаров, предметов, средств, и веществ, продукции, свободная реализация которых запрещена, либо оборот которых ограничен, ввозимых на территорию Таможенного союза в рамках ЕАЭС, перемещаемых по ней либо вывозимых с этой территории.

II. Предлагаемые изменения и дополнения в Таможенный кодекс Таможенного союза.

«О внесении изменений и дополнений в Таможенный кодекс Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества», принятого как приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17.

В статью 3 «Таможенное законодательство Таможенного союза» необходимо внести следующие дополнения и изменения:

«5. При перемещении товаров через Таможенную границу Таможенного союза или между государствами – членами Таможенного союза с использованием контролируемой поставки возникающие правоотношения регулируются:

- настоящим Кодексом;
- международными конвенциями, договорами, соглашениями, подписанными и ратифицированными государствами – членами Таможенного союза;

- решениями Евразийской экономической комиссии Таможенного союза;
- национальным законодательством государств – членов Таможенного союза в части, не урегулированной законодательством Таможенного союза, при проведении контролируемой поставки на их территории;
- международными договорами и соглашениями правоохранительных и иных компетентных органов государств – членов Таможенного союза, субъектов оперативно-розыскной деятельности».

В статью 4 «Основные термины, используемые в настоящем Кодексе» внести следующие дополнения и изменения:

«Контролируемая поставка – контролируемый органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, ввоз, вывоз, транзит через таможенную территорию Таможенного союза предметов, средств, веществ и продукции, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз и вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления».

Глава 51 «Контролируемая поставка предметов, средств, веществ и продукции, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз и вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления

Статья 374. Основания проведения контролируемой поставки предметов, средств, веществ и продукции, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз и вывоз государствами – членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления.

Статья 375. Особенности проведения контролируемой поставки предметов, средств, веществ и продукции, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз и вывоз государствами-членами Таможенного

союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза и между государствами-членами Таможенного союза».

Статья 376. «Перехват, изъятие или замена предметов, средств, веществ и продукции, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз и вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления».

¹ В соответствии с решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 48 Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза вступил в силу с 06.07.2010 с учетом временных изъятий, установленных Протоколом от 05.07.2010. В Республике Казахстан и Российской Федерации данный договор применяется с 01.07.2010.

² О таможенном регулировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³ О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 №134. Приложение №1, п.2.12 «Наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, ввоз и вывоз которых на территорию Таможенного союза допускается на основании лицензии»; п.2.13 «Ядовитые вещества, не являющиеся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, ограниченные к перемещению через таможенную границу Таможенного союза при ввозе и вывозе». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902365072>.

С.А. Чумаров

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О ПРОБЕЛАХ В НОРМАТИВНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИИ И КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ**

В силу глобализации наркобизнеса проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, являются актуальными как для России, так и для всего мирового сообщества. Как отметил директор ФСКН России В.П. Иванов, «для решения фундаментальной проблемы наркотиков необходимо сконцентрировать усилия мирового сообщества, во-первых, на ликвидации планетарных центров наркопроизводства; во-вторых, на трансформации глобальной финансово-экономической системы; в-третьих, на разработке решительных мер по организации альтернативного мирового и национального развития»¹.

Между тем для реализации этих мер особое значение приобретает оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). В многосторонних и двухсторонних международных правовых актах, заключенных Российской Федерацией с зарубежными государствами, обязательно уделяется внимание ОРД как деятельности, которая позволяет осуществлять эффективное противодействие транснациональной наркопреступности.

Однако в силу специфики международных правовых актов за их пределами остаются важнейшие аспекты нормативного регулирования ОРД, осуществляемой в рамках сотрудничества субъектов ОРД России и компетентных органов иностранных государств. Одни из этих аспектов, используя образное выражение Н.С. Железняк, можно обозначить как «белые пятна», то есть пробелы в нормативном правовом регулировании, обуславливающие различные подходы к конкретной норме, другие являются «черными дырами», так как представляют собой недостатки, существенно влияющие на практику деятельности оперативных подразделений.²

Так, в Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (заключено в г. Минске 30 ноября 2000 г.) предусматривается взаимное содействие в проведении оперативно-розыскных и других мероприятий (ст. 4). Между тем сравнительный анализ законода-

тельства об ОРД отдельных государств, для которых этот международный нормативный правовой акт вступил в силу, позволяет обнаружить множество «белых пятен» и «черных дыр». Например, в профильных источниках России, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан предусматривается такое значимое в борьбе с незаконным оборотом наркотиков оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ), как проверочная закупка. В то же время в профильном законе Республики Казахстан речь идет уже о контрольных закупках (ст. 11). Такое ОРМ, как оперативный эксперимент, содержится в профильных источниках Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и не предусмотрено в законодательстве Республики Казахстан. Вместе с тем в соответствии с профильным законом Республики Беларусь проводится такое ОРМ, как слуховой контроль (п. 9 ч. 1 ст. 11), законодатель Кыргызской Республики относит к ОРМ создание конспиративных предприятий и организаций (п. 12 ч. 1 ст. 7), а также оперативную установку (п. 16 ч. 1 ст. 7). Оперативные подразделения компетентных органов Республики Таджикистан осуществляют цензуру корреспонденции осужденных и образуют юридические лица (ч. 1 ст. 6). В Республике Казахстан к ОРМ относятся установление гласных и негласных отношений с гражданами, применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность, применение служебно-розыскных собак и т.д. (ч. 2 ст. 11).³ Указанные действия либо вообще не имеют аналогов в оперативно-розыском законодательстве стран Содружества, либо не относятся к ОРМ. Поэтому закономерно возникает вопрос о допустимых границах взаимного содействия в проведении оперативно-розыскных и других мероприятий, тем более что в большинстве государств Содружества перечень ОРМ является исчерпывающим и может быть изменен или дополнен только законом. Представляется, что отмеченные аспекты следует отнести к «черным дырам» нормативного правового регулирования сотрудничества субъектов ОРД России и компетентных органов иностранных государств.

В Соглашении между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (заключено в г. Ташкенте 17 июня 2004г.) предусматривается взаимодействие при проведении мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров, в том числе при проведении контро-

лируемых поставок (п. «в» ч. 1 ст. 4). К «белому пятну» при этом относятся различные подходы к пониманию контролируемой поставки, отраженные в международных источниках и нормативных правовых актах государств-членов ШОС. Так в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» сформулировано понятие контролируемой поставки применительно к борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ст. 49). В оперативно-розыскном законе Кыргызской Республики речь идет о контролируемой (проверочной) поставке (ст. 2), а в профильном акте Республики Казахстан предусматривается осуществление оперативного контроля поставок (ч. 2 ст. 11). В двухстороннем Соглашении между Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и со злоупотреблением ими (заключено в г. Душанбе 3 декабря 2009 г.) контролируемые поставки наркотиков рассматриваются как метод, применяемый в целях выявления и уголовного преследования лиц, участвующих в их незаконном обороте (ст. 9). Представляется, что избежать превращения этого «белого пятна» в «черную дыру» возможно посредством разработки и внедрения в национальное законодательство государств-членов ШОС единого понятийного аппарата и общих правил подготовки и проведения международных и транзитных контролируемых поставок наркотиков.

Кроме ОРМ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков субъектами ОРД России и компетентных органов иностранных государств применяются иные оперативно значимые действия, которые порой вообще не регламентируются в профильных актах. Следует обратить внимание на такие распространенные в повседневной деятельности сотрудников оперативных подразделений принудительные процедуры, как задержание, доставление и досмотр, имеющие важное значение в борьбе с международным наркотрафиком. Из-за наличия существенных пробелов в российском законодательстве проведение этих принудительных процедур, когда имеются достаточные основания полагать, что физическое лицо осуществляет незаконные хранение и перевозку наркотиков, является одной из актуальных проблем деятельности оперативных подразделений.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить множество правовых режимов задержания, доставления и досмотров, различных по субъектам, основаниям, условиям, порядку, пределам и иным аспектам применения этих принудительных процедур. Любому сотруднику правоохранительных органов известны

правовые режимы уголовно-процессуального задержания (ст. 91, 92 УПК РФ), административного задержания (ст. 27.3 – 27.7 КоАП РФ), задержания, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом «О полиции» (ст. 14). Также существует правовой режим временного задержания, предусмотренный международными нормативными правовыми актами, принятыми в сфере борьбы с преступностью. В Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении» закрепляется порядок задержания граждан, нарушивших правила комендантского часа (ст. 31). Кроме этого задержание может входить в качестве составного элемента в структуру иных принудительных процедур, которые применяются сотрудниками правоохранительных органов.

Термин «доставление» используется в юридических конструкциях норм УПК РФ, регламентирующих порядок задержания подозреваемого (ст. 92) и привода (ст.ст. 111, 113). В ситуациях, когда доставление находится вне уголовно-процессуального поля, «оперативные сотрудники пытаются решить это противоречие путем применения норм законодательства об административных правонарушениях, в частности, путем применения таких мер обеспечения по делу об административном правонарушении, предусмотренных ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ, как доставление и административное задержание»⁴. С другой стороны, при доставлении лиц, которые представляют оперативный интерес, сотрудники оперативных подразделений могут руководствоваться Федеральным законом «О полиции» (п. 14, 15 ч. 1 ст. 13). Однако этот источник не обладает универсальным характером и не предоставляет соответствующие государственно-властные полномочия всем органам, осуществляющим ОРД. Так, перечень предоставленных сотрудникам органов наркоконтроля полномочий, связанных с возможностью доставления, значительно уже, чем соответствующий перечень полномочий сотрудников органов внутренних дел.

Аналогичным образом осуществляется нормативное правовое регулирование досмотра. В современном российском законодательстве действуют множество нормативных правовых актов, в которых используется термин «досмотр» как совокупность мероприятий, проводимых в отношении физического лица. В рамках отраслевого регулирования фактически сформировались различные правовые режимы досмотров: личный досмотр лица, совершившего административное правонарушение; личный таможенный досмотр; предполетный и послеполетный досмотры членов экипажа и пассажиров; досмотр граждан и т.д.

Существование подобной «черной дыры» оказывает негативное влияние на сотрудничество субъектов ОРД России и компетентных органов иностранных государств. В условиях постоянно изменяющейся оперативной обстановки разнообразие режимов задержания, доставления и досмотров размывает правовые ориентиры сотрудников оперативных подразделений и существенно затрудняет принятие законных и обоснованных решений в отношении граждан России и иностранных граждан. Кроме того, поскольку ни одна из нормативных конструкций соответствующих принудительных процедур не находится в сфере законодательного регулирования ОРД, сотрудники оперативных подразделений в соответствии с внутренними убеждениями вынуждены самостоятельно формировать шаблоны применения задержания, доставления и досмотра, обосновывая свои действия практическими потребностями, возникшими в конкретной оперативно-розыскной ситуации.⁵

Таким образом, пробел в нормативном правовом регулировании задержания при осуществлении ОРД относится к недостаткам, существенно влияющим на широкий спектр оперативно-розыскных отношений. При этом даже определенная латентность этой проблемы не позволяет скрыть длящийся правовой конфликт, сторонами которого являются сотрудники оперативных подразделений и граждане, в отношении которых повсеместно применяются соответствующие принудительные процедуры. Нормативное правовое регулирование этих принудительных процедур не учитывает специфики ОРД и поэтому не может применяться для разрешения конфликтных ситуаций. В то же время следует признать, что в ОРД фактически существуют специальные правовые режимы задержания, доставления и досмотра, которые априори должны регулироваться нормами оперативно-розыскного законодательства. Также представляется, что государствам-участникам международного сотрудничества следует разработать единые стандарты применения соответствующих принудительных процедур в отношении физических лиц, когда у субъектов ОРД есть основания полагать, что они незаконно перевозят и хранят наркотики.

¹ Иванов В.П. Выступление на Международной конференции глав МИД и компетентных органов, Лима (Перу), 25 июня 2012 г. // Сайт ФСКН России. URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2012/0625/114519425/detail.shtml

² Железняк Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. С. 5.

³ Железняк Н.С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в зарубежных странах : научно-практический комментарий. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. С. 65-81.

⁴ Гусев В.А. Права и свободы человека и гражданина, подлежащие соблюдению в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2011. № 3. С. 20.

⁵ См., напр.: Чумаров С.А. Задержание, доставление, досмотр при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: постановка проблемы // Оперативно-разыскное право : сб. науч. ст. / отв. ред. Н.В. Павличенко. Волгоград : ВА МВД России, 2014; Чумаров С.А. Правовая природа досмотра при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (постановка проблемы) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1 (14); Чумаров С.А. О правовом режиме задержания при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4 (17).

Д.П. Черипко

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г.Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБРАЩЕНИЯ В ПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ
ЧАСТИ ИЗЪЯТОГО ИМИ ИМУЩЕСТВА И ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ
ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, НА ОСНОВАНИИ РЕШЕНИЯ СУДА**

Эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков невозможно без подрыва экономических основ наркобизнеса. В своем выступлении на Всероссийской научно-практической конференции «К 10-летию создания ФСКН России. Новое законодательство и вопросы правоприменительной практики в борьбе с наркопреступностью», директор ФСКН России В.П. Иванов отметил «Важным направлением является подрыв экономических основ наркобизнеса. Самое страшное для наркоторговцев – это даже не сесть в тюрьму, а лишиться имущества, нажитого незаконным путем. Мировой опыт показывает, что меры по полной конфискации имущества наркопреступников являются наиболее чувствительными и эффективными в борьбе с наркомафией».

Применение конфискации по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков основывается на нормах международного права и призвано служить средством противодействия наркоэкспансии, прежде всего ее финансовому обеспечению, т.к. является

юридическим основанием принудительного изъятия и безвозмездного обращения в собственность государства имущества, незаконно полученного в результате совершения наркопреступлений, а также имущества, принадлежащего виновному. Определяя перечень преступлений, результатом совершения которых может быть приобретение имущества, подлежащего конфискации, законодатель ориентировался на общественную опасность, тяжесть преступления и его характер. Поэтому в этот перечень включены преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Научный анализ действующего законодательства, а также изучение практики деятельности правоохранительных органов отражает, что в правовом регулировании конфискации имеются существенные недостатки, негативно влияющие на применение этой меры в отношении наркопреступников.

В настоящее время конфискация выступает одним из оснований прекращения права собственности посредством принудительного изъятия государством имущества, принадлежащего лицу, совершившему преступление или иное правонарушение (пп.6 п. 2 ст. 235, п. 1 ст. 243 ГК РФ). По своей юридической природе конфискация является особой мерой гражданско-правовой ответственности и имеет следующие отличительные признаки:

- 1) представляет собой безвозмездное изъятие;
- 2) применяется в виде санкции за совершенное преступление;
- 3) осуществляется по общему правилу в судебном порядке;
- 4) носит не временный, а постоянный характер;
- 5) служит одним из оснований прекращения права собственности лица на конфискованное имущество.
- 6) применяется только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» в действующий УК РФ введены нормы о конфискации имущества. При этом вопреки распространенному мнению, конфискация имущества не входит в перечень видов наказания за преступления (ст. 44 УК РФ). Поэтому, рассматривая эту меру в контексте уголовно-правовых отношений, необходимо учитывать, что конфискация:

- 1) не является самостоятельным видом реализации уголовной ответственности;

2) не является альтернативной наказанию мерой, а всегда сочетается с наказанием;

3) может сочетаться как с основным видом наказания, так и с совокупной мерой, т.е. с основным и дополнительными видами наказаний;

4) может назначаться также при применении условного осуждения и отсрочке отбывания наказания;

5) может выступать в качестве меры уголовно-правового характера, ограничивающей имущественные права осужденного или третьих лиц (только в той части, которая касается конфискации находящегося в законном владении имущества);

6) конфискация назначается в целях предупреждения использования имущества для совершения новых преступлений.

Конфискация имущества наркопреступников состоит в принудительном безвозмездном обращении в собственность государства на основании обвинительного приговора суда:

а) денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения преступлений;

б) доходов от этого имущества;

в) денег, ценностей и иного имущества, в которые были частично или полностью превращены или преобразованы преступные доходы и имущество, полученные в результате совершения преступления;

г) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования организованной группы и (или) преступного сообщества (преступной организации);

д) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

В соответствии с действующим законодательством, государственной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации – республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам (ст. 214 ГК РФ).

Согласно постановлению Правительства РФ и от 29 мая 2003 г. № 311 «О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства» конфискованное имущество передается Российскому фонду федерального имущества. При этом учет, оценку, реализацию, переработку (утилизацию) и уничтожение конфискованного имущества, обращенного в собст-

венность государства осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти», постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 «О федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»). Функции Федерального агентства по управлению государственным имуществом не распространяются на имущество, обладающее особым правовым статусом, а именно:

а) имущество, изъятого из оборота, которое передается уполномоченным федеральным органам исполнительной власти или организациям. В отношении наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров соответствующий порядок регламентирован постановлением Правительства РФ от 18 июня 1999 г. № 647 «О порядке дальнейшего использования или уничтожения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов и оборудования, которые были конфискованы или изъяты из незаконного оборота либо дальнейшее использование которых было признано нецелесообразным».

б) движимое имущество, представляющее культурную ценность, включая движимое имущество религиозного назначения, которое передается Министерству культуры Российской Федерации;

в) государственные ценные бумаги, выпущенные от имени Российской Федерации, драгоценные металлы и драгоценные камни, которые передаются Министерству финансов Российской Федерации;

г) недвижимое имущество, включая земельные участки, акции, доли в уставных (складочных) капиталах коммерческих организаций, которые передаются в установленном порядке Федеральному агентству по управлению федеральным имуществом (его территориальному органу);

д) денежные средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах Российской Федерации, иностранных государств и международных денежных единицах, денежных знаков в виде банкнот и монет Банка России, находящихся в обращении и являющихся законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации, средств от продажи денежных знаков в виде банкнот, казначейских билетов, монет, находящихся в обращении и являющихся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемых либо изъятых из обращения, но подлежащих обмену указанных денежных

знаков, которые зачисляются в валюте Российской Федерации на счета, открытые соответствующим территориальным органам Федерального казначейства, предназначенные для учета поступлений и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации.

Таким образом, в числе адресатов, которые являются получателями имущества, конфискованного у наркопреступников, ФСКН России не предусмотрена. Исключение составляют случаи, когда для дальнейшего использования в оперативно-служебной деятельности органам наркоконтроля могут быть переданы изъятые из оборота наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, а также инструменты, оборудование и др.

Между тем обращение в пользование органов наркоконтроля части изъятого имущества и доходов, полученных преступным путем, позволило бы более эффективно решать весь спектр задач, стоящих перед ФСКН России.

Предположительно изъятое у наркопреступников имущество и доходы могли бы использоваться, например, при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, при осуществлении программы защиты свидетелей, в учебном процессе образовательных организаций системы ФСКН России и т.д.

На наш взгляд, целесообразно внести изменения в действующие законодательство Российской Федерации в части, касающейся передачи Федеральным агентством по управлению государственным имуществом в пользование органов наркоконтроля изъятого ими в процессе конфискации имущества, полученного преступным путем.

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

С.А. Пунтус,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

МЕЖДУНАРОДНОЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЕ ПРАВО КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ: К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Несмотря на то, что международно-правовой механизм противодействия незаконному обороту наркотиков насчитывает уже 100-летнюю историю, а его правовые основы представлены в виде внушительного массива международных актов универсального и регионального уровней,¹ вопрос о существовании самостоятельной отрасли международного права – международного антинаркотического права – в отечественной юриспруденции является дискуссионным. Большинство современных ученых-международников придерживаются такого подхода к структуре международного права, при котором вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков относятся к международному уголовному праву наряду с регулированием международного сотрудничества по борьбе и с иными видами преступлений (контрабанда, пиратство и др.). Таким образом, выявление категории «международное антинаркотическое право» приводит к научному спору о признании его либо подотраслью международного уголовного права, либо самостоятельной отраслью международного публичного права.

В настоящее время мировое сообщество выработало значительное количество документов, связанных как с легальным оборотом наркотиков, так и борьбой с наркопреступностью. Часть международных документов посвящены исключительно указанной сфере, а некоторые из них регламентируют рассматриваемую сферу частично, что позволяет уверенно говорить о признании существования международного антинаркотического права как самостоятельной отрасли международного публичного права, носящей комплексный характер. Для обоснования такой позиции требуется доказать наличие основных критериев, необходимых для выделения самостоятельной отрасли международного публичного права.

1. Наличие собственного (специфичного) предмета правового регулирования у международного антинаркотического права. Предметом регулирования выступают общественные отношения, связанные с международным механизмом контроля за легальным и борьбой (противодействием) с незаконным оборотом наркотиков.

2. Невозможность признания международного антинаркотического права подотраслью международного уголовного права.

Анализируя весь массив международного антинаркотического права, можно прийти к выводу, что незаконный оборот наркотиков это не только лишь один из видов разноликой транснациональной организованной преступности. Современный этап борьбы с наркоугрозой, в первую очередь, регулируется национальным уголовным правом и международным уголовным правом как отраслью международного права, включающего совокупность норм в области международной борьбы с преступностью. Однако с большой долей уверенности можно говорить о включении в международное антинаркотическое право и норм права международной безопасности, и норм международного договорного права, и норм иных отраслей международного права. Подобных позиций придерживаются многие исследователи и практики. Можно сказать, что если в существовавшей политико-правовой традиции борьба с криминальным наркотрафиком лежала в области «полицейской» безопасности, то в настоящее время она перетекли к безопасности «военной», «мировой» и т.п.²

3. Наличие у международного антинаркотического права собственных источников правового регулирования.

Не вдаваясь в подробную характеристику источниковой базы международного антинаркотического права, отметим, что состояние данного вопроса во многом обусловлено основами, заложенными Нью-Йоркской конференцией, проходившей с 24 января по 25 марта 1961 г., на которой была принята Единая конвенция о наркотических средствах. В последующем были приняты еще 2 документа, определивших дальнейшее развитие антинаркотической составляющей как международного права, так и национального законодательства большинства современных государств, – Конвенция о психотропных веществах 1971 г. и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Данные документы можно признать «конституционными основами» международного антинаркотического права. На их базе приняты десятки документов, развивающих положения рассматриваемой отрасли международного публичного права.

4. Наличие специальных принципов международного антинаркотического права.

Учитывая относительную молодость отрасли, ее специальные принципы не являются ярко выраженными и признанными в мировом сообществе. Но, исходя из положений вышеназванных конвенциональных основ, можно выделить ряд принципов, которые требуют дальнейшего научного осмысления. К таковым относятся: признание искоренения незаконного оборота наркотиков коллективной обязанностью всех государств, признание компетенции ООН в области контроля над наркотическими средствами и психотропными веществами и т.д.

5. Практическая потребность субъектов международных отношений в наличии норм международного антинаркотического права. «...Выделение новой отрасли в рамках международного публичного права не произойдет, если будет отсутствовать заинтересованность международного сообщества в ее становлении и развитии ... Этот критерий напрямую связан с целым рядом внешних ... условий экономического, политического и социального характера и определяется темпами развития международного сотрудничества. Он выступает также в качестве своеобразного катализатора процесса постепенного перерастания правовой подотрасли или института в обособленную отраслевую единицу системы права...»³.

Противодействие наркоугрозе на наднациональном уровне уже невозможно без сложившейся правовой базы международного антинаркотического права, поэтому выделение системы рассматриваемой отрасли имеет не столько научное, сколько прикладное значение. Учет особенностей всей системы международного антинаркотического права может помочь национальному законодателю в процессе гармонизации и унификации норм внутригосударственного права в соответствии с многочисленными и разнородными международно-правовыми актами в сфере контроля за легальным и противодействия незаконному обороту наркотиков.

Следует заметить, что международное антинаркотическое право обладает и иными признаками, характеризующими его как самостоятельную отрасль международного публичного права: системность; наличие элементов кодификации; соответствие базовым принципам международного права; конкретизация норм отрасли права применительно к определенной области межгосударственных отношений; и др.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Международное антинаркотическое право – самостоятельная отрасль международного публичного права, представляющая собой систему общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регулирующих общественные отношения, возникающие между субъектами международного права в сфере контроля за легальным и противодействием незаконному обороту наркотиков.

2. Современное международное антинаркотическое право невозможно представить без огромного массива наднациональных актов различного уровня, развивающего положения базовых антинаркотических конвенций. Международное антинаркотическое право продолжает динамично развиваться и оптимизироваться, наряду с национальным антинаркотическим законодательством, в целях эффективного противодействия наркоугрозе в условиях глобализации и развития транснациональной организованной преступности.

3. В целях повышения качества подготовки кадров для правоохранительных органов, осуществляющих противодействие наркоугрозе на международном и национальных уровнях (МВД России, ФСКН России и др.), целесообразно включить в образовательные программы высшего и дополнительного профессионального образования изучение учебной дисциплины (спецкурса, модуля) «Международное антинаркотическое право».

¹ О вопросах развития международно-правового механизма со второй половины XIX в. – начала XX в. (Шанхайская опиумная комиссия 1909 г.), включая генезис его современных институциональных и договорных форм, см. подр., напр.: Пунтус С.А., Рахматуллин Г.Г. История международных документов в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ // Основные тенденции развития российского законодательства. 2013. № 8. С. 85-87; Пунтус С.А., Шитова Т.В. Правовая основа деятельности правоохранительных органов Содружества Независимых государств по противодействию незаконному обороту наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3. С. 62-71; Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. // Наркоконтроль. 2008. № 4. С. 38-40.

² См., напр.: Аленкин С.В., Варфоломеев А.А., Зубков А.Ю. К вопросу о международно-правовой квалификации Советом Безопасности ООН наркопроизводства в Афганистане как угрозы международному миру и безопасности // Наркоконтроль. 2012. № 2. С. 27-32.

³ Гаврилов В.В. Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности : тезисы докладов на межвузовской конференции молодых ученых-юристов. Владивосток, 1988. С. 18.

Н.А. Рябинин,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ (АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Противодействие наркоугрозе в целом и административным правонарушениям в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ их аналогов и прекурсоров (далее – административные правонарушения в сфере оборота наркотиков) в частности является необходимым условием формирования единого экономического пространства на территории государств-членов Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Государства-члены ОДКБ вынуждены координировать свои усилия в сфере противодействия наркоугрозе. Так, 23 декабря 2014 г. в Москве на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ была принята Антинаркотическая стратегия ОДКБ на 2015-2020 гг.¹

Сравнительный анализ законодательства об административных правонарушениях в сфере оборота наркотиков государств-членов ОДКБ позволяет констатировать, что во всех государствах закреплена уголовная и административная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, ответственность за управление транспортным средством в состоянии наркотического опьянения, а также предусмотрена ответственность (в том числе уголовная) за незаконное культивирование наркосодержащих растений.

При этом объем правового регулирования административных правонарушений в сфере оборота наркотиков в анализируемых актах существенно различается. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) наиболее детально регламентирует вопросы административной ответственности за правонарушения в сфере оборота наркотиков, предусматривая 13 статей, Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях (КоАП РА) – 4 статьи, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП РБ) – 2 статьи, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (КоАП РК) – 6 статей, Кодекс Кыргызской республики об административной ответственности (КоАО КР) – 5 статей, Кодекс

Республики Таджикистан об административных правонарушениях (КоАП РТ) – 6 статей.

Особую озабоченность вызывает отсутствие в административном законодательстве республик Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан норм об ответственности за потребление наркотиков, при этом в Белоруссии и Кыргызской Республике предусмотрена административная за потребление наркотиков в общественном месте, а в Армении за данное деяние предусмотрена уголовная ответственность. Учитывая, что отсутствие в государствах ответственности наркопотребителей прямо пропорционально отражается на распространении правонарушений в сфере оборота наркотиков и не позволяет увидеть истинное число наркопотребителей, в качестве одного из основных предложений по сближению и унификации законодательства государств-членов ОДКБ следует предложить введение института административной ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Следует отметить позитивную тенденцию в развитии административного законодательства Казахстана, в котором, как и в действующем российском законодательстве, появилась норма, предусматривающая административную ответственность за уклонение наркозависимых от обследования и (или) лечения. Кроме того, в КоАП Республики Казахстан ввели уникальную норму, предусматривающую ответственность лица, потребившего наркотики, за уклонение от прохождения медицинского освидетельствования (ч. 2 ст. 429 КоАП РК). Полагаем, что государства-члены ОДКБ непременно должны использовать правотворческий и правоприменительный опыт Республики Казахстан по данной статье.

Следующее предложение по унификации законодательства государств-членов ОДКБ связано с недавно внесенными изменениями в административное законодательство России, касающимися ответственности за оборот, потребление и пропаганду новых потенциально опасных психоактивных веществ.² Учитывая распространенность новых потенциально опасных психоактивных веществ, полагаем необходимым введение во всех государствах-членах ОДКБ института ответственности за оборот и потребление данных веществ, а также административной ответственности за уклонение от прохождения медицинского освидетельствования лица, употребившего новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Также всем государствам-членам ОДКБ (за исключением России) следует обратить внимание на необходимость ужесточения

мер административной ответственности, применяемых за совершение правонарушений в сфере оборота наркотиков, сделав административный арест основным видом наказания за совершение данных административных правонарушений.

Помимо вышеуказанных предложений в целях унификации административного законодательства в сфере оборота наркотиков необходимо сделать следующее.

Во-первых, в КоАП Республики Таджикистан ввести институт ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Во-вторых, существенно доработать законодательство об административных правонарушениях Республики Беларусь, в частности ввести административную ответственность за следующие правонарушения:

1) незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и прекурсоров и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества и их прекурсоры. На сегодняшний день за данное правонарушение предусмотрена уголовная ответственность, что, на наш взгляд, не соответствует принципу справедливости, соразмерности юридической ответственности и не позволяет отграничить лиц, хранящих наркотические вещества для личного потребления, от правонарушителей, преследующих иные цели (вовлечение, распространение, изготовление и т.п.). Аналогичные изменения следует внести в КоАП Республики Казахстан;

2) пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров;

3) нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

4) непринятие мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

В-третьих, законодательство об административных правонарушениях Кыргызской Республики следует дополнить нормами, предусматривающими административную ответственность за:

1) культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры;

2) пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

В-четвертых, в законодательство об административных правонарушениях Республики Армения стоит ввести нормы, предусматривающие ответственность за:

1) пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров;

2) нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

3) непринятие мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

В целом следует констатировать что в России и Казахстане развитие законодательства в сфере противодействия административным правонарушениям, связанными с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, существенно опережает законодательство других государств-членов ОДКБ, что, в свою очередь, может негативно отразиться на наркоситуации в государствах-членах ОДКБ в целом и требует скорейшего законодательного реагирования.

¹ См.: Информационный бюллетень Секретариата ОДКБ от 25.12.2014.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ.

А.В. Лялюк,

кандидат педагогических наук
Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

На совещании председателей Верховных судов субъектов России в Москве (18 февраля 2015 г.) директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ В.П. Иванов предложил криминализовать легализацию доходов от наркоторговли и ввести гражданско-правовую конфискацию имущества организаторов наркобизнеса.

В гражданско-правовом смысле конфискация – это способ прекращения права собственности частного лица и возникновения

права государственной собственности. Статья 169 ГК РФ определяет санкцию за нарушение общественного интереса как меру публично-правовой ответственности за виновные противоправные деяния, повлекшие причинение существенного вреда государству и обществу.

Возмещение вреда как форма гражданско-правовой ответственности причинителя вреда является одним из видов юридической ответственности и определяется как санкция за противоправное поведение (деликт), как последствие, предусмотренное нормой права в случае ее несоблюдения. К возмещению вреда применяются общие основания привлечения к гражданско-правовой ответственности. Основанием привлечения к гражданско-правовой ответственности является состав гражданского правонарушения как совокупность следующих условий: 1) наличие вреда у потерпевшего; 2) противоправность действий (бездействия) причинителя вреда; 3) причинная связь между противоправными действиями (бездействием) и вредом и, как правило, 4) вина причинителя вреда. Наличие четырех перечисленных условий ответственности по деликтным обязательствам образует полный состав правонарушения. А условиями, при наличии которых в уголовном судопроизводстве возможно применение гражданско-правовых средств в доказывании противоправности владения имуществом, являются: а) имущество, полученное в результате преступления, обвиняемым использовано по своему усмотрению; б) имущество, полученное в результате совершения преступления, не является доказательством по уголовному делу; в) при постановлении приговора судом не рассматривался вопрос о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления; г) уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям, и вопрос о конфискации имущества не рассматривался. При этом наличие двух последних условий является основаниями для рассмотрения вопроса о конфискации имущества гражданскими судами.

В международной правоприменительной практике институт конфискации, в том числе в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, используется достаточно широко и является существенным фактором снижения уровня организованной преступности.

Выделяются две группы оснований конфискации:

– материально-правовые (уголовно-правовые, дополняемые во многих странах гражданско-правовыми), при которых конфискация является мерой уголовного наказания или иной мерой уголовно-правового характера;

– процессуально-правовые, лежащие в основе конфискации предметов и документов (вещественных доказательств), регулируемые нормами уголовно-процессуального законодательства.

К концу XX века уголовная политика большинства государств начала дополняться новой задачей – лишение организованной преступности экономической основы деятельности, а объекты конфискации (предмет и орудия преступления) расширились доходами, полученными преступным путем. Этому послужило принятием международных договоров: Конвенция ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации преступных доходов 1990 г., Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и пересмотренная Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации преступных доходов и финансировании терроризма 2005 г. В настоящее время в международном праве сформировался самостоятельный набор правовых норм, регламентирующих конфискацию имущества, полученного преступным путем.

Между методами и подходами различных правовых систем к конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем, имеются существенные различия. Одни предпочитают использовать так называемую имущественную систему, другие – стоимостную, третьи – сочетание двух этих систем. Имущественная система предусматривает конфискацию имущества, которое рассматривается как орудия преступления и (или) как полученное преступным путем. Стоимостная система предполагает определение стоимости доходов и средств совершения преступления и конфискацию эквивалента такой стоимости. При использовании смешанной системы конфискуется имущество, полученное преступным путем, и орудий преступления с одновременным определением стоимости доходов от преступной деятельности (использованных, уничтоженных или скрытых преступником) и конфискацией эквивалента такой стоимости.

В некоторых странах допускается конфискация без осуждения, если обвиняемый скрывается в течение определенного периода времени и в порядке гражданского судопроизводства получены доказательства того, что имущество представляет собой доходы от преступной деятельности или орудия (средства) преступления. В ряде стран законодательством предусмотрено дискреционное право

передачи бремени доказывания. При этом на самого подозреваемого переносится бремя доказывания того, что деньги и имущество, подлежащие конфискации, имеют законное происхождение. Такая конфискация в гражданском порядке не требует осуждения и может применяться к собственности третьих лиц, например родственников или соучастников совершённых преступлений.

Конфискация вне уголовного производства позволяет вернуть активы в тех ситуациях, когда невозможно применить конфискацию в уголовном порядке. Например, когда преступник скрывается от правосудия, умер до возбуждения дела или до вынесения приговора, имеет правовой иммунитет, наделен такой властью, что уголовное расследование и преследование невозможны, не хватает доказательств для уголовного преследования. Подобные нормы права, предусматривающие возможность конфискации имущества умершего или скрывшегося лица, которое совершило преступление, существуют в праве Великобритании, США и других стран.

Так, в Великобритании согласно п. 19 Закона 1994 г. о борьбе против незаконного оборота наркотиков (Drug Trafficking Act 1994) по инициативе обвинителя приказ о конфискации может быть исполнен в отношении умершего лица. Суд может выпустить судебный приказ о конфискации после смерти осужденного за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

В США предусмотрены несколько видов конфискации имущества: внесудебная (упрощенная и административная) и судебная (в уголовном порядке в отношении лица и в гражданском порядке в отношении имущества). В порядке гражданского судопроизводства конфискация применяется не только в отношении умершего лица, совершившего преступление, но и в отношении обвиняемого, скрывшегося от правосудия, а также в случае, если обвиняемый оправдан. Гражданско-правовая конфискация имущества может быть применена и к имуществу, находящемуся в собственности других лиц, в таком случае необходимо установить связь этого имущества с действиями обвиняемого.

Российским законодательством не предусмотрена возможность применения конфискации, когда подозреваемый или обвиняемый умер или скрылся от правосудия, что снижает эффективность борьбы с извлечением и использованием преступных доходов.

Институт гражданской конфискации известен также правоприменительной практике Италии, Германии, Японии, Франции, Канады и др. В частности, законодательством Италии предусмотрена процедура гражданской конфискации превентивного характе-

ра: суд вправе выносить приказ об аресте активов, принадлежащих какому-либо лицу, если уклад жизни этого лица не соответствует уровню его декларируемых доходов. В этом случае требуется, чтобы лицо объяснило характер и источник доходов (активов). Если лицо может объяснить и доказать законность владения этими активами, тогда они сохраняются за ним. Если лицо не может доказать законности приобретения активов, суд может их конфисковать.¹

Конфискация по законодательству Японии может быть назначена не только в качестве дополнительного наказания за совершение преступлений, но и в случае нарушений норм гражданско-правового характера.

Среди отечественных юристов (ученых и практиков) нет единства по вопросу непротиворечивости использования гражданских правоотношений в уголовном судопроизводстве при реализации института конфискации: противоречивое отношение к постепенно формирующейся практике; нетрадиционность положения для гражданского и уголовного судопроизводств; нормы гражданского права недостаточно адаптированы к применению в уголовном судопроизводстве для гражданского и уголовного судопроизводств; сами нормы гражданского права имеют внутреннюю противоречивость. Концептуальная основа возможности использования гражданско-правовых отношений в уголовном судопроизводстве находится в плоскости разрешения вопроса о признании преступных действий как гражданской сделки особого вида.²

Вместе с тем, основываясь на международном опыте и российской практике гражданско-правовой конфискации средств террористических и экстремистских группировок, мы можем наблюдать позитивную тенденцию сближения отдельных институтов различных отраслей права.

¹ Устинов А. В. Конфискация имущества и нормы международного права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 2.

² Никулочкин Е.О. Обстоятельства, подтверждающие наличие подлежащих конфискации денежных средств и имущества: уголовно-процессуальная природа, особенности доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

А.В. Попков

Методико-аналитическое управление
Следственного департамента ФСКН
России (г. Москва)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ ДЕНАРКОТИЗАЦИИ
И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Наркоторговля к настоящему времени превратилась в острейшую международную проблему, подрывающую основы как национальной, так и международной безопасности.

ФСКН России, а также представителями других правоохранительных органов неоднократно отмечался и озвучивался факт прямой зависимости числа правонарушений и преступлений общеуголовной направленности от количества наркозависимых лиц. Значительная часть корыстных преступлений (кражи, грабежи) совершаются в целях получения денежных средств для приобретения наркотиков либо в состоянии наркотического опьянения, под воздействием психотропных или сильнодействующих веществ.

По экспертным оценкам, среди нас живут более 8 млн. наркопотребителей, именно они обеспечивают до 80% всей уличной преступности в стране и одновременно образуют как рынок спроса, так и инфраструктуру сбыта наркотиков.¹ Помимо этого только за последние 5 лет общее количество осужденных по всем статьям УК РФ, которые совершили преступление в состоянии наркотического опьянения либо под воздействием сильнодействующих и психотропных веществ, составило 31,5 тыс. человек (2009 г. – 6 403; 2010 г. – 6 143; 2011 г. – 6 520; 2012 г. – 6 889; 2013 г. – 5 493).²

Эффективность противодействия незаконному обороту наркотиков зависит от многих факторов, в том числе от сокращения спроса на наркотические средства и психотропные вещества, что подтверждается положениями Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690.

25 мая 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 313-ФЗ), разработанный ФСКН России совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами. Закон направлен на дальнейшее формирование института мотивации к отказу от употребле-

ния наркотиков, он наделил суд в рамках уголовного судопроизводства правом возложения на наркозависимых осужденных обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В этих целях в УК РФ введена ст. 72.1 «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией».

Следует отметить, что данная норма касается только тех осужденных, которым судом назначено основное наказание в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, то есть не связанные с реальным лишением свободы.

Федеральным законом № 313-ФЗ также предусмотрено, что при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах на лицо, признанное больным наркоманией либо потребляющее наркотики без назначения врача, суд может возложить обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, а также медицинскую или социальную реабилитацию в связи с наркопотреблением – ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ.

Также КоАП РФ дополнен ст. 6.9.1, которая устанавливает административную ответственность за уклонение от прохождения лечения от наркомании или медицинской либо социальной реабилитации лицом, освобожденным от административной ответственности за потребление наркотиков в соответствии с примечанием к ст. 6.9 КоАП РФ, либо уклонение от прохождения лечения и реабилитации лицом, на которое судом возложена такая обязанность. Наказание за данное административное правонарушения – наложение административного штрафа в размере от 4 тыс. до 5 тыс. рублей или административный арест на срок до 30 суток.

Следить за тем, как наркозависимые исполняют возложенную на них в рамках КоАП РФ обязанность пройти лечение или реабилитацию, предписано органам, должностными лицами которых составляются протоколы об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ. На сегодняшний день такими полномочиями наделены должностные лица органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 28.3 КоАП РФ).

Соответствующие Правила контроля за исполнением лицом возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические меро-

приятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача утверждены постановлением Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484 и заключаются в следующем.

Медицинская организация или учреждение социальной реабилитации (далее – организация) в 3-дневный срок направляют в территориальный орган ФСКН России полученную из суда копию постановления с отметкой о начале исполнения лицом обязанности. На ее основании должностные лица органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ ставят на учет наркозависимых граждан, направленных на лечение или реабилитацию.

Территориальный орган ФСКН России по месту жительства наркозависимого проверяет, как тот исполняет возложенную на него обязанность. Для этого периодически в медицинской организации или учреждении социальной реабилитации запрашивается соответствующая информация.

Организация обязана своевременно уведомлять органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ об уклонении наркозависимого от исполнения обязанности, а также об окончании лечения (реабилитации).

Установлены основания снятия наркозависимых граждан с учета – окончание лечения (реабилитации), отмена судом обязанности пройти лечение (реабилитацию), смерть гражданина или признание его безвестно отсутствующим.

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2013 г. в подведомственных ему учреждениях на учете состояли свыше 325 тыс. лиц с диагнозом «наркомания» и 207 тыс. лиц с диагнозом «потребление наркотических средств и психотропных веществ с вредными последствиями».³ Итого – более полумиллиона наркопотребителей, и это только официальные данные, реальная цифра, учитывая высокую степень латентности наркомании, во много раз больше.

Очевидно, что лица, которые употребляют наркотики эпизодически, через некоторое время приобретают стойкую зависимость от них и становятся наркоманами. В этой связи особенно остро стоит вопрос о необходимости распространения положений ст. 72.1 УК РФ на лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, то есть еще не имеющих диагноза «наркомания», но потребляющих наркотики, к примеру, 3-4 раз в месяц, что позволит вовлечь их в

систему диагностики и профилактических мероприятий наркологической службы.

Следует отметить, что одним из первых шагов, направленных на денаркотизацию или, по сути, на декриминализацию общества, стал Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 420-ФЗ), которым, среди прочего, Общая часть УК РФ была дополнена ст. 82.1, предусматривающей предоставление отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы больным наркоманией. Данная норма затрагивает только ту категорию осужденных наркозависимых лиц, которые совершили впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 (приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотиков в значительном размере), ч. 1 ст. 231 (незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) и ст. 233 УК РФ (незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ), и изъявили желание добровольно пройти курс лечения от наркомании. Отсрочка предоставляется до окончания лечения и медицинской (или социальной) реабилитации, но не более чем на пять лет, и отменяется судом в случае отказа или уклонения лица от соответствующего лечения.

Только на долю ФСКН России ежегодно приходится свыше 5 тыс. направленных в суд уголовных дел о преступлениях вышеуказанной категории, то есть потенциал для активного применения данного вида отсрочки есть. Однако правоприменительная практика выявила некоторые проблемные вопросы.

Рассматриваемый перечень составов преступлений относится к категории небольшой тяжести, за их совершение, особенно впервые, судом, как правило, назначаются виды наказания, не связанные с лишением свободы (штраф, исправительные, принудительные либо обязательные работы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью). В таких условиях осужденный наркозависимый не может получить отсрочку от отбывания наказания по ст. 82.1 УК РФ, поскольку она применима только по отношению к лицам, впервые совершившим указанные преступления и осужденным к реальному лишению свободы. Согласно данным судебной статистики за 2012-2013 гг. отсрочка отбывания наказания в виде лишения свобо-

ды больным наркоманией до окончания курса лечения от наркомании применена всего в отношении 119 осужденных.

Круг лиц, к которым может быть применена ст. 82.1 УК РФ, достаточно узок и в общем количестве подозреваемых (обвиняемых) по уголовным делам, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков, занимает незначительный сегмент.

Изложенные факты в своей совокупности свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательства в части, касающейся более активного вовлечения наркопотребителей, в том числе совершивших отдельные категории преступлений, в систему комплексной реабилитации и ресоциализации, то есть побуждения их к лечению.

Представляется, что в этих целях целесообразно:

– распространить положения ст. 72.1 УК РФ на лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, что позволит вовлечь их в систему диагностики и профилактических мероприятий наркологической службы, а также обеспечит их учет и, следовательно, более точную оценку масштабов наркопотребления в Российской Федерации для принятия соответствующих управленческих решений на государственном уровне;

– проработать вопрос о расширении круга лиц, к которым может быть применена отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы до окончания лечения от наркомании.

¹ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета директора ФСКН России В.П. Иванова на совещании председателей верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов Российской Федерации 19 февраля 2013 г.

² Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» за период 2009-2013 гг.

³ Форма межведомственной статистической отчетности № 2-МВ-ЗДРАВ за январь-декабрь 2013 г.

И.В. Тепляшин,

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Сибирского
федерального университета
(г. Красноярск)

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ,
УЧАСТВУЮЩИХ В МЕХАНИЗМЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

7 декабря 1987 г. на 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция, которая постановила ежегодно отмечать 26 июня как Международный день борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом. Сегодня же российский законодатель приступил к формированию востребованного и эффективного для российской социально-правовой действительности механизма антинаркотической политики.

В свою очередь, при наличии у граждан высокого уровня правовой культуры и инициативы обеспечивается качество правоприменительной деятельности, а значит, возможность реализации гражданином своих прав и законных интересов в сфере безопасности общества. Надо сказать, что создание эффективной преграды незаконному обращению наркотиков может осуществляться с участием негосударственных структур. На наш взгляд, необходимым основанием успешной борьбы с незаконным обращением наркотиков является не только непосредственная деятельность всех звеньев государственного аппарата, но и устранение юридических препятствий на пути распространения данного социального недуга путем вовлечения в эти процессы граждан и их объединений. Здесь возникают правоотношения, участниками которых становятся новые субъекты – представители общественности.

Так, сегодня сформирована и действует сравнительно развитая система общественных объединений, деятельность которых направлена на противодействие незаконному распространению наркотиков, наркобизнесу, а также негативных последствий таких правонарушений. Например, это общественные движения и организации различных уровней, общественные советы при органах власти, общественные центры и другие общественные институты. При этом в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, подчеркивается, что в современных условиях недостаточно используется потенциал общественных объединений и религиозных организаций.

На наш взгляд, к вопросу активного участия общественных объединений и граждан в антинаркотической политике можно обратиться через призму правового статуса этих лиц, прав, обязанностей и гарантий их деятельности. При этом правоотношения, складывающиеся в этом механизме с участием представителей общественности, можно охарактеризовать как сложные. Здесь за сторонами (управомоченными и правообязанными) закреплён целый комплекс прав и обязанностей.

С учетом современной теории права можно говорить о следующем объеме элементов субъективного права представителей общественности непосредственно участвующих в антинаркотических отношениях:

1) правомочие как мера дозволенного поведения, что предполагает реализацию гражданами своих субъективных прав и законных интересов в любой сфере в том объеме, который допускается законодательством и обеспечивается органами государственной власти и органами местного самоуправления. Реализация представленных правовых средств имеет место в рамках простого механизма правового регулирования, а при возникновении фактов незаконного оборота наркотиков происходит правоприменение, что позволяет гарантировать права человека и его законные интересы со стороны государства и общества надлежащим образом;

2) право требования, состоящее в возможности требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности. В частности, это предполагает возможность граждан непосредственно участвовать в антинаркотической деятельности, например в рамках проводимого мониторинга наркоситуации или сбора соответствующей информации, с целью наиболее эффективного выявления и пресечения возможных фактов незаконного оборота наркотиков;

3) право притязания, состоящее в возможности привести в действие аппарат государственного принуждения для разрешения «ситуаций» коррупционно типа, способствующих незаконному распространению наркотиков;

4) право пользования социальным благом, что предполагает восстановление нарушенных прав или получение компенсации в соответствующем эквиваленте в результате неэффективных действий органов государственной власти и должностных лиц. Здесь речь идет о восстановлении прав, в том числе материальных благ, возможность реализации которых была нарушена в процессе коррупционной деятельности со стороны компетентных субъектов.

Следует полагать, что две последних формы поведения с точки зрения юридической науки являются наиболее слабо разработанными элементами субъективного права в правоотношениях исследуемого вида.

Вторым элементом содержания правоотношения являются юридические обязанности. В традиционном понимании, если говорить о антинаркотической политике, в которых участвуют представители общественности, юридические обязанности компетентных субъектов можно разбить на две формы. В рамках пассивной формы на компетентные органы возлагается необходимость воздерживаться от действий известного рода, и это создает необходимые условия для того, чтобы управомоченный (гражданин) мог совершать дозволенные ему положительные действия и тем самым удовлетворять свои субъективные права и законные интересы, прежде всего в организационно-правовой сфере и реализации антинаркотической политики, например, выявлять факты незаконного распространения наркотиков в молодежной среде либо принуждения несовершеннолетних к использованию наркотических средств и психотропных веществ. Активная форма – где со стороны компетентных органов происходит совершение положительных действий, что непосредственно приводит к удовлетворению интересов управомоченного лица. В данном случае орган государства или должностное лицо могут действовать в интересах представителя общественности, участвующего в антинаркотических мероприятиях. Например, оказывать содействие представителю общественности в выявлении соответствующих противоправных фактов.

Подводя итог, можно обратить внимание на следующие особенности правового статуса представителей общественности, участвующих в антинаркотической политике современной России.

1. Налицо отсутствие многоплановости и разнообразия правовых средств, обеспечивающих активную форму участия граждан в антинаркотических мероприятиях. Это не позволяет создать благоприятные (положительные) условия для удовлетворения полезных и законных интересов участников антинаркотических правоотношений. В этом плане следует признать необходимость дальнейшего научного развития и определения интегрированного места в системе юридических возможностей граждан таких правовых категорий, как правовые стимулы, законные интересы, гарантии и их законодательное сопровождение.

2. Не сложилась система социальной, материальной, организационной и иных форм поощрения деятельности этих граждан в

зависимости от конкретного результата. Представителям гражданского общества, осуществляющим контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии незаконному обороту наркотиков, могут быть предоставлены социальные льготы и организационно-правовые преференции, реализация которых была бы возможна как на федеральном, так и муниципальном уровнях.

3. В объем правового статуса данной категории граждан также целесообразно включить соответствующие обязанности, запреты и ограничения, как категории, гарантирующие безупречное и дисциплинированное отношение гражданина к своей в определенной мере особой общественной деятельности. Эти правила, в первую очередь, должны обуславливать объективное, дисциплинированное и принципиальное выполнение исследуемой категорией граждан своего общественного долга и возложенных задач.

4. Заявленному законодателем объему субъективных прав представителей общественности, участвующих в антинаркотической политике, не всегда корреспондируются необходимая мера юридических обязанностей компетентных субъектов. Это обстоятельство существенно снижает уровень правовой активности граждан, способных и желающих участвовать в антинаркотических мероприятиях.

В итоге отсутствие эффективных правомочий представителей общественности, участвующих в антинаркотических мероприятиях, выступает юридическим препятствием на пути формирования эффективной антинаркотической политики в современном обществе и государстве.

К.Ю. Казанцева

Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ

Согласно Конституции РФ Россия является демократическим правовым государством, и здесь, как в любом правовом государстве, на первом плане всегда стоит проблема неукоснительного со-

блюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

В ст. 45 Конституции РФ регламентируется, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется государством, но зачастую государственные органы и должностные лица, призванные осуществлять эту защиту, своими незаконными действиями нарушают права и свободы граждан, которые являются высшей ценностью правового государства.

Указанные лица в своей работе обязаны строго и неуклонно соблюдать законность в целях исключения случаев незаконного осуждения невиновных, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста и т.д.

Комитет «За гражданские права» выявил следующие нарушения при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ареста, расследования уголовного дела: в 23% случаев обвиняемый был спровоцирован на совершение преступления (закупку наркотиков) сотрудниками органов наркоконтроля; в 20% случаев лица, обратившиеся в комитет, жаловались на избиения во время задержания, а также на избиения и пытки после задержания; 16% случаев для подтверждения обвинения использовались показания лиц, находящихся в зависимом положении от сотрудников правоохранительных органов; в 51% случаев в деле отсутствовала видеозапись контрольной закупки, у телефонного оператора не была запрошена детализация телефонных разговоров обвиняемого; экспертное исследование рук, подножечного слоя, одежды обвиняемого, другие необходимые экспертизы, не проводились либо проводились и не подтвердили доводы обвинения в 44% случаев; в 2% случаев заявители жаловались на фабрикацию против них уголовных дел для оказания давления на них; в 1% случаев заявители жаловались на то, что сотрудники ФСКН России «крышуют» наркоторговцев.¹

Следует отметить, что в гражданском праве действует принцип «генерального деликта», в соответствии с ним любые действия лица, которые причинили вред, считаются противоправными и влекут за собой гражданскую ответственность. В случаях же привлечения к гражданской ответственности сотрудников органов наркоконтроля указанный принцип не применяется, действия последних считаются законными до тех пор, пока не будет доказано иное. То есть обязательным условием наступления гражданско-правовой от-

ветственности является признание акта, которым причинен вред, незаконным, например постановление о прекращении уголовного преследования признает незаконным постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Только после признания действий сотрудников незаконными, потерпевший может обратиться в суд.

Приведем пример из судебной практики. Дело № 33-830/2013. Истец обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации в лице Управления Федерального казначейства по Республике Тыва о компенсации морального вреда, в обоснование заявленных требований указал, что с 22 ноября 2007 года органами предварительного следствия ему было неоднократно незаконно предъявлено обвинение в совершении преступлений. 14 декабря 2007 года в отношении него незаконно была применена мера пресечения в виде заключения под стражу. 30 июня 2010 г. постановлением старшего следователя по ОВД 2-го отдела Следственной службы Управления ФСКН по Новосибирской области уголовное дело в отношении него было прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления, мера пресечения в виде заключения под стражу была отменена, за ним признано право на реабилитацию. В связи с уголовным преследованием он находился под стражей с 14 декабря 2007 г. по 30 июня 2010 г., то есть 2 года 7 месяцев 2 дня.² Суд, установив факт незаконного привлечения истца к уголовной ответственности и незаконного применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, в соответствии со ст. 151, 1100 и п. 1 ст. 1070 ГК РФ решил взыскать компенсацию морального вреда в пользу истца.

Итак, основанием гражданско-правовой ответственности по возмещению вреда, причиненного сотрудниками органами наркоконтроля, является правонарушение, допущенное в процессе осуществления их должностных полномочий.

Под обязательством, возникающим из причинения вреда должностными лицами в сфере уголовного судопроизводства, следует понимать гражданское правоотношение, по которому потерпевший (гражданин, юридическое лицо) вправе требовать возмещения вреда (имущественного, морального), а государство, в служебно-трудовых отношениях с которым состоят должностные лица или обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого совершаются уголовно-процессуальные действия, или должностные лица обязаны полностью возместить причиненный вред.³

Из приведенного определения можно выделить субъектов рассматриваемого гражданского правоотношения. Как правило, на

практике возникает проблема, связанная с определением надлежащего ответчика по гражданскому делу, возникает вопрос: кто именно будет нести ответственность за незаконные действия сотрудников органов наркоконтроля?

Непосредственным причинителем вреда является сотрудник органов наркоконтроля, но в соответствии со ст. 1070 ГК РФ ответственность за его противоправные действия будет возложена государство. Это обусловлено тем, что на государстве лежит конституционная обязанность по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Но в то же время в соответствии со ст. 1081 ГК РФ государство имеет право регресса к сотруднику, незаконные действия которого привели к причинению вреда, но следует отметить, что регрессная ответственность возникает лишь в случаях виновного причинения вреда.

Согласно п. 1 ст. 1070 ГК РФ возмещение вреда, возможно и вне зависимости от вины, т.е. гражданское правонарушение имеет «усеченный» состав. В связи с этим суду достаточно предъявить как доказательство оправдательный приговор, постановление о прекращении уголовного по реабилитирующим основаниям для привлечения лица к гражданской ответственности. Отсутствие вины у ответчика в данном случае не является основанием для освобождения от ответственности. Прежде всего такая особенность связана с тем, что весьма проблематично установить вину сотрудников органов наркоконтроля, а также следует отметить, что деятельность указанных лиц всегда сопряжена с возможностью причинить вред правам и свободам человека и гражданина. Например, на месте преступления был задержан гражданин, так как на него указали свидетели как на лицо, совершившее преступление. В процессе расследования выяснилось, что свидетели были неправы. Следует согласиться с законодателем, что невиновный гражданин в данном случае имеет право на компенсацию морального вреда, так как к нему незаконно была применено в качестве меры пресечения заключение под стражу, хотя действия сотрудников формально и соответствовали закону и отсутствует умысел, направленный на причинение вреда. В указанном случае у сотрудника регрессной ответственности не возникает и государство не имеет право обратиться в суд для возмещения убытков.

Таким образом, потерпевший должен предъявлять иск о возмещении вреда Министерство финансов Российской Федерации в

лице Управления Федерального казначейства, а также в качестве соответчика возможно привлечь Управление Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Следует отметить, что пострадавший от незаконных действий сотрудников наркоконтроля в соответствии со ст. 56 ГПК РФ обязан доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Поэтому в случае предъявления иска о компенсации морального вреда потерпевшему необходимо предъявить доказательства, что вследствие незаконных действий сотрудников органов наркоконтроля были затронуты доброе имя, честь, достоинство, деловая репутация, что повлекло за собой физические и нравственные страдания истца.

Еще один вопрос: кто будет являться непосредственным причинителем вреда в случаях, если следователь органов наркоконтроля исполняет указания руководителя следственного органа и в итоге причинен вред гражданину. Следует согласиться с А.В. Диковым в том, что если руководитель следственного органа дал следователю незаконное письменное указание о привлечении лица в качестве обвиняемого, а впоследствии в отношении лица был вынесен оправдательный приговор, то непосредственным причинителем вреда будут как следователь, выполнивший данное указание, так и руководитель следственного органа.⁴ Возможна и другая ситуация, в которой руководитель следственного органа дал незаконное указание в устной форме, в таком случае причинителем вреда выступает следователь, так как УПК РФ четко регламентирует, что все указания должны быть облечены в письменную форму. Рассмотрим третью ситуацию, при которой руководитель следственного органа дал согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, но в процессе исполнения указанной меры пресечения имели место незаконные действия следователя, в таком случае непосредственным причинителем вреда будет являться следователь органов наркоконтроля.

В заключение сформулируем предложения, которые, на наш взгляд, позволят сотрудникам органов наркоконтроля избежать регрессной ответственности даже в случаях причинения вреда правам и свободам человека:

- 1) сотрудники органов наркоконтроля в процессе расследования преступлений обязаны действовать в соответствии с законом;
- 2) при проведении оперативно-следственных действий следует более активно использовать методы аудио-, видеофиксации;

3) рекомендуется ежегодно проводить мониторинг обращения граждан с жалобами на незаконные действия сотрудников ФСКН. Указанный мониторинг должен осуществляться совместно органами наркоконтроля и правозащитными организациями;

4) исключать случаи привлечения в качестве свидетелей и понятых лиц, которые уже неоднократно выступали в этом качестве по другим уголовным делам.

¹ Официальный сайт комитета «За гражданские права». Аналитический обзор основных нарушений прав человека, систематически допускаемых ФСКН. URL: www.zagr.org.ru

² Единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. URL: www.bsr.case.ru

³ Диков А.В. Обязательства по возмещению вреда, причиненного органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2001. № 1.

⁴ Там же.

Е.В. Попельницкий

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 2015 ГОДА №7-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

13 февраля 2015 г. вступил в силу Федеральный закон №7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены изменения в Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также в УК РФ и КоАП РФ. Основной целью закона является создание государственного механизма оперативного реагирования на появление и распространение на территории России неконтролируемых психоактивных веществ. Для этого в Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» вводятся следующие основные понятия:

– новые потенциально опасные психоактивные вещества – вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен;

– Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – Реестр), оборот которых в России запрещен.

В Реестр включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом.

С учетом вносимых законом изменений в антинаркотическое законодательство Российской Федерации при их реализации возможно возникновение некоторых проблем технического, классификационного и юридического характера.

Так, в складывающейся ситуации наиболее целесообразным представляется включение в Реестр не только самого соединения, но и его производных по аналогии с некоторыми синтетическими наркотическими средствами, включенными после 2010 г. в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. №681 (например, «метанон (JWH-073) и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень»). Это позволит не только избежать неоднократных повторов процедуры включения близких по составу химических соединений, но и облегчит процедуру медицинского освидетельствования, т.к. поможет избежать ситуации, в которой веществам, находящимся в разных позициях Реестра, соответствуют одинаковые признаки опьянения и метаболиты.

Процедура медицинского освидетельствования приобретает особую значимость, т.к. становится необходимой не только для целей административного судопроизводства, но и для определения природы вещества, что требуется для включения нового потенциально опасного психоактивного вещества в Реестр. Так, в результате медицинского освидетельствования в случае, если вещество разлагается организмом (полностью либо частично), в биологических объектах будут обнаружены метаболиты данного вещества, установление структуры исходного соединения по которым не всегда возможно, получение же информации иными способами может привести к недостоверным результатам. Необходимо отметить, что зачастую молодежь – основной потребитель новых потенциально опасных психоактивных веществ – потребляет в течение короткого времени (3-10 дней) несколько психоактивных веществ, многие из

них могут иметь соизмеримый период полувыведения из организма (по аналогии с наркотическими средствами). Кроме того, анализ биологических сред с целью выявления действующего начала нового психоактивного вещества может быть сильно затруднен наличием сопутствующих совместно потребляемых субстанций, в том числе известных неконтролируемых психоактивных веществ. В этой ситуации значительную роль приобретают оснащение наркологических диспансеров и химико-токсикологических лабораторий современным оборудованием, подготовка квалифицированного персонала, создание единой информационной сети данных учреждений в стране, а также налаживание информационного взаимодействия с правоохранительными органами.

Включение в Реестр также сопряжено с рядом проблем. Так, согласно п.4 ст. 2.2 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» решение о включении вещества в Реестр принимается федеральным органом исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Вместе с тем согласно п.5 этой статьи включение вещества в Реестр осуществляется при получении должностными лицами органов прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов внутренних дел, таможенных органов, органов федеральной службы безопасности сведений о его потреблении, которые должны быть подтверждены результатами медицинского освидетельствования лиц, находящихся под воздействием этого вещества, проведенного в соответствии со ст. 44 данного закона.

Также не разъяснены критерии (насколько массовыми должны быть случаи потребления, распространенность данного вещества на территории Российской Федерации, динамика потребления, степень общественной опасности и т.д.) и механизм включения новых психоактивных веществ в Реестр, в том числе порядок действия должностных лиц органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в случае получения сведений о фактах опьянения от нового психоактивного вещества, которые подтверждены результатами медицинского освидетельствования лиц, находящихся под воздействием этого вещества.

В то же время если меры административной ответственности полностью соответствуют аналогичным для наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, то в УК РФ вводится новая статья 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально

опасных психоактивных веществ», согласно которой по аналогии с положениями ст. 234 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» устанавливается ответственность за незаконные производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. Вместе с тем в ст. 234.1 УК РФ деяние не квалифицируется в зависимости от размеров (объема) сбыта, при этом в соответствии с ч. 1 статьи в качестве наказания предусмотрен штраф, что позволит преступникам компенсировать потери за счет сбыта крупных партий новых потенциально опасных психоактивных веществ и продолжать преступную деятельность. Отсутствие таблицы размеров для новых потенциально опасных психоактивных веществ также затруднит доказывание умысла на сбыт, в то время как хранение, перевозка, пересылка, производство, изготовление, переработка, приобретение данных веществ без цели сбыта по закону не преследуются.

В связи с отсутствием единой информационной базы по аналогам наркотических средств и психотропных веществ, с учетом того, что аналоги в явной форме не включены в списки Перечня наркотических средств и психотропных веществ, возможна ситуация, при которой вещества, признанные экспертами по ряду уголовных дел аналогами наркотических средств и психотропных веществ, будут включены в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. В связи с этим при внесении данных веществ в Реестр деяния, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ, могут быть перекалифицированы на ст. 234.1 УК РФ, а с учетом того, что ст. 234.1 УК РФ предусмотрена ответственность за сбыт либо производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта новых потенциально опасных психоактивных веществ, уголовные дела, возбужденные по факту хранения данных субстанций по ст. 228 УК РФ, могут быть прекращены; аналогичная ситуация возможна в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 228, 228.1 УК РФ, за незаконный оборот аналогов наркотических средств и психотропных веществ, в дальнейшем включенных в Реестр.

Помимо прочего Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. №7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусматривает процедуру уничтожения новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Таким образом, с целью эффективной реализации норм Федерального закона №7-ФЗ необходимо создание нормативно-правовой базы, предусматривающей алгоритм взаимодействия правоохранительных органов по включению новых психоактивных веществ в Реестр, действиях в случае выявления преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также организация тесного информационного взаимодействия между правоохранительными органами, учреждениями системы здравоохранения, направленное на противодействие распространению новых психоактивных веществ на территории Российской Федерации.

Д.Д. Невирко,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ
МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕЕ СУБЪЕКТАМИ В СФЕРЕ
ФОРМИРОВАНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами является ключевым вопросом федеративных отношений¹ и одной из основных составляющих федеративного устройства России². Наличие работающего механизма реализации конституционной модели разграничения предметов ведения, безусловно, является показателем зрелости федеративных отношений. Роль одного из важнейших правовых средств обеспечения реализации объема государственной власти по разграниченным предметам ведения играет конституционная регламентация правовых форм регулирования по предметам ведения Российской Федерации и ее субъектов. Благодаря определению данных правовых форм на федеральном конституционном уровне развитие федеративных отношений в текущем законодотворчестве осуществляется на гарантированной Конституцией РФ правовой основе.³

При этом конституционно-правовые нормы, регламентирующие вопросы разграничения компетенции, носят предельно общий характер. «Явившись плодом компромисса федерального центра и регионов на определенном этапе развития российской государственности, сегодня они не гарантируют реализацию оптимальной модели размежевания компетенции»⁴.

Особо остро данная проблема чувствуется при формировании антинаркотического законодательства на уровне субъектов России. Субъекты Российской Федерации при принятии законов, направленных на снижение производства и потребления наркотических средств и психотропных веществ зачастую выходят за пределы своей компетенции, чем существенно нарушают права граждан, предусмотренные Конституцией РФ.⁵

Приведем основные и наиболее часто встречающиеся нарушения норм Конституции РФ и федерального законодательства в сфере разграничения компетенции, допускаемые субъектами Российской Федерации при формировании антинаркотического законодательства.

1. Установление административной ответственности за пределами компетенции субъекта Российской Федерации. Данное нарушение в настоящее время встречается нечасто, что связано с достаточно активной работой органов прокуратуры. Характерными примерами являлись ст. 1 Закона Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа от 20 июля 2004 г. № 292-ОкЗ «О внесении изменений в Закон Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа "Об административных правонарушениях"», которым в указанный закон была введена ст. 4.1, предусматривающая ответственность граждан за систематическое предоставление жилых помещений гражданам с целью распития алкогольной и спиртосодержащей продукции, и закон города Москвы «Об административной ответственности за попустительство незаконному обороту или незаконному потреблению наркотических средств или психотропных веществ». Указанные акты признаны несоответствующими федеральному законодательству Верховным Судом РФ (разделения Верховного Суда РФ от 07.06.2006 № 5-Г06-46; от 02.03.2005 № 54-Г05-1).

2. Одним из самых распространенных нарушений является запрет на уровне субъекта Российской Федерации свободной продажи некоторых видов лекарственных средств. В частности, в 2011 г. ряд субъектов Российской Федерации приняли законы и подзаконные акты, запрещающие безрецептурный отпуск кодеино-

содержащих препаратов, несмотря на то, что ответственность за незаконный оборот психоактивных веществ, в том числе и не контролируемых антинаркотическим законодательством, может быть установлена исключительно в КоАП РФ.⁶ Так, Законом Алтайского края от 31 декабря 2011 г. № 557 в Закон Алтайского края от 14 сентября 2006 г. № 94-ЗС «О профилактике наркомании и токсикомании в Алтайском крае» были внесены изменения, в соответствии с которыми лекарственные препараты с малым содержанием кодеина или его солей отпускаются в медицинских целях по рецепту с обязательным гашением и изъятием аптечными организациями. Решением Алтайского краевого суда от 17 января 2012 г. ч.4 ст. 17 Закона Алтайского края от 14 сентября 2006 г. № 94-ЗС «О профилактике наркомании и токсикомании в Алтайском крае» (в редакции Закона Алтайского края от 31 декабря 2011 г. № 557) признана противоречащей федеральному законодательству и недействующей. Данная позиция также была подтверждена Верховным Судом РФ (определение Верховного Суда РФ от 23.05.2012 № 51-АПГ12-3).

Некоторые субъекты пошли еще дальше и запретили безрецептурный отпуск кодеиносодержащих препаратов путем принятия подзаконных актов. Характерными примерами служат постановление Правительства Архангельской области от 29 ноября 2011 г. № 455-пп «Об утверждении порядка выписки и отпуска лекарственных препаратов, содержащих кодеин и его соли, в Архангельской области» и постановление Правительства Калужской области от 9 августа 2011 г. №443. Оба указанных постановления признаны недействующими в судебном порядке (определения Верховного Суда РФ от 06.06.2012 № 1-АПГ12-7; от 28.03.2012 № 85-АПГ12-1).

3. Незаконное наделение полномочиями органов государственной власти и местного самоуправления. Так, 8 марта 2002 г. принят Закон Нижегородской области № 16-З «О профилактике наркомании и токсикомании». Пунктом 11 ст. 8 указанного акта к компетенции органов местного самоуправления в сфере профилактики наркомании и токсикомании отнесено обеспечение контроля за деятельностью органов управления здравоохранения, учреждений здравоохранения, а также частной системы здравоохранения в сфере профилактики и лечения наркомании и токсикомании. Пунктом 8 ст. 9 в числе основных обязанностей органов внутренних дел в сфере профилактики наркомании и токсикомании названо осуществление контроля над процессом законного производства, хранения, транспортировки, реализации и использования наркотиков. Несмотря на очевидно несоответствие рассматриваемых норм Кон-

ституции РФ и федеральному законодательству, указанный закон стал предметом судебного разбирательства только в 2011 г. (определение Верховного Суда РФ от 06.04.2011 № 9-Г11-9).

4. Установление порядка оказания медицинских услуг лицам, больным наркоманией. Так, 13 февраля 2012 г. Правительством Удмуртской Республики принято постановление № 45 «О территориальной программе государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи на территории Удмуртской Республики на 2012 год», в котором, в частности, были прописаны гарантии оказания медицинской помощи несовершеннолетним больным наркоманией. В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ «такое регулирование не может быть не расценено как превышение полномочий субъекта Российской Федерации по регулированию отношений в сфере охраны здоровья граждан, относящейся к вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов» (определение Верховного Суда РФ от 14.11.2012 № 43-АПГ12-8).

5. Установление порядка прохождения медицинского освидетельствования. Так, постановлением администрации Липецкой области от 7 июня 2013 . № 265 «О совершенствовании медицинского освидетельствования граждан для выдачи лицензии на право приобретения оружия, кандидатов в водители и водителей транспортных средств на территории Липецкой области» в целях повышения уровня комплексной безопасности жителей Липецкой области предписано: «медицинское освидетельствование граждан для выдачи лицензии на право приобретения оружия и медицинское освидетельствование кандидатов в водители и водителей транспортных средств врачами-специалистами: психиатр, психиатр-нарколог проводить в государственных специализированных медицинских учреждениях». Верховный Суд РФ в данном случае указал на то, что федеральный законодатель установил не только круг лиц, осуществляющих данный вид медицинской деятельности, но и круг государственно-властных субъектов, определяющих порядок медицинского освидетельствования (определение Верховного Суда РФ от 18.12.2013 № 77-АПГ13-4).

6. Нарушение бюджетного законодательства при финансировании антинаркотических программ (определение Верховного Суда РФ от 13.02.2012 № 48-АПГ13-1).

7. Введение обязательных дополнительных медицинских исследований (определение Верховного Суда РФ от 30.05.2007 № 44-Г07-9).

8. Незаконное введение лицензирования отдельных видов деятельности (определение Верховного Суда РФ от 28.04.2004 № 9-Г04-6).

Кроме вышеперечисленных нарушений у антинаркотического законодательства субъектов Российской Федерации имеется и ряд других недостатков, одним из которых является дословное дублирование норм федерального законодательства. Подобное копирование не только бессмысленно, но и выходит за пределы предметов ведения субъектов.

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время все чаще наблюдаются случаи нарушения субъектами Российской Федерации норм Конституции РФ и федерального законодательства при принятии нормативно-правовых актов, связанных с противодействием незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. При этом, несмотря на активную деятельность органов прокуратуры и судов по признанию подобных норм недействующими, в большинстве субъектов Российской Федерации антинаркотическое законодательство далеко от совершенства. Обращает на себя внимание тот факт, что многие нормы отменяются исключительно в судебном порядке. Законодательные и исполнительные органы в большинстве субъектов не учитывают административную и судебную практику соседних регионов в рассматриваемой сфере, что многократно увеличивает государственные ресурсы, затрачиваемые на дальнейшее приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным.

¹ Безруков А.В. Конституция РФ и современная модернизация федеративного законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6.

² Тхабисимов Х.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации как конституционный принцип российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4.

³ Мусалова З.М. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами: конституционный аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 3.

⁴ Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. М., 2006.

⁵ Невирко Д.Д. Антинаркотическое законодательство субъектов Российской Федерации: проблемы разграничения компетенции // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни : материалы XVII международной научно-практической конфе-

ренции (17–18 апреля 2014 г.): в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев; СибЮИ ФСКН России. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. Ч.2.

⁶ Жильцов А.В. О возможности установления административной ответственности за оборот психоактивных веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, законодательством субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2013 г.

В.В. Чугаев

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В последние годы в Российской Федерации проводится поэтапное масштабное реформирование законодательства, направленное на реализацию принципов правового государства и осуществление коренных преобразований в различных сферах общественной жизни. В связи с этим возникает необходимость более детальной проработки и формулирования единого подхода к понятию и основаниям юридической ответственности.

По мнению В.Н. Витрука, юридическая ответственность – важнейший институт любой правовой системы, один из главных признаков права, необходимый элемент механизма его действия.

Юридическая ответственность является одной из наиболее спорных категорий юриспруденции. Нормативные дефиниции юридической ответственности на сегодняшний день отсутствуют, научные определения весьма разнообразны и противоречивы. В то же время этот институт используют практически все отрасли и подотрасли российского права.

Вопросы определения понятия юридической ответственности очень тесно связаны с вопросами определения оснований данного явления, и ошибки в первом неизбежно влекут возникновение ошибок во втором и наоборот.

По мнению О.М. Ивановой, юридическая ответственность – это юридическая обязанность субъектов правоотношений соблюдать

и исполнять предписания права, не злоупотреблять субъективными правами, а в случаях совершения правонарушения или злоупотребления правом – обязанность правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения.¹ Таким образом, по ее мнению, юридическая ответственность имеет два аспекта: позитивная юридическая ответственность, реализующаяся в правомерном поведении, и негативная юридическая ответственность за правонарушение, реализующаяся в применении мер государственного принуждения.

В части выделения позитивной юридической ответственности аналогичной точки зрения придерживается Е.А. Носкова, понимая под ней добровольную форму реализации юридической ответственности, представляющую собой юридическую обязанность субъекта права действовать в соответствии с требованиями правовых норм, реализующуюся в его правомерном поведении.²

На наш взгляд, нельзя согласиться с данным подходом. В качестве определения понятия юридической ответственности, на наш взгляд, можно привести определение, данное Г.А. Прокопович: юридическая ответственность – это правовое явление, рассматриваемое в динамике, имеющее своей сутью взаимосвязь диспозиции и санкции правовой нормы, позитивной ответственности, мер государственного принуждения, обеспечивающих должное поведение физических лиц и ответственность юридических лиц.³

Данное определение находит поддержку таких авторов, как О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, которые определяют юридическую ответственность как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничений личного или имущественного порядка.

Этой же позиции придерживается С.Н. Кожевников, отмечая: «юридическая ответственность – это обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение».

Неоднозначен подход отдельных авторов и к определению оснований юридической ответственности. Так, Е.А. Носкова помимо юридического основания юридической ответственности выделяет социальное, под которым понимается осознаваемая индивидами объективная потребность общества в нормальном развитии общественных отношений, регулируемых правовыми нормами.

Юридическое же основание юридической ответственности включает в себя нормативное и фактическое основание. Первое

представляет собой закрепление в нормах права вариантов поведения, способствующих социально полезному использованию всеми гражданами своих прав и исполнению ими обязанностей перед государством и обществом. Под вторым понимается совершение правомерного поступка.

О.М. Иванова, рассуждая о позитивной и ретроспективной юридической ответственности, отмечает, что юридическая ответственность наступает при наличии двух оснований: юридического и фактического. Социальное основание может конкретизироваться законодателем в правовой норме и заключается в осознанной необходимости поощрения правомерного ответственного поведения и охраны установленного порядка общественных отношений как нормальных условий жизни общества. Свобода воли, свобода выбора между одобряемым и порицаемым обществом поведением составляет необходимое условие ответственности. Социальное основание негативной и позитивной юридической ответственности едино и заключается в осознанной необходимости поощрения правомерного, ответственного поведения и охраны установленного порядка общественных отношений как нормальных условий жизни общества, а также необходимости вытеснения негативных отношений и снижения правонарушаемости.

В завершение следует отметить, что «юридическая ответственность есть, прежде всего, государственное принуждение к исполнению требований права, содержащее осуждение деяний правонарушителя государством и обществом»⁴. Сущность юридической ответственности сводится к государственному принуждению и возникает после установления факта правонарушения, который является основанием ее возникновения.

¹ Иванова О.М. Основания, цели и задачи юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.

² Носкова Е.А. Позитивная юридическая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

³ Прокопович Г.А. Юридическая ответственность в российском праве: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁴ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974.

Н.Н. Цуканов,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Действующее законодательство не систематизирует основания освобождения от административной ответственности, хотя необходимость в этом существует, и практика применения законодательства об административной ответственности за правонарушения, связанные с оборотом наркотиков, это вполне подтверждает. В юридической литературе предпринимаются попытки решить данный вопрос.¹ В частности, Н.М. Жданов и А.Н. Жданова связывают обстоятельства, освобождающие от административной ответственности, со следующими нормами: а) ст. 2.9 КоАП РФ, б) ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ, в) ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ, г) ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, д) примечание к ст. 6.8 КоАП РФ, е) примечание к ст. 6.9 КоАП РФ, ж) примечание к ст. 14.32 КоАП РФ.²

Соглашаясь с подобным подходом, считаем, что он может быть уточнен и дополнен.

Во-первых, реальность перспективы применения административной ответственности за каждое административное правонарушение напрямую связана с так называемым принципом неотвратимости административной ответственности, который, вопреки распространенному мнению, не отражен в законе и носит скорее политический, нежели юридический характер. КоАП РФ не дает четкого ответа на вопрос о принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях, однако с учетом содержания современного законодательства можно утверждать, что далеко не каждый случай выявленного правонарушения должен обязательно сопровождаться возбуждением дела об административном правонарушении и, соответственно, применением административной ответственности. Например, обязательно это делается при совершении административного правонарушения экстремистской направленности (например, ст. 20.3 КоАП РФ) в силу того, что законодательством прямо предусмотрен принцип неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности.³ Аналогичная ситуация связана с правонарушениями, предусмотренными, например, ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ (см. ч. 4 ст. 53 Федерального зако-

на «О наркотических средствах и психотропных веществах»), ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ и т.д. Во многих иных случаях, например предусмотренных ст. 12.6, ч. 2 ст. 12.9, ч. 1 ст. 12.13, 17.7, ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, при непосредственном обнаружении должностными лицами достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, отнесенного к их подведомственности, решение о возбуждении дела должно приниматься с учетом его целесообразности и достаточности иных предпринятых мер неюрисдикционной направленности за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством.⁴ В подобных ситуациях лицо на законных основаниях избегает ответственности даже при отсутствии обстоятельств, освобождающих от административной ответственности.

В продолжение этой тематики можно вспомнить и до настоящего времени не востребованные, но по-прежнему перспективные так называемые альтернативные производству по делам об административных правонарушениях формы реагирования на факты административного правонарушения (например, формальное предупреждение, медиация, фискальный штраф и др.)⁵.

Во-вторых, содержание оснований освобождения от административной ответственности полнее раскрывается в контексте их сравнения со смежными собирательными категориями. К числу таковых можно отнести следующие.

1. Обстоятельства, исключаящие противоправность деяния, – связаны с ситуациями, когда совершенное лицом действие (бездействие) формально содержит все необходимые элементы состава правонарушения, однако лицо не привлекается к административной ответственности, поскольку в силу нормативного предписания такое действие (бездействие) не может быть признано противоправным. К указанным обстоятельствам, на наш взгляд, относятся а) крайняя необходимость (ст. 2.7 КоАП РФ)⁶, б) причинение ущерба при реализации полномочия, предоставленного законом⁷;

2. Обстоятельства, освобождающие от административной ответственности, – связаны с ситуациями, когда факт административного правонарушения (противоправного действия либо бездействия) фактически имеет место и устанавливается в ходе производства по делам об административных правонарушениях, однако в силу положений закона лицо освобождается либо может быть освобождено от административной ответственности.

К числу таких обстоятельств относятся:

1) малозначительность административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ)⁸;

2) специальные основания освобождения от административной ответственности (примечания к ст. 6.8, 6.9, 6.16.1, 14.32, 19.15.2, 20.25 КоАП РФ);

3) наличие у правонарушителя особого статуса, исключающего возможность его привлечения к административной ответственности (ст. 2.3, 2.5 КоАП РФ);

4) издание акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания (п. 4 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Данное основание практически не применяется, однако если такое применение состоится, то это потребует, прежде всего, установления в действиях виновного признаков соответствующего правонарушения.

Применение некоторых из перечисленных оснований, в частности ст. 2.3, 2.9 КоАП РФ, связано с усмотрением должностных лиц. Реализация отдельных из перечисленных оснований не имеет полноценного процессуального обеспечения, в частности речь идет о п. 1 примечания к ст. 20.25 КоАП РФ.⁹

Обстоятельства, освобождающие от административной ответственности, не следует смешивать с отсутствием оснований (формального, материального, процессуального) административной ответственности. В этом случае реализуются п.п. 1, 2, 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. В этом контексте следует согласиться с предложением Н.М. Жданова, А.Н. Ждановой связывать случаи, предусмотренные ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, не с обстоятельствами, освобождающими от административной ответственности, а с п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

3. Обстоятельства, освобождающие от административного наказания, – связаны с п.п. 1-4 ст. 31.7 КоАП РФ.

Весьма условно к числу обстоятельств, освобождающих от административного наказания в виде административного штрафа, можно отнести несовершеннолетие правонарушителя. Согласно ч. 2 ст. 32.2 КоАП РФ при отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетнего административный штраф взыскивается не с самого правонарушителя, а с его родителей или иных законных представителей.

КоАП РФ не предусматривает какого-либо аналога условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки. Назначенное административное наказание нельзя заменить на другое, за исключением случаев, когда это происходит в результате пересмотра в установленном порядке поста-

новления по делу об административном правонарушении. Закон допускает только одну возможность сокращения размера назначенного административного наказания (ч. 3 ст. 3.12 КоАП РФ).

4. Обстоятельства, ограничивающие административную ответственность, – связаны с категориями лиц, к которым в соответствии с требованиями КоАП РФ не могут применяться те или иные виды административных наказаний (например, ч. 6 ст. 3.5 КоАП РФ, ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ и т.д.).

5. Обстоятельства, исключающие возможность применения административной ответственности в силу реализации требований административно-процессуального законодательства. В частности, речь идет о п.п. 6, 7, 8 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, а также о некоторых иных случаях, например, предусмотренных ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. №3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Отдельно следует отметить, что ст. 24.5 КоАП РФ ориентирована на решение не материально-правовых, а процессуальных вопросов, поэтому в систематизированном виде излагает различные по своей природе основания, исключающие производство по делу об административном правонарушении.

В качестве вывода можно отметить, что освобождение от административной ответственности в случаях, предусмотренных законом, соответствует целям законодательства в той же мере, как и привлечение лица к административной ответственности. Это, в свою очередь, предполагает необходимость дальнейшего научного осмысления и практического освоения данного инструментария.

¹ Напр.: Дугенец А.С., Масленников М.Я. Административная ответственность : лекция. М.: ВНИИ МВД РФ, 2007. С. 48-49; Основания административной ответственности за административные правонарушения, дела о которых вправе возбуждать сотрудники органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под общ. ред. Н.Н. Цуканова. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 24-30; Чаннов С.Е. Основания для освобождения от административной ответственности // Гражданин и право. 2011. № 4. С. 3-14.

² Жданов Н.М., Жданова А.Н. Освобождение от административной ответственности // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 61-65.

³ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ, ст. 2.

⁴ Подр.: Цуканов Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 7-10.

⁵ Подр.: Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях : монография. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 221.

⁶ Например, сотрудники органа наркоконтроля, задерживая правонарушителя, вынужденно нарушают правила дорожного движения или причиняют имущественный ущерб третьим лицам, тем самым совершая действие, формально содержащее признаки правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ.

⁷ Например, применение сотрудниками органа наркоконтроля огнестрельного оружия содержит признаки правонарушения, предусмотренного ст. 20.13 КоАП РФ, а если это происходило в ночное время – то и соответствующей нормой закона субъекта Российской Федерации о действиях, нарушающих тишину и покой граждан в ночное время. Блокирование транспортных коммуникаций влечет административную ответственность, предусмотренную ст. 20.18 КоАП РФ. Однако ответственность не наступает, если данные действия осуществлялись в соответствии, например, с п. 10 ч. 3 ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму». Во всех подобных случаях отсутствует обязательный признак административного правонарушения – противоправность.

⁸ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, п. 21.

⁹ См., подробнее: Жильцов А.В. Административная ответственность за неуплату штрафа в срок, установленный законом, и роль полиции в механизме ее применения: автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2015. С. 13.

А.В. Жильцов

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРАВОНАРУШЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ
ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 20.25 КоАП РФ**

Нормативное закрепление в ст. 23.63 КоАП РФ полномочий сотрудников органов наркоконтроля по рассмотрению дел об административных правонарушениях создало возможность осуществления ими противодействия незаконному обороту наркотиков посредством реализации мер административной ответственности. При этом единственным видом административного наказания, ко-

торое может быть применено названными субъектами административной юрисдикции, является административный штраф.

К сожалению, эффективность данной меры административной ответственности существенным образом снижается в связи с распространенностью случаев безответственного и пренебрежительного отношения граждан к исполнению обязанности по уплате административного штрафа в срок, установленный законом.¹ Для разрешения указанной проблемы и обеспечения неотвратимости административной ответственности сотрудники органов наркоконтроля были наделены правом возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Однако остается неразрешенным целый ряд проблем, связанных с реализацией механизма применения этого вида административной ответственности, что не позволяет правоприменителю адекватно реагировать на отдельные специфические обстоятельства совершения рассматриваемого правонарушения.

Как известно, одним из способов совершения противоправного бездействия, образующего объективную сторону названного административного правонарушения, является внесение или перевод неполной суммы административного штрафа в кредитную организацию либо просрочка внесения или перевода соответствующих сумм в кредитную организацию. Очевидно, что применение в подобных ситуациях мер административной ответственности, установленных в санкции ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, является неадекватно жестким и не соответствует характеру и степени общественной опасности противоправного деяния, но и оставить подобные случаи без надлежащей оценки также было бы неверным.² Осознавая это, органы административной юрисдикции, как правило, принимают решения об освобождении лиц, совершивших рассматриваемое административное правонарушение, от ответственности с применением ст. 2.9 КоАП РФ в связи с малозначительностью деяния. Однако такой подход вступает в противоречие с положениями п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которым личность, имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения.

Кроме того, в правоприменительной практике органов административной юрисдикции встречаются случаи назначения за неуплату административного штрафа наказания, не предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Так, в 2007 г. мировыми судьями в 61 случае за неуплату административного штрафа в срок, установленный законом, применялось предупреждение, в 2008 г. данный вид наказания применялся в 35 случаях, в 2009 г. – в 35, в 2010 г. – в 89, в 2011 г. – в 150, в 2012 г. – в 147 случаях. За первое полугодие 2013 г. данный вид административного наказания за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, применялся судьями 11 раз.³ Более того, исходя из письма Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 9 января 2007 г. №0100/15-07-32 «О правоприменительной практике управлений Роспотребнадзора КоАП РФ» отдельными руководителями Роспотребнадзора допускается применение такой меры наказания, как административное приостановление деятельности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, что, безусловно, является недопустимым.

Следует отметить, что отдельные ученые высказывают мнение о необходимости установления в КоАП РФ возможности применения административного наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей статьи КоАП РФ, мотивируя это тем, что «часть правонарушителей, привлеченных к административной ответственности, уплачивая штраф, подвергают семью материальным ограничениям, а то и реальной угрозе нищеского существования»⁴. На наш взгляд, данное предложение не бесспорно. Во-первых, это создает предпосылки для злоупотребления правом путем необоснованного снижения штрафных сумм; во-вторых, в условиях наличия у лица возможности получить отсрочку или рассрочку исполнения административного штрафа данное предложение выглядит спорным.

Таким образом, проблема адекватного реагирования на указанные выше случаи совершения административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, требует решения.

В рассматриваемом контексте интересными выглядят предложения Н.Н. Цуканова обратить внимание на альтернативные способы реагирования на выявленные административные правонарушения, и в частности опыт применения «формального предупреждения», реализуемого правоохранительными структурами Англии.⁵ Данная мера отражает факт совершения лицом правонаруше-

ния, но не влечет применения к лицу административного наказания и его привлечения к административной ответственности.

На наш взгляд, целесообразно «приспособить» этот инструмент для использования в отечественной правовой модели применения административной ответственности за неуплату административного штрафа. Думается, это позволит в необходимых случаях без нарушения законодательства освободить лицо от административного наказания, обеспечив при этом достижение цели административной ответственности. Отметим, что речь может идти о применении указанного альтернативного средства не только для целей применения ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, но и других административных правонарушений, перечень которых должен определяться законодателем.

Полагаем необходимым дополнить примечание к ст. 20.25 КоАП РФ пунктом 4 следующего содержания: «Лицо, впервые совершившее административное правонарушение, предусмотренное частью первой настоящей статьи, может быть освобождено от административного наказания, если оно раскаялось в совершении административного правонарушения и до момента возбуждения дела об административном правонарушении оплатило административный штраф в полном объеме. Об освобождении лица от наказания в соответствии со статьей 28.2.1 настоящего Кодекса составляется протокол формального предупреждения»;

– дополнить КоАП РФ статьей 28.2.1 следующего содержания:
«Статья 28.2.1. Протокол формального предупреждения

Об освобождении лица от административного наказания в случаях, предусмотренных статьями раздела II настоящего Кодекса или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, должностное лицо, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, составляет протокол формального предупреждения.

В протоколе формального предупреждения указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого составлен протокол, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица, должностного лица или законного

представителя юридического лица, в отношении которых составляется протокол, статья настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая основания составления протокола формального предупреждения, предупреждение о недопустимости совершения административных правонарушений и правовых последствиях, связанных с привлечением к административной ответственности.

Протокол формального предупреждения подписывается должностным лицом, его составившим, физическим лицом, должностным лицом или законным представителем юридического лица, в отношении которых он составлен.

Копия протокола формального предупреждения вручается под расписку физическому лицу, должностному лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых он составлен».

Также следует дополнить ч. 1 ст. 24.5 пунктом 3.1 следующего содержания: «Освобождение лица от административного наказания с составлением протокола формального предупреждения».

Использование указанного подхода, на наш взгляд, во-первых, позволит повысить уровень взыскиваемости административных штрафов и, во-вторых, создаст условия адекватного реагирования на ситуации, в которых цели административной ответственности могут быть достигнуты без применения административных наказаний, а освобождение лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности с применением ст. 2.9 КоАП РФ нецелесообразно или невозможно. При этом формальное предупреждение не является видом административного наказания и отличается от предупреждения как вида административного наказания и позволяет существенно упростить процедуру реагирования на факт совершения противоправного деяния без потери в качестве такого реагирования

¹ Подр.: Цуканов Н.Н. О порядке исчисления сроков в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2010. № 3. С. 23-26.

² Подр.: Цуканов Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 7-10.

³ Отчеты о рассмотрении федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями дел об административных правонарушениях : форма 1-АП [Электронный ресурс] : официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

⁴ Дугенец А.С. Административная ответственность в российском праве : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 94.

⁵ Цуканов Н. Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / научн. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск : СибЮИ ФСИН России, 2012. С. 222.

А.З. Килин

Управление ФСИН России
по Красноярскому краю

**К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 25 НОЯБРЯ 2013 ГОДА №313-ФЗ**

Несмотря на принимаемые меры, складывающаяся оперативная обстановка в сфере незаконного оборота, потребления наркотических средств, психотропных веществ на территории Красноярского края остается сложной. К уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в крае в 2014 г. привлечены 3026 человек, что на 4,5% больше, чем в 2013 г., из них 137 несовершеннолетних (+13%), 240 учащихся и студентов (+22%), в возрасте 18-29 лет – 1684 человека (или 55,6%).

От общего количества лиц, привлеченных Управлением ФСИН России по Красноярскому краю к уголовной ответственности в 2014 г., более половины (56%, или 682 чел.) на момент привлечения к уголовной ответственности являлись потребителями наркотиков. При этом за потребление наркотических средств или психотропных веществ привлечены к административной ответственности 675 человек, оказана экстренная медицинская помощь от острого токсического отравления наркотиками 4698 лицам.

Снизить уровень наркооборота и наркотизации населения края призван вступивший в силу с 25 мая 2014 г. Федеральный закон № 313-ФЗ.

Анализ и оценка первых итогов реализации указанного закона, постановления Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484 показал правильность выработки и реализации на первоначальном этапе следующих комплексных мер:

– принятие организационно-управленческих решений с участием Красноярского краевого суда, органов прокуратуры, службы судебных приставов, городских, районных федеральных судов, мировых судей по вопросам организации применения отдельных положений Федерального закона № 313-ФЗ, выработка соответствующего алгоритма совместных действий по реализации требований статьи 4.1 КоАП РФ;

– направление в адрес мировых судей перечня медицинских организаций, учреждений социальной защиты, осуществляющих медико-социальную реабилитацию;

– определение перечня характеризующих сведений в отношении лиц по делам об административных правонарушениях за потребление наркотических средств, позволяющих судам применять положения ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, к которым можно отнести:

а) ходатайство в суд о необходимости применения к правонарушителю медико-реабилитационных мер, предусмотренных законодательством;

б) справки (либо официальную информацию специализированного наркологического учреждения) о нахождении лица на профилактическом наблюдении (диспансерном учете);

в) характеристики по месту жительства от участкового уполномоченного полиции;

– организация ведения документации по осуществлению контроля подразделениями органов ФСКН России, полиции ОВД (с назначением ответственных лиц) по исполнению решений судов общей юрисдикции, предусмотренных ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ;

– выработка (в октябре 2014 г.) с участием Красноярского краевого суда, СибЮИ ФСКН России, министерства здравоохранения края рекомендаций по организации и порядку взаимодействия подразделений органов наркоконтроля с судами, медицинскими организациями и социальными учреждениями по реализации отдельных положений постановления Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484;

– утверждение регламента работы при обращении граждан для получения наркологической помощи по направлениям судебно-следственных органов и органов системы исполнения наказаний;

– формирование на системной основе учетов (списков) наркопотребителей, неоднократно привлеченных в течение года к административной ответственности за потребление наркотиков, с организацией в отношении их комплексной работы по побуждению (через судебные решения) к лечению, реабилитации;

– ежеквартальный анализ с направлением информационно-статистических материалов по складывающейся административной практике по реализации Федерального закона № 313-ФЗ в судебные органы, органы прокуратуры, краевую и муниципальные антинаркотические комиссии.

Вместе с тем анализ складывающейся правоприменительной практики по ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ выявил ряд существенных недостатков:

– судами региона (по состоянию на 01.01.2015) вынесены лишь 149 постановлений с применением ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ (35% от рассмотренных дел по ст.6.9 КоАП РФ), из них по материалам полиции органов внутренних дел – 6.¹ При этом в резолютивной части вынесенных постановлений в 73% случаев предписано прохождение наркопотребителями только диагностики и профилактических мероприятий;

– неоднородность правоприменительной практики по территориальности. В частности, по Ленинскому району г. Красноярска от общего количества лиц, привлеченных (за анализируемый период) к административной ответственности по ст. 6.9 КоАП РФ, дополнительные решения по ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ вынесены в 56% случаев, в Советском – 46%, по городу Канску, г. Енисейску и Енисейскому району – 66,7%, ЗАТО г. Зеленогорск – 62,5%, гг. Норильску – 46%, Шарыпово – 28,6%, Кежемскому району – 33%. Вместе с тем в городах Минусинске, Лесосибирске, ЗАТО г. Железногорск, Ачинске и Ачинском, Иланском районах дополнительные судебные решения по ст. 4.1 КоАП РФ выносились лишь только от 9 до 21% случаев, а в г. Сосновоборске, Богучанском, Сухобузимском районах судебные решения с применением статьи 4.1 КоАП РФ практически не выносились;

– несвоевременное направление вступивших в законную силу постановлений судов по ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ для организации исполнения в соответствующие специализированные медицинские организации (ККНД, ККПНД), а также не во всех случаях установление сроков прибытия (по решению судебных органов) лиц в соответствующие учреждения, отсутствие в 9,4% постановлений ссылки на конкретное юридическое лицо, в котором предписано прохождение медико-реабилитационных процедур;

– несвоевременность постановки подучетных лиц на учет и надлежащий контроль за исполнением возложенных на них обязанностей из-за нарушения сроков представления судебных решений.

С учетом повышения уровня координации работы за январь 2015 г. количество постановлений с применением ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ увеличилось по краю до 51% от рассмотренных дел по ст. 6.9 КоАП РФ.

Принимая во внимание результаты анализа причин и условий недостатков эффективности на первоначальном этапе административной правоприменительной практики, наметившуюся положительную динамику по реализации отдельных положений Федерального закона № 313-ФЗ, полагаем, что в целях повышения результативности медицинского лечения и реабилитации наркобольных в рамках применения ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ будет способствовать реализация на практике следующих предложений:

1) возложение на всех лиц без исключения, систематически потребляющих наркотики, по решению суда обязанностей, предусмотренных ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, с указанием в резолютивной части постановления конкретных сроков (со дня вступления постановления в законную силу) обращения в соответствующий уполномоченный орган для прохождения диагностических, профилактических, медико-реабилитационных мероприятий;

2) при привлечении к административной ответственности за потребление наркотиков лиц, находящихся под диспансерным наблюдением либо уже неоднократно привлекавшихся в течение года к ответственности по ст. 6.9, 20.20 КоАП РФ, возлагать по решению судов обязанности пройти непосредственно курс лечения от наркомании, медицинскую, социальную реабилитацию;

3) своевременное направление судебными органами вступивших в законную силу постановлений суда в медицинские, социальные учреждения для исполнения;

4) реализация полномочий суда (при рассмотрении дела об административном правонарушении) по истребованию из специализированных наркологических учреждений сведений о нахождении привлекаемого к ответственности лица на диспансерном учете, других характеризующих сведений;

5) определение конкретных сроков и длительности выполнения лицом обязанности прохождения медико-реабилитационных процедур соответствующими должностными лицами медицинских организаций и учреждений социальной реабилитации;

6) расширение применения положений ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ на лиц, больных наркоманией, при привлечении их к административной ответственности по ч. 2 ст. 20.25, ч. 3 ст. 19.3 КоАП РФ;

7) наделение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав полномочиями по применению ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ к несовершеннолетним при совершении ими соответствующего административного правонарушения.

В заключение полагаем необходимым подчеркнуть, что надлежащим образом исполнение Федерального закона № 313-ФЗ и подзаконных актов всеми субъектами правоприменительной практики позволит существенно оздоровить наркообстановку в Красноярском крае.

¹ Количество постановлений, поступивших в адрес Управления ФСКН России по Красноярскому краю. При этом, по сведениям Главного управления МВД России по Красноярскому краю, только в период с 1 октября по 31 декабря 2014 г. сотрудниками территориальных ОВД края направлены в суды 33 ходатайства о возложении на правонарушителей дополнительных обязанностей по ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, из которых по 13 приняты положительные решения.

И.В. Кудашова,

кандидат философских наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ**

Действующим законодательством установлены нормы административной ответственности за правонарушения в сфере легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Так, в КоАП РФ существует ряд статей, устанавливающих ответственность за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 6.15, 6.16, 6.16.1 КоАП РФ). Проведенный руководством ФСКН России анализ сведений по административной практике показал, что большинство административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.16 КоАП РФ, выявляются сотрудниками органов наркоконтроля, в частности подразделения по контролю за легальным оборотом наркотиков, в ходе проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей. Так, за 2014 г., по данным ФСКН России, со-

трудниками органов наркоконтроля в ходе проведения 1967 проверок были выявлены 451 административное правонарушение.¹

Статья 6.16 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение правил законного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. В соответствии с действующим законодательством правом осуществлять такую деятельность обладают юридические лица, имеющие соответствующие лицензии; деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, связанная с прекурсорами, включенными в таблицы II и III списка IV Перечня, не подлежит лицензированию, контроль за ней осуществляют органы наркоконтроля; культивирование сортов наркосодержащих растений, разрешенных для культивирования в промышленных целях (за исключением производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ), осуществляется юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.²

Наиболее часто к административной ответственности по ст. 6.16 КоАП РФ привлекают юридических лиц за нарушение п. 12 ст. 30 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и п. 2-13 Правил ведения специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июня 2010 г. № 419, а именно неправильное ведение либо отсутствие специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров наркотических веществ и психотропных веществ. Как следует из п. 4 и 12 ст. 30 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», к мерам контроля за оборотом прекурсоров, внесенных в Таблицу III Списка IV, относится в том числе и регистрация в специальных журналах любых операций с прекурсорами. При осуществлении деятельности, связанной с оборотом прекурсоров, любые операции, при которых изменяется их количество, подлежат регистрации в специальных журналах лицами, на которых эта обязанность возложена руководителем юридического лица или индивидуальным предпринимателем. Указанные журналы хранятся в течение 10 лет после внесения в них последней записи. Согласно опросу сотрудников территориальных органов наркоконтроля при выявлении данных правонарушений у них возникают

проблемы с соотношением требований п. 7 с п. 2-3 Правил ведения специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, который позволяет в отношении регистрации операций по отпуску, реализации, приобретению или использованию диэтилового эфира (этилового эфира, серного эфира) в концентрации 45% или более или перманганата калия в концентрации 45% или более массой, не превышающей 10 килограммов, ацетона (2-пропанон) в концентрации 60% или более, метилэтилкетона (2-бутанон) в концентрации 80% или более, толуола в концентрации 70% или более, серной кислоты в концентрации 45% или более, соляной кислоты в концентрации 15% или более или уксусной кислоты в концентрации 80% или более массой, не превышающей 100 килограммов, а также смесей, содержащих только указанные вещества, и на случаи регистрации операций по использованию метилакрилата в концентрации 15% или более или метилметакрилата в концентрации 15% или более массой, не превышающей 100 килограммов, не соблюдать требования п. 6 данных Правил. Суды, при рассмотрении дел по ст. 6.16 КоАП РФ и юридические лица воспринимали данное положение п. 7 как разрешение не регистрировать в журнале все операции по расходованию этих прекурсоров. В настоящее время Верховный Суд РФ в постановлении от 6 февраля 2014 г. № 2-АД13-4 разъяснил, что отменяется только обязанность документального подтверждения совершения каждой операции, т.е. необходимость подшивать и хранить в отдельной папке копию лицензии юридических лиц на осуществление деятельности, связанной с оборотом прекурсоров, внесенных в Таблицу I Списка IV Перечня, которая хранится вместе с соответствующим журналом. При этом запись в журнале о суммарном количестве отпущенных, реализованных, приобретенных или использованных указанных веществ должна производиться ежемесячно.³

Для подтверждения состава данного правонарушения необходимо провести административное расследование по ст. 28.7 КоАП РФ для осуществления процессуальных действий, которые требуют значительных временных затрат. К перечню таких процессуальных действий следует отнести действия сотрудника органа наркоконтроля, в производстве которого находится дело о выявленном административном правонарушении, связанные с:

– получением объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаний потерпевшего и свидетелей (ст. 26.3 КоАП РФ), если

получить данные объяснения или показания при составлении протокола невозможно;

- назначением экспертизы для определением вида и концентрации прекурсора наркотического средства (ст. 26.4 КоАП РФ);⁴
- отбором проб и образцов, необходимых для проведения экспертизы (ст. 26.5 КоАП РФ);
- направлением в соответствующие территориальные органы и исполнением ими запросов и поручений (ст. 26.9 КоАП РФ);
- истребованием сведений (ст. 26.10 КоАП РФ).

Административное расследование в обязательном порядке должно сопровождаться осуществлением уполномоченным должностным лицом органа наркоконтроля хотя бы одного из вышеперечисленных процессуальных действий. Совершение таких действий должно подтверждаться соответствующими материалами дела (например, письменными объяснениями участника дела, определением о назначении экспертизы, протоколом отбора образцов, запросами, поручениями, письменными требованиями о представлении сведений), оформленными должностным лицом, в производстве которого данное дело находится.

Составление протокола об административном правонарушении по ст. 6.16 КоАП РФ в случае назначения административного расследования, но при отсутствии в материалах дела документов, подтверждающих осуществление экспертизы или иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, недопустимо. Право назначения административного наказания при проведении административного расследования принадлежит районным судьям согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

Непредставление в государственный орган предусмотренной ст. 37 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и Правилами представления юридическими лицами отчетов о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 ноября 2006 г. № 644 и Правилами представления отчетов о деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июня 2010 г. № 419, отчетности о деятельности, связанной с их оборотом, также является составом административного правонарушения по ст. 6.16 КоАП РФ. До принятия Федерального закона от 14 июня 2011 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах"» данные действия

составляли объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.7 КоАП РФ, санкция которой – предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц от трехсот до пятисот рублей, на юридических лиц от трех тысяч до пяти тысяч рублей, санкция же ч. 1 ст. 6.16 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей с конфискацией наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или без таковой либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток с конфискацией наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или без таковой. В связи с большим размером административного штрафа суды при рассмотрении данных дел освобождают юридических лиц от административной ответственности, прекращая производство по делу об административном правонарушении на основании п 2 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ, т.е. объявляя устное замечания в соответствии со ст. 2.9 в связи с малозначительностью правонарушения. Поэтому целесообразнее было бы непредоставление отчетности о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств или нарушение сроков в ее предоставлении квалифицировать как административное правонарушение, предусмотренное ст. 19.7 КоАП РФ.

Данные предложения позволят более эффективно реализовывать административную ответственность в сфере контроля за легальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

¹ См.: Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 2014 года. Сайт ФСКН России. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>.

² Основания административной ответственности за административные правонарушения, дела о которых вправе возбуждать сотрудники органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук Н.Н. Цуканова. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 102.

³ Постановление Верховного Суда РФ от 6 февраля 2014 г. № 2-Ад13-4 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 6.16 КоАП РФ, совершенном ООО «Мясо и Мясопродукты» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Горелик А.В. Является ли экспертиза в производстве по делам об административных правонарушениях судебной? // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3(16).

А.Ю. Иванов,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРОПАГАНДУ И РЕКЛАМУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Согласно п. 83 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица органов наркоконтроля уполномочены составлять протоколы по делам об административных правонарушениях, предусмотренных 6.13 КоАП РФ. При этом в соответствии с ч. 4 ст. 53 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» данное правонарушение относится к числу тех, в отношении которых дела об административных правонарушениях возбуждаются в общем порядке при наличии соответствующих повода, основания, условий.¹

Выявление сотрудниками органов наркоконтроля информации, содержащей признаки пропаганды или рекламы наркотических средств, неизбежно сопровождается решением ряда вопросов.

Во-первых, что следует понимать под пропагандой наркотических средств? Из содержания ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» следует, что для установления факта пропаганды наркотических средств, за которую предусмотрена административная ответственность ст. 6.13 КоАП РФ, требуется, чтобы действия правонарушителя были направлены на распространение сведений: о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств; о местах приобретения наркотических средств; о способах и местах культивирования наркосодержащих растений; о преимуществах в использовании отдельных наркотических средств. Не является административным правонарушением распространение в специализированных изданиях, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников, сведений о разрешенных к применению в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществах и их прекурсорах.

Указанное позволяет сделать выводы, что такие действия, как ношение одежды в общественных местах с изображением наркосодержащего растения, демонстрация одежды, на которой указано наименование наркотического средства, не являются пропагандой наркотических средств, так как они не направлены на распростра-

нение сведений, указанных в ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». При этом надо понимать, что публичная демонстрация изображений наркосодержащих растений, их наименований на каких-либо материальных носителях (например, одежде, сумке, плакате и т.д.) может привлекать внимание к образу жизни, связанному с потреблением наркотических средств.

Следовательно, законодательные признаки пропаганды наркотических средств, указанные в ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» необходимо корректировать, так как действующая редакция не позволяет обоснованно применять административную ответственность за указанные выше действия.

Во-вторых, что следует понимать под рекламой наркотических средств? Статьей 6.13 КоАП РФ предусматривается ответственность не только за пропаганду наркотических средств, но также и за их незаконную рекламу.

Анализируя правоприменительную деятельность органов наркоконтроля, можно отметить, что к наиболее распространенным примерам ст. 6.13 КоАП РФ относятся случаи рекламы наркотических средств при продаже товаров (футболки, кепки, пепельницы, эмблемы, кулоны, ремни, пряжки, чехлы для телефонов, сумки, сувениры и т.д.), в том числе через сайты в сети Интернет, с изображениями наркосодержащих растений (например, листья конопли) или одновременно с указанным изображением и надписями, а также с надписями без указанного изображения: «Опиум», «Героин» и т.п. Согласно ст. 7 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» недопустима реклама наркотических средств, т.е. реклама наркотических средств является также запрещенной информацией, как и пропаганда наркотических средств. Так, по итогам первого полугодия 2014 г. на территории Российской Федерации было выявлено всего 115 административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.13 КоАП РФ, из них 109 – органами наркоконтроля, остальные – органами внутренних дел.²

Таким образом, реклама наркотических средств может выступать самостоятельным административным правонарушением, предусмотренным ст. 6.13 КоАП РФ, но не содержащим признаков пропаганды наркотических средств. Пропаганда может содержать признаки рекламы, так как сведения о методах изготовления, использования и местах приобретения наркотических средств в то же

время формируют и поддерживают интерес к ним и в конечном итоге способствуют их реализации.

Судебная практика идет по пути признания случаев продажи одежды и сувениров с изображениями наркосодержащих растений, с надписями в стиле «Дух конопли» и т.п. незаконной рекламой наркотических средств, что, в частности, нашло отражение в постановлениях Верховного Суда РФ: от 10 июля 2009 г. № 16-АД09-3 (дело о реализации DVD дисков «Укурыши» с изображением листа конопли); от 26 июня 2009 г. № 31-АД09-3 (дело о продаже пряжек с изображением листьев растения конопли). В указанных постановлениях, а также в обзорах законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ (за второй квартал 2009 г.) признаются изображения на товарах (например, сувенирах) рекламой наркотического средства.

В отличие от пропаганды реклама конкретнее определена в действующем законодательстве, однако его нормативный смысл, раскрытый в положениях Федерального закона «О рекламе», и его истолкование судебными и правоохранительными органами при рассмотрении дел по ст. 6.13 КоАП несколько различаются. Указанное позволяет обеспечить некоторую собираемость административных штрафов и создать прецеденты правовой нормы, однако, на наш взгляд, указанная практика является как минимум дискуссионной по следующим причинам:

Во-первых, согласно ст. 3 Федерального закона «О рекламе» под рекламой понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке». В определении речь идет именно о товаре, т.е. объекте рекламирования, к которым относятся сувениры и иные вещи с изображением наркосодержащих растений (например, листьев конопли) и соответствующими надписями, однако производителем указываются не для целей рекламы наркотических средств, а для реализации товара, на котором они указаны, путем придания ему оригинального дизайна. Следовательно, если умысел направлен только на продажу товаров с изображением наркосодержащих растений (например, листьев конопли), то по общим правилам такие действия не должны образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.13 КоАП РФ, так как не являются рекламой наркотических средств.

Во-вторых, рекламой наркотических средств следует признавать умышленные действия, направленные на распространение информации любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованные неопределенному кругу лиц и привлекающие внимание не к сувениру или одежде, а к конкретным наркотическим средствам, наркосодержащим растениям и т.п. Производитель, указывая на каких-либо товарах изображения наркосодержащих растений, пытается сделать привлекательным свою продукцию, при этом может и не иметь умысла на рекламу наркотических средств, наркосодержащих растений, также действия продавца могут быть направлены не на рекламу наркотических средств, а на рекламу товаров, с целью их продажи.

Так как привлекаемые специалисты, эксперты по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.13 КоАП РФ, формулируют выводы о том, что демонстрируемые изображения наркосодержащих растений, а также соответствующие надписи способствуют формированию или поддержанию интереса к наркотическим средствам, необходимо предусмотреть соответствующие изменения в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах».

В целях снижения интереса к наркотическим средствам, наркосодержащим растениям, образу жизни, связанному с их употреблением, а также в целях формирования надежной правовой базы, позволяющей выработать единообразные подходы в правоприменительной деятельности органов наркоконтроля, целесообразно предусмотреть следующие изменения.

1. В ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» включить определение пропаганды наркотических средств.

2. Часть 1 ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» изложить в иной редакции с учетом законодательного определения пропаганды наркотических средств.

Реализация указанных предложений позволит правоприменителям эффективнее осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.13 КоАП РФ, в том числе и по фактам, связанным с публичной демонстрацией изображений наркосодержащих растений и иной информации в общественных местах, которая может способствовать формированию или поддержанию интереса к приобретению и (или) употребле-

нию наркотических средств (включая демонстрацию информации о наркотических средствах на одежде).

3. Пункт «б» ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» изложить с учетом законодательного определения пропаганды наркотических средств.³

Указанное предложение позволит эффективнее противодействовать распространению пропаганды и рекламы наркотических средств в Интернете, так как в ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указываются основания для ограничения доступа к информационным ресурсам сети Интернет как ресурсам, содержащим запрещенную информацию. В настоящее время процедура ограничения доступа к информационным ресурсам Интернета может применяться за отдельные элементы пропаганды наркотических средств, в иных случаях требуется решение суда.

¹ Цуканов Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 7-10.

² Обзор административной практики в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ за 1 полугодие 2014 года : ФСКН России.

³ Иванов А.Ю., Ефимов С.Н., Галушин П.В. Противодействие пропаганде наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. №. 4. С. 37-41.

А.В. Горелик

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ЭКСПЕРТНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЛ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА И ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ**

В юридической литературе продолжает оставаться дискуссионным ряд вопросов, связанных с привлечением к административной ответственности по ст. 6.8. КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержа-

щих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества». Примерно 7% возбуждаемых сотрудниками органов наркоконтроля дел об административных правонарушениях связаны со ст. 6.8. КоАП РФ; по данным ФСКН России, в январе-июне 2014 г. сотрудниками органов наркоконтроля были возбуждены 1907 дел о таких правонарушениях.¹

Изъятие сотрудниками органов наркоконтроля у граждан наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, как правило, осуществляется путем применения такой разновидности административного принуждения, как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а именно речь идет о личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, согласно ст. 27.7 КоАП РФ. Составленные соответствующие протоколы согласно п. 1 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ являются формой принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении, а значит, в дальнейшем требуется проведение такого вида экспертизы, как экспертиза наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в соответствующих экспертно-криминалистических подразделениях территориальных органов ФСКН России согласно ст. 26.4 КоАП РФ.

В органах наркоконтроля продолжает преобладать практика, когда при обнаружении признаков административного правонарушения вместо экспертизы проводится исследование наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Такое положение дел объясняется тем, что в экспертно-криминалистических подразделениях органов наркоконтроля согласно ведомственному регулированию проводятся подобные исследования по заданию сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих не административную, а оперативно-розыскную деятельность, направленную на выявление и раскрытие преступлений.

Сохранение подобной направленности приводит, в частности, к случаям обжалования защитниками в судах дел об административных правонарушениях по незаконному обороту наркотиков на основании «непроцессуальности» справок об исследовании, проводимых экспертами по заданиям сотрудников оперативных подразделений и на основании которых возбуждались дела, поскольку:

– «справки об исследовании» не предусмотрены законодательством об административных правонарушениях, в КоАП РФ нет ссылок на данные документы;

– сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов наркоконтроля при проведении исследований не дают подписки об ответственности за заведомо ложное заключение и при этом вскрывают без понятий упаковки вещественных доказательств, тем самым ставится под сомнение репутация экспертов и результаты проведенных исследований;

– в ходе проводимых исследований изменяется внешний вид объектов (при высушивании жидкостей и растительных наркотиков), количество изымаемого вещества (расходование при химическом исследовании и высушивание сырых растительных наркотиков).

Таким образом, впоследствии на экспертизу поступают вещества, уже подвергшиеся в ходе «предварительного исследований» определенным изменениям со стороны экспертов, в том числе «сконцентрированные» и «высохшие», а не те, что находились во владении лица, подвергнутого административному преследованию, в момент их изъятия. Со времени изъятия растительных наркотиков до момента поступления на экспертизу, как правило, вещество успевает подсохнуть, подгнить либо полностью сгнить, что приводит к существенным расхождениям между количеством наркотиков, исследованных на «справке об исследовании» и на «экспертизе».

Отметим, что хотя КоАП РФ и не определяет исчерпывающий перечень средств доказывания, мы придерживаемся точки зрения о том, что никакие экспресс-исследования не могут заменить полноценной экспертизы.

В этой связи возникает другая проблема: где и на каком правовом положении будет содержаться преследуемое лицо, пока в экспертно-криминалистическом подразделении проводят исследование. Если оно задержано в порядке ст. 91-92 УПК РФ, то все понятно – в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел. Очень часто преследуемое лицо подвергается административному задержанию в порядке ст. 27.3-27.6 КоАП РФ и, соответственно, содержится в специально отведенных для этого помещениях. Таким образом, в отношении данного лица продолжает осуществляться производство по делу об административном правонарушении. Следовательно, в той ситуации, когда возбуждено дело об административном правонарушении, будет правильным, по нашему мнению, назначать экспертизу согласно ст. 26.4 КоАП РФ.

Если размер наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов не является крупным, то речь пойдет об административной ответственности, а если крупный или особо крупный, то ре-

зультаты такой экспертизы будут являться основанием для возбуждения уголовного дела.

Другим значимым практическим аспектом с точки зрения соблюдения принципа объективной истины в производстве по делам об административных правонарушениях является рассмотрение соотношения экспертизы и иных форм использования специальных познаний в КоАП РФ, в частности медицинского освидетельствования на состояние опьянения, при доказывании наиболее часто применяемой в практике органов наркоконтроля ст. 6.9. КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ». Так, в январе – июне 2014 г. органами наркоконтроля были возбуждены 19669 дел о таких административных правонарушениях, что оставило 71,8% от общего количества возбужденных дел за указанный период.

Согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, может быть направлено на медицинское освидетельствование.

В этой связи необходимо отметить, что в административно-правовой литературе медицинское освидетельствование традиционно рассматривается как один из видов экспертизы², осуществляемой в административном процессе. Доказано, что диагноз «наркомания» устанавливается только в случаях развития достаточно специфического комплекса клинических признаков заболевания.

Поэтому мы предлагаем использовать процессуальные возможности экспертизы для установления диагноза «наркомания» путем вынесения определения о назначении психиатрической экспертизы или экспертизы наркотического опьянения в соответствии со ст. 26.4. КоАП РФ.

Кроме того, в КоАП РФ должна быть предусмотрена специальная норма, посвященная ответственности всех физических лиц за отказ от прохождения предлагаемых видов экспертиз.

Известно, что в Германии, принадлежащей к числу европейских лидеров борьбы с алкоголем и наркотиками за рулем, лишённые водительского удостоверения лица подвергаются еще и медико-психологической экспертизе – тесту на идиотизм, так как в сознании большинства немцев только больной человек способен осоз-

нанно рисковать своей и не своей жизнью, здоровьем, работой, карьерой и репутацией.

Вызывают интерес предложения по решению подобных проблем в союзной с Россией Республикой Беларусь. Так, отдельные белорусские ученые, в частности В.А. Круглов, предлагают при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях использовать среди прочих юридических инструментов, позволяющих установить диагноз «наркомания», возможности судебно-наркологической или судебно-психиатрической экспертизы.³

¹ Основания административной ответственности за административные правонарушения, дела о которых вправе возбуждать сотрудники органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под. общ. ред. докт. юрид. наук Н.Н. Цуканова. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 70.

² Горелик А.В. Соотношение медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и судебно-медицинской экспертизы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. III.

³ Круглов В.А. Производство по делам об административных правонарушениях : теоретические основы и правовые проблемы : монография. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 1999. С. 75.

С.В. Пилявец,

кандидат юридических наук
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
МВД России

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА
СПЕЦИАЛИСТА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ
(НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ
ПРОПАГАНДЫ И НЕЗАКОННОЙ РЕКЛАМЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ)**

Противодействие незаконному обороту наркотических средств – одно из стратегических направлений в государственной политике Российской Федерации.

В рамках производства по делам об административных правонарушениях в сфере противодействия пропаганде и незаконной

рекламе наркотических средств и наркосодержащих растений у правоприменителя нередко возникает необходимость получения доказательственной информации посредством обращения к лицам, компетентным в определенных областях знаний: ботанике, экологии, лингвистике, психологии, искусствоведении и иных. По этой причине особое значение приобретает использование специальных знаний в рамках административного производства.

В ст. 26.2 КоАП РФ «Доказательства» не упоминается такая категория, как «закключение и показания специалиста». Между тем в УПК РФ в п. 3.1 ст. 74 «Доказательства» названный источник внесен законодателем.¹

При привлечении к административной ответственности по ст. 6.13. КоАП РФ «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры», как правило, необходимо получить заключение сведущего лица о том, что на конкретном предмете (аксессуар для мобильного телефона, предмет одежды) изображено растение, содержащее наркотические средства или психотропные вещества. По практике, сложившейся в Калининградской области, для этих целей назначают производство экспертизы, которая проводится в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. По сути, вся экспертиза сводится к тому, что сведущее лицо по внешнему виду изображенного растения идентифицирует его с соответствующим наркосодержащим растением. Для этих целей не требуется глубоких и трудоемких лабораторных исследований, специалист сопоставляет представленный объект со справочным и иллюстрационным материалом. Представляется целесообразным, с меньшими затратами временных и организационно-правовых ресурсов, получить аналогичный результат – заключение или показания специалиста. Фактически достаточно в данной ситуации ограничиться заключением специалиста – письменным суждением лица, обладающего специальными познаниями в данном случае в ботанике. Административное производство только выиграло бы от данного подхода без ущерба для достоверности доказательственной информации.

В связи с вышеизложенным обоснуем целесообразность дополнения КоАП РФ указанным источником доказательств.

Во-первых, сущность деятельности специалиста не зависит от отрасли права и заключается в наличии у данного участника произ-

водства по делу знаний, отсутствующих у правоприменителя и не могущих быть восполненными иным способом, чем обращение к сведущему лицу (получение консультаций, привлечение для проведения процессуальных действий и др.). Иными словами, содержание деятельности специалиста универсально и обусловлено объективными возможностями реализации имеющихся у компетентного лица знаний в конкретной области, недоступной для правоприменителя.

Во-вторых, доказательственное право является межотраслевым институтом. Соответственно, его основные постулаты для всей отечественной правовой системы являются общими, как и требования, предъявляемые к специалисту: незаинтересованность в исходе дела, совершеннолетие, обладание познаниями, необходимыми для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, в применении технических средств и др.

В-третьих, внесение «заключения и показания специалиста» в общий перечень источников доказательств практически востребовано и уже апробировано при доказывании в уголовном судопроизводстве. Тем самым его эффективность подтверждена правоприменительной практикой. Расширение арсенала источников доказательств в административном процессе, несомненно, обогатит административно-правовую отрасль и создаст условия для повышения эффективности практической деятельности по доказыванию административных правонарушений.

И, наконец, наиболее важный аспект связан с тем, что именно такой источник доказательств, как «заключение и показания специалиста», гармонично «вписывается» в саму концепцию административного процесса, направленную на оперативность рассмотрения дел и минимизацию громоздких процессуальных процедур. По правовой природе деятельность специалиста, как и деятельность эксперта, является формой использования специальных знаний.

Следующий аспект законодательной регламентации деятельности специалиста в административном процессе касается добровольности его участия. В соответствии со ст. 25.8 КоАП РФ специалист обязан участвовать в проведении действий, требующих специальных познаний, в целях обнаружения, закрепления и изъятия доказательств, давать пояснения по поводу совершаемых им действий. Насколько данная норма соответствует современному российскому конституционному законодательству?

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ труд свободен (ч. 1) и принудительный труд запрещен (ч. 2). Возникновение обязательств у специалиста может быть связано только в предусмотрен-

ных законодательством случаях (участие в процессуальных действиях является функциональной обязанностью лица). В иных случаях привлечение специалиста может осуществляться на условиях добровольности (договорные отношения по оказанию услуг либо безвозмездное участие специалиста в административном процессе).

Полагаем, что наличие в КоАП РФ приведенной выше нормы принудительного характера по отношению к специалисту является рудиментом советской правовой системы. Если проанализировать историческую составляющую вопроса, можно констатировать, что подобное наложение обязательств на специалиста имело место, например, в УПК РСФСР 1960 г., ст. 133.1 которого предусматривала, что «за отказ или уклонение специалиста от выполнения своих обязанностей к нему могут быть применены меры общественного воздействия или на него может быть наложено денежное взыскание в размере до одной третьей минимального размера оплаты труда».

Следует подчеркнуть, что обязанность являться в органы, осуществляющие производство по делу, не ставится под сомнение, поскольку речь идет о задачах правосудия, и обязанность по соблюдению соответствующих норм носит императивный характер и соответствует конституционным основам. По этой причине представляется необходимым ч. 5 ст. 25.8 КоАП РФ привести в соответствие с конституционными положениями.

Таким образом, правовая регламентация деятельности специалиста при производстве по делам об административных правонарушениях требует внесения ряда изменений, направленных, с одной стороны, на расширение возможностей использования специальных знаний и соответственно средств доказывания, с другой – на устранение противоречий норм КоАП РФ с фундаментальными конституционными установлениями. Предложенные изменения также призваны гармонизировать и унифицировать межотраслевой институт доказательственного права, основополагающие принципы которого едины для всех отраслей отечественного законодательства.

¹ Пункт 3.1 статьи 74 УПК РФ «Доказательства» введен Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

В.В. Пономарева,

доктор исторических наук, профессор
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

УНИФИКАЦИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Глобализация мира, закономерным проявлением которой выступает интернационализация наркопреступности на территории государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сопровождается активными процессами регионализации, в том числе в уголовно-правовой сфере. Интенсивное развитие регионального уголовного правотворчества на территории постсоветского пространства, региональной уголовной юрисдикции сопряжено с участием одного и того же государства в нескольких региональных соглашениях, что порождает вероятность несогласованности правовых норм и даже правового конфликта, связанного с противоречивостью регулирования одних и тех же отношений в рамках различных региональных союзов.

Объединению усилий по противодействию транснациональной наркопреступности препятствуют различия в уголовно-правовом законодательстве государств – членов ОДКБ и ЕАЭС. Эффективное решение проблем гармонизации и унификации внутригосударственных норм, регламентирующих процесс расследования и оперативно-розыскной деятельности, координации усилий правоохранительных органов государств – членов ОДКБ и ЕАЭС возможно в сугубо правовом (нормативном) поле, учитывая генезис уголовного законодательства этих стран. Реальным направлением сближения правовых систем государств – членов ОДКБ и ЕАЭС является не столько кодификация, сколько гармонизация антинаркотического законодательства на региональном уровне. Регионализацию следует рассматривать и как промежуточный этап в развитии глобализации, и как альтернативу этому процессу, ибо ближайшие перспективы развития антинаркотического права и

системы предупреждения преступлений будут связаны с формированием источников уголовного права и соответствующей превентивной системы регионального действия, под юрисдикцию которых подпадают союзы, объединения государств, создаваемых на основе общих экономических, политических, социокультурных интересов.

Итак, сравнительный анализ некоторых норм уголовного права государств – членов ОБКБ и ЕАЭС демонстрирует схожесть лишь определений понятия организованной группы (ч.3 ст.35 УК РФ, ч. 3 ст. 31 УК Республики Казахстан и ч. 1 ст. 18 УК Республики Беларусь). Напротив, дефиниции таких криминальных формирований наркопреступности, как преступное сообщество (преступная организация) в ч. 4 ст. 31 УК РК и в ч. 1 ст. 19 УК Республики Беларусь, в отличие от ч.4 ст.35 УК РФ, сформулированы весьма лаконично, не упоминаются категории преступлений (тяжкие и особо тяжкие, зафиксированные в УК РФ), для совершения которых эти сообщества созданы. В ч. 1 ст. 19 УК Республики Беларусь отсутствует понятие «преступное сообщество».

Существенны различия в конструкции составов в УК государств –членов ОДКБ и ЕАЭС, регламентирующих ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации), а также руководство им. Так, диспозиция ч.1 ст. 210 УК РФ изложена более полно (с учетом специфики данного состава), нежели диспозиции ч. 1 ст. 235-1 УК Республики Казахстан или ч. 1 ст. 285 УК Республики Беларусь. За создание организованной группы, руководство ею и участие в ней в УК Республики Казахстан (ст. 235) установлена ответственность. Подобные нормы отсутствуют в уголовных кодексах Республики Беларусь и РФ. УК Казахстана сообразно положениям Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., содержит ст. 31 (формы соучастия в преступлении) частями 4-1 и 4-2 которой определяется, в каких случаях преступление признается совершенным транснациональной организованной группой и транснациональным преступным сообществом (транснациональной преступной организацией). Одновременно ст. 235-2 Особенной части УК Республики Казахстан предусматривает ответственность за создание транснациональной организованной группы и руководство ею в целях совершения одного или нескольких преступлений, а равно участие в ней. Статья 235-3 УК Республики Казахстан возлагает ответственность за создание транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) и руководство ею, а равно за участие в ней.

Полагаем, что единообразный подход к формулированию данных понятий необходим и возможен. Так, следуя логике законодателя Казахстана, возможно обратиться к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, где в п. «а» ст. 2 дано определение понятия «организованная преступная группа», а в п.2 ст.3 разъяснено, в каких случаях преступление имеет транснациональный характер.

Рост числа преступлений на территории государств – членов ОДКБ в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ связан с контрабандой. Правовое регулирование предупреждения преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков и таможенной деятельности должно основываться на стандартах и нормах международного характера (регионального (СНГ, Совет Европы) и универсального (ООН) уровней), а также стандартах и нормах государств – членов ОБКБ и ЕАЭС.

Уголовное преследование за контрабанду наркотиков осуществляется на основании ст. 226.1 и 229.1 УК РФ. В них законодатель определяет контрабанду как незаконное перемещение через таможенную границу стран ЕАЭС либо Государственную границу РФ с государствами – членами ОДКБ. Признак незаконного перемещения не раскрывается, не приводятся признаки контрабанды, прежде закрепленные в ч. 1 ст. 188 УК РФ, что не исключает возможности расширительного толкования норм уголовного права. Полагаем, что унификация уголовного законодательства требует выработать единообразный подход к классификации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Итак, действенная борьба с транснациональной организованной преступностью в сфере противодействия незаконного оборота наркотиков будет эффективна при условии консолидации усилий всех государств – членов ОДКБ и ЕАЭС и своевременной коллективно продуманной унификации правовой системы.

Из существующих способов универсализации права: рецепции, унификации, гармонизации – именно два последних в большей степени отвечают потребностям регионализации антинаркотического права, поскольку исключают «слепое» заимствование, обеспечивают совмещение универсальных норм с особенностями национальной правовой системы. Полная унификация норм антинаркотического права объективно недостижима и не является необходимостью, ибо на межгосударственном уровне унификация – это в большей мере стремление к единообразию, осознанная потребность в нем либо желаемый результат.

Транснациональные преступления, к числу которых относятся преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, не способны подорвать основы миропорядка, но с учетом механизма и способа их совершения затрагивают интересы нескольких стран: страны-поставщика, транзитной страны и страны-потребителя. Основное внимание в процессе универсализации уголовного права для борьбы с транснациональной наркопреступностью следует уделить региональному уровню правотворчества. Именно здесь в полной мере можно учесть специфику совершаемых преступлений и тем самым «разбить» транснациональные криминальные каналы. Основным средством универсализации уголовного права на региональном уровне может стать унификация законодательства посредством создания единых нормативных актов, выработки единой системы и структуры нормативных актов, расширения круга общих норм, обеспечения смысловой однозначности правовых предписаний, унификации правовой терминологии, разработки примерных нормативных актов.

Е.А. Федорова,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Транснациональная наркопреступность является особо опасным для общества и государства видом криминальной деятельности, противодействие ей – одна из приоритетных задач российского государства на современном этапе.

Улучшению и стабилизации правоприменительной практики в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ способствуют уголовно-правовые средства, являющиеся формой эффективного противодействия транснациональной наркопреступности.

Анализ существующих уголовно-правовых средств, используемых для противодействия наркопреступности, показывает, что наибольший результат дает уголовное преследование организованных форм преступлений в сфере незаконного оборота наркотиче-

ских средств и психотропных веществ с пресечением поставок наркотиков оптовыми партиями. Основные направления деятельности правоохранительных органов в борьбе с транснациональной наркопреступностью включают в себя пресечение деятельности преступных формирований путем привлечения к уголовной ответственности лидеров и участников организованных преступных групп, преступных сообществ (преступных организаций), а также выявление и пресечение международных и межрегиональных каналов поставки наркотиков, противодействие легализации доходов от сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Учитывая сложности правоприменительной практики по привлечению к уголовной ответственности лиц, причастных к наркоторговле, способствующих деятельности транснациональных преступных организаций, необходимо направить основные усилия на преодоление существующих преград, а также на устранение пробелов и коллизий национального уголовного законодательства. В настоящее время для привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к наркоторговле, чаще всего используется институт пособничества. Однако с учетом содержания тех дефиниций, которые содержатся в уголовном законе, это не во всех случаях возможно, так как в действиях такого лица должно быть соучастие. Вместе с тем международное законодательство и законодательство некоторых зарубежных государств, например Франции, США, сделало шаг вперед в этом направлении. Категория «лицо, причастное к наркоторговле» активно используется в международной практике. В Российской Федерации термин «причастность к преступлению» законодательно не определен, но тем не менее в последнее время стал широко использоваться. Так, в отдельных отечественных нормативно-правовых актах¹ категория «причастность» используется, однако содержание ее не раскрывается, что не дает возможности правоприменителю однозначно оценить действия таких лиц. В действующем уголовном законодательстве действия лиц, причастных к наркоторговле, в некоторых случаях можно квалифицировать как один из видов прикосновенности к преступлению – заранее не обещанное укрывательство, проявляющиеся в сокрытии следов преступления, сокрытии предметов, добытых преступным путем, в том числе и наркотических средств и (или) психотропных веществ.

В настоящее время целесообразно категории «причастность к совершению преступления или правонарушения» в отечественном законодательстве придать «сквозной», межотраслевой характер,

это будет способствовать оптимизации деятельности по решению правоохранительных задач, включая противодействие транснациональной наркопреступности. В целях оптимизации уголовной ответственности за наркопреступления, совершенные лицами, причастными к наркоторговле, в уголовное законодательство необходимо ввести ст. 228.5 УК РФ «Содействие незаконному производству, сбыту или пересылке наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов», сформулировав ее следующим образом: «Склонение или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 228.1, 228.2, 228.3, 228.4 настоящего Кодекса, а равно финансирование деятельности организаций, причастных к наркоторговле», часть 3: «Поспособничество в совершении преступлений, предусмотренных статьями 228.1, 228.2, 228.3, 228.4 настоящего Кодекса», предусмотрев в примечании определения понятий «финансирование деятельности организаций, причастных к наркоторговле» и «пособничество».

Кроме того, необходимо в ч. 4 ст. 228.5 УК РФ предусмотреть уголовную ответственность администраторов веб-сайтов в Интернете и лиц, ответственных за размещение информации с использованием других средств и телекоммуникационных технологий, в качестве лиц, причастных к наркоторговле, с последующим прекращением их незаконной деятельности, поскольку в настоящее время интернет-ресурсы играют все более значимую роль в наркоторговле. Широкий диапазон возможностей глобальной сети Интернет способствует распространению наркотических средств и сильнодействующих веществ на транснациональном уровне. Растущее число таких сделок с использованием современных информационных технологий осуществляется как с помощью Интернета, так и с помощью международных телефонных информационных центров. Данная форма преступной деятельности в отдельных случаях может быть квалифицирована по ст. 229.1 УК РФ.

В уголовное законодательство России своевременно внесена норма об уголовной ответственности за сбыт наркотических средств психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) (п. б ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), однако в большинстве случаев ее применение представляет сложность для правоохранительных структур при выявлении и квалификации действий лиц, причастных к наркоторговле. В диспозиции указанной нормы отсутствует конкретизация общественно опасных действий этих лиц.

По данным ФСКН России, приоритетными направлениями деятельности правоохранительных органов остается подрыв экономических основ организованной наркопреступности, в том числе и транснациональной. Наиболее эффективным уголовно-правовым средством в данном направлении является привлечение к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем. В Федеральном законе от 7 августа 2001 г. №115², в ст. 174 и 174.1 УК РФ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. №23³ указывается, что привлечь лицо к уголовной ответственности возможно только при наличии у него цели придания своим доходам правомерности владения, пользования или распоряжения. Однако для эффективного применения мер уголовно-правового принуждения за легализацию доходов от наркобизнеса необходимо исключить из диспозиций ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 174.1. «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» цель совершения преступления – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иному имуществу, полученному преступным путем.

Еще одним эффективным уголовно-правовым средством противодействия транснациональной наркопреступности является изъятие доходов, полученных в результате совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В УК РФ в главе 15.1 предусмотрена такая мера уголовно-правового характера, как конфискация имущества, под которой понимается принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате преступной деятельности. Однако отдельного указания на изъятие доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов, в диспозиции данной уголовно-правовой нормы нет. В связи с этим необходимо внести дополнение в п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, изложив в следующей редакции: «денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов, организованной

группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

В целях усиления уголовно-правового противодействия транснациональной наркопреступности в сфере незаконного оборота химических веществ (например, предпрекурсоров), не подпадающих под контроль, но которые могут быть использованы для изготовления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, провозимых под видом иных товаров через таможенную границу, необходимо установить уголовную ответственность за контрабанду таких веществ, дополнив ст. 229.2 УК РФ следующим положением: «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС веществ, востребованных в химической и медицинской промышленности, под видом других товаров, а также путем сокрытия их от таможенного контроля, под видом правомерных финансово-хозяйственных операций и последующего вывода их из законного в незаконный оборот для использования в изготовлении и производстве наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов».

Таким образом, эффективность применения уголовно-правовых средств противодействия транснациональной наркопреступности зависит от определенности и однозначности уголовно-правовых дефиниций и возможности привлечь к уголовной ответственности лиц, причастных к наркоторговле, поэтому по мере развития международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной наркопреступностью необходимо активизировать процесс унификации норм национального уголовного законодательства с положениями международного законодательства.

¹ Напр.: О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // СПС КонсультантПлюс.

³ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 23.12.2010) // СПС КонсультантПлюс.

С.А. Ступина,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ ПРИ ЭКСТРЕМИЗМЕ

В основных нормативно-правовых актах, как российских, так и международных, рассматривающих вопросы безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, последние, прежде всего, актуализированы такими, как экстремизм, его крайне радикальная форма – терроризм, незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия и коррупция. В целом на сегодняшний день перечисленные угрозы национальной безопасности существуют во взаимосвязи и взаимодополнении, постоянно модифицируясь и мимикрируя. В сложившихся экономических, социальных и прежде всего политических условиях наблюдается все большее проявление взаимосвязи незаконного оборота наркотиков и экстремизма, что, несомненно, требует пристального внимания как правоохранительных органов, так и научного сообщества.

Научное осмысление указанного имеет целью формирование адекватной современным условиям правоприменительной практики и своевременных законодательных инициатив, что очень важно, особенно в кризисные политические и экономические моменты, для предотвращения разрастания преступной агрессии.¹

Взаимосвязь экстремизма и незаконного оборота наркотиков проявляется по различным направлениям. В первую очередь она определена мотивационной сферой, влияющей на различные стороны рассматриваемого процесса. Употребление наркотиков обостряет радикальные формы восприятия инакомыслия, а формирование инакомыслия с последующим возможным насилием очень часто происходит именно под воздействием наркотиков.

Во-вторых, финансовая составляющая существования транснациональных экстремистских сообществ в немалых случаях формируется путем незаконного оборота наркотиков. Безусловно, на сегодняшний день неопровержим факт того, что транснациональный незаконный оборот наркотиков имеет прежде всего коммерческую составляющую. Наркотики дают возможность субсидировать деятельность террористических групп по всему миру, в том числе и

в России. Совершенно очевидно, что для правоохранительных органов на сегодняшний день одной из первостепенных задач является отслеживание влияния доходов от незаконного оборота наркотиков на деятельность террористов и экстремистов с последующим своевременным принятием мер по пресечению таких финансовых потоков. При этом не следует забывать, что привлечь к уголовной ответственности за легализацию денежных средств, добытых в результате незаконного оборота наркотиков и направленных на совершение других преступлений, в силу сложившейся законодательной регламентации и правоприменительной практики невозможно. Варианты только уголовной ответственности за конкретные преступления, например предусмотренные ст. 282.3, 205.1 УК РФ.

В-третьих, проживание некоторых наций в районах широкого распространения наркотиков иногда формирует предвзятость к ним других людей из-за обобщающего обвинения в участии в незаконном обороте наркотиков, что провоцирует и национальные, и этнические экстремистские проявления. Равно как в сознании ряда граждан безосновательно укоренилось отношение к представителям некоторых наций как явным субъектам преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков, например в отношении цыган.

В-четвертых, широкое распространение незаконного оборота наркотиков обостряет политические промахи, социальные конфликты и опосредованно влияет на усиление политического экстремизма.

В-пятых, целенаправленное уничтожение экстремистами некоторых наций путем вовлечения в наркопотребление.

В-шестых, наркотики могут и просто выступать средством совершения преступлений экстремистской направленности, а также и ряда других.

Можно и далее перечислять направления взаимосвязи таких угроз национальной безопасности, как незаконный оборот наркотиков и экстремизм и терроризм.

Остановимся на некоторых, на наш взгляд, дискуссионных вопросах уголовной ответственности в случаях, когда указанные преступные действия взаимосвязаны, пересекаются, совершаются согласно ст. 35 УК РФ такими формами соучастия, как организованная группа либо преступное сообщество (преступная организация), и при этом доходы от незаконного оборота наркотиков направляются на финансирование терроризма, экстремистской деятельности с последующим совершением таких преступлений.

Сложности борьбы с организованной наркопреступностью при экстремизме и терроризме связаны, в частности, с недостатками законодательства.

Экстремистское сообщество в уголовном законе отождествляется с организованной группой. Такой прием копировал законодательную конструкцию преступного сообщества (преступной организации) ч.4 ст.35 УК РФ. Законодатель, пожалуй, логично отождествил экстремистское сообщество с организованной группой, параметры которой указаны в Общей части УК РФ, наделив вновь созданную им кооперацию аналогичными признаками. Однако противоречие конструкции групповых разновидностей соучастия Общей части естественно отразилось и на конструкции экстремистского сообщества.

В ч. 4 ст. 35 УК РФ дано непосредственное определение преступного сообщества (преступной организации).

На сегодняшний день формулирование экстремистского сообщества через организованную группу (что не тождественно преступной организации) способно на практике породить множество проблем, в первую очередь связанных с вопросами соотношения признаков группы лиц по предварительному сговору, созданной для совершения экстремистских акций, с организованной группой, созданной в тех же целях, и последней формы соучастия с преступным сообществом (преступной организацией).

Возможности манипуляции уголовным законодательством входят в противоречие с принципом законности (ст. 3 УК РФ).

В продолжение указанного отметим, что в современных условиях существования транснациональной организованной преступности существует вероятность того, что возникшее экстремистское сообщество перерастет в преступное сообщество, которое действует на той же идеологической основе, что и изначальное, но еще и начинает совершать и иные, кроме экстремистских, преступления: незаконный оборот оружия, незаконный оборот наркотиков и т.п.

Конечно, с точки зрения положений УК РФ и основ квалификации преступлений возможно последовательное вменение соответствующих обстоятельствам частей ст. 282.1, 228.1, 210, 222 УК РФ и т.д. В случае совершения сообществом действий, составляющих терроризм, также вменяется и ответственность по ст. 205 УК РФ, содействия либо финансирования терроризма или экстремистской деятельности – соответственно ст. 205.1, 282.3 УК РФ.

При этом следует обратить пристальное внимание на то, что в оговоренной нами ситуации в основе совершения всех преступле-

ний лежит мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (что в последнее время стало часто происходить), однако при этом согласно УК РФ наименьшая ответственность за совершение деяний из перечисленных выше предусмотрена за организацию экстремистского сообщества и финансирование экстремистской деятельности.

В рассматриваемом случае обоснованно будет вменение совершения преступлений не экстремистским сообществом, а с учетом его трансформации – преступным сообществом и при наказании – обязательный учет отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч.1 ст. 63 УК РФ.

Остается еще и такой вопрос: какой должна быть квалификация, если преступные доходы такого сообщества от незаконного оборота наркотиков вновь направлены на незаконный оборот в целях уничтожения какой-либо нации, социальной группы и т.п. путем наркотизации этого общества. В УК РФ нет статьи, предусматривающей ответственность за финансирование организованной наркопреступности.

В таком случае либо просто помимо ответственности за незаконный оборот наркотиков вменяется финансирование экстремистской деятельности либо ст. 210 УК РФ – при наличии обязательных для уголовной ответственности признаков этого преступления.

Таким образом, отчетливо прослеживается недоурегулированность и на законодательном уровне, и в судебном толковании уголовной ответственности за организованные формы незаконного оборота наркотиков при экстремизме. Назрела явная необходимость как в принятии Пленумом Верховного Суда РФ современных разъяснений по указанным вопросам, так и внесения в УК РФ соответствующих изменений и дополнений.

Кроме изложенного, думается, что для усиления противодействия организованным формам преступности возможно рассмотрение введения уголовной ответственности за недонесение. Уголовному праву хорошо известен такой институт. На сегодняшний день актуально не только расширение уголовной ответственности за участие в рассматриваемых нами преступлениях, за содействие им, за легализацию преступных доходов, но и актуализируется, на наш взгляд, необходимость ответственности за несообщение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершаемом таком преступлении, представляющем повышенную общественную

опасность, являющемся особо тяжкими. Отчасти указанное решило бы и проблему предупреждения совершения таких преступлений с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В заключение важно сказать ¹ без комплексного подхода любой закон, пусть даже самый совершенный, не принесет желаемой отдачи. Следовательно, для противодействия наркоугрозе, экстремизму и терроризму в дополнение к законодательству, создающему необходимую базу для этого противодействия, обоснованно требуется совершенствование уголовного законодательства, а также нужен продуманный уголовно-процессуальный механизм его применения, научная организация оперативно-розыскной деятельности, высокий профессионализм людей, занимающихся этой работой.

¹ См.: Гордеев Р.Н. Групповое преступление в уголовном праве России : монография. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009; Токманцев Д.В. Меры уголовно-правового предупреждения терроризма и экстремизма // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгрессной части X специализированного форума (28-29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 122-126.

Д.В. Токманцев,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

УСТОЙЧИВОСТЬ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП, СОВЕРШАЮЩИХ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ

Устойчивость является одним из определяющих признаков организованной группы, а также входит в число признаков преступного сообщества. Ее содержание (критерии) раскрываются Пленумом Верховного Суда РФ в различных постановлениях, в том числе от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». Некоторые из критериев устойчивости можно обнаружить в постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной органи-

зации) или участия в нем (ней)». Не оставлен без внимания это признак и в науке уголовного права.

Следуя общему понятию устойчивости, получившему развитие в теории систем и в теории организации, подчеркнем, что устойчивость любого явления выражается прежде всего в его способности противостоять разрушающим воздействиям (иметь инерционность) и, компенсируя (сглаживая) их последствия, сохранять свои элементы, основные функции и структуру, «подстраиваясь» (адаптируясь) тем самым к изменившимся условиям (проявлять адаптивность). Таким образом, основу устойчивости преступной группы составляют находящиеся во взаимосвязи инерционность и адаптивность, выполняющие роль стабилизирующих свойств преступной группы.

Первое свойство устойчивости – инерционность – означает способность преступной группы противостоять «деструктивным» (негативным для сообщества) воздействиям; справляться с нарушениями своего равновесия за счет действия внутренних регуляторов и резервов. Прежде всего, активно продолжать преступную деятельность, испытывая длительное воздействие со стороны правоохранительных органов, которые пытаются разложить структуру преступного сообщества.¹

Второе свойство устойчивости – адаптивность, то есть способность преступной группы возвращаться в прежнее функциональное состояние в случае вынужденных отклонений (например, при противодействии со стороны правоохранительных органов), то есть приспосабливаться к потенциально опасным условиям, проявлять гибкость при встрече с ними, перенастраиваться и восстанавливать свою устойчивость.

Отсутствие у преступной группы инерционности и адаптивности лишает ее устойчивости, так как приводит к тому, что при внешнем (профилактическом со стороны правоохранительных органов) воздействии в ней происходит настолько хаотичное (не регулируемое и необратимое) изменение основных свойств (прежде всего структуры и функциональности), что преступная группа прекращает свое существование.

Из этого следует, что устойчивость преступной группы – это прежде всего ее способность сохранять «вектор» своей преступной деятельности при внешних «негативных» (деструктивных) для группы воздействиях на нее (прежде всего, противодействии со стороны правоохранительных органов) за счет своей инерционно-

сти (внутренних резервов к сопротивлению таким воздействиям) и адаптивности (способности приспосабливаться к ним).

Именно эти свойства (инерционность и адаптивность) в своей совокупности придают преступной группе структурную и функциональную устойчивость (некую «динамическую прочность») – способность сохранять структуру и функциональность при внешнем «деструктивном» (для группы) воздействии (источником которого являются правоохранные органы), пока оно (это воздействие) по своей силе не превзойдет резервы (порог «прочности») преступной группы.

Поэтому не случайно Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ проявлением устойчивости преступного сообщества созданного Старостиным, было признано то, что после задержания значительного числа членов преступного сообщества оставшиеся на свободе участники продолжали сбывать героин по установленной схеме вплоть до пресечения их преступных действий; или, например, Саратовский областной суд, признавая устойчивость преступного сообщества, созданного Черкасиным, отметил, что члены преступного сообщества (преступной организации) прекратили свою преступную деятельность только будучи разоблаченными и задержанными сотрудниками правоохранных органов.

Тем более устойчивой следует признавать преступную группу, которая, испытывая воздействие со стороны правоохранных органов, способна не только продолжать запланированную преступную деятельность, но и, приспосабливаясь к изменившимся условиям, совершенствовать ее (что тоже является проявлением адаптивности). На это обратил внимание, например, Белгородский областной суд по уголовному делу в отношении Парамонова и других, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, отметив, что устойчивость сообщества состояла в том, что ее участники после предупреждения правоохранными органами о том, что продаваемые ими вещества содержат наркотические средства и их продажа образует уголовно наказуемое деяние, не только не прекратили сбывать такие вещества, а, наоборот, продолжили свою преступную деятельность и, более того, усовершенствовали ее. На такие же обстоятельства обратил внимание Вологодский областной суд по одному из уголовных дел, отметив, что, несмотря на прекращение деятельности одного из трех структурных подразделений преступного сообщества в связи с задержанием руководителя данного подразделения, организаторы и руководители преступного сообщества продолжили деятельность

по управлению преступным сообществом, усилив меры конспирации и требования к участникам других входящих в состав преступного сообщества организованных преступных групп (структурных подразделений).

Устойчивость преступной группы не появляется на пустом месте. Она имеет предпосылки в виде неких качественных образований (характеристик) преступной группы, которые сами по себе еще не свидетельствуют об устойчивости, но способны придать группе инерционность и адаптивность.

К предпосылкам устойчивости преступной группы можно отнести стабильность состава преступной группы (кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.04.2013 №11-О13-15) и внутренних связей между его участниками (кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2013 №32-О13-9сп). Стабильность в этом случае отражает единство устойчивости и изменчивости и, соответственно, не исключает того, что количество участников преступной группы и ее подразделений на протяжении всего времени функционирования может неоднократно меняться, например в связи с проводимыми руководством преступной группы структурными преобразованиями либо в результате работы правоохранительных органов по пресечению деятельности отдельных подразделений или участников преступной группы (кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2013 №32-О13-9сп).

Предпосылками устойчивости преступной группы также могут выступать:

- длительность преступной деятельности (планирование преступной деятельности на длительный период)²;
- непрерывность преступной деятельности как преступной группы в целом, так и входящих в нее структурных подразделений;
- постоянное расширение сферы преступной деятельности;
- стойкость (твердость) преступных намерений участников преступной группы, выраженная в конкретных действиях (например, в том, что участник преступного сообщества, нарушив требования избранной в отношении него меры пресечения и скрывшись от органов предварительного следствия, вновь продолжил преступную деятельность в составе преступного сообщества);
- конспиративность, то есть сложившаяся система противодействия различным мерам социального контроля, обеспечивающая преступной группе безопасность осуществления преступной деятельности и затрудняющая ее выявление правоохранительными органами.

Конспирация может проявляться, например, в систематической (ежемесячной или даже еженедельной) смене абонентских номеров (сим-карт) мобильных телефонов всех участников преступной группы и регистрации их на других (непосвященных) лиц; в использовании во время телефонных переговоров условных (специальных) терминов, дающих возможность двоякого толкования, но понятных в их среде; в общении под вымышленными именами; в использовании систем видеонаблюдения; в аренде на подставных лиц жилых помещения в многоквартирных домах для участников преступной группы; в привлечении к участию в преступной группе сотрудников правоохранительных органов, в целях получения информации необходимой для обеспечения безопасности (устойчивости) преступной деятельности и т.п.

¹ Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности : монография. Красноярск, 1999. С. 103, 104.

² Ступина С.А. Вымогательство: криминологическая характеристика и уголовно-правовые средства противодействия. Красноярск, 2005.

В.А. Шеслер

Главное управление МВД России
по Красноярскому краю

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИТОНОВ
ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШАЕМОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ**

В процессе применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 232 УК РФ, наибольшие проблемы представляет оценка деятельности организованной преступной группы. Совершение указанного преступления организованной группой в соответствии с ч.3 ст. 35 УК РФ признается в случаях, когда в ней участвовала устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Характеристика такого признака, как устойчивость, является довольно сложной. В основу понятия устойчивости кладутся такие признаки, как долговременность существования группы, стойкость преступных связей, неоднократность преступных действий, четко определенные методы преступной деятельности.¹

Качественное отличие организованной группы от соисполнительства (группы лиц по предварительному сговору) состоит в наличии системообразующего признака устойчивости, означающего, что участников организованной группы объединяет цель совместного совершения многих преступлений в течение продолжительного времени.

Неоднозначно толкует данный признак судебная практика. Например, согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. №3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» об устойчивости группы могут свидетельствовать наличие в ее состава организатора (руководителя), наличие заранее разработанного плана совместного совершения преступления, предварительная подготовка, распределение функций между членами группы, длительность подготовки преступления.

Таким образом, признак устойчивости имеет о субъективно-объективный характер. В субъективном смысле под устойчивостью понимается стойкость преступных устремлений участников группы, твердые намерения постоянно или временно заниматься преступной деятельностью, то есть неоднократно совершать преступления.² Группа может быть устойчивой при стремлении ее участников совершить и одно преступление, которое требует длительной подготовки и тщательного планирования, четкого распределения ролей или в случае стремления ее участников совершить продолжаемое преступление. Твердость преступных намерений состоит в стремлении участников совершить несколько преступных актов, составляющих в совокупности единое преступление.³

При квалификации организации или содержания притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных организованной группой, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) большой временной промежуток существования преступной группы (продолжительность функционирования). Вместе с тем следует относить к понятию устойчивости короткий, но интенсивный период преступной деятельности, складывающийся из значительного числа фактов, образующих в своей совокупности единое преступление, например многократное посещение наркопритона один и тем же лицом, одновременное посещение наркопритона несколькими лицами, для потребления наркотиков и др.;

2) неоднократность совершения преступлений членами группы;

3) техническая оснащенность членов группы;

4) распределение ролей (функций) между членами группы и согласованность действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. Например, Кондинский районный суд Ханты-Мансийского автономного округа в обвинительном приговоре по уголовному делу о создании и содержании притона для потребления наркотических средств, совершенном организованной группой, указал, что А. и Н. согласно распределенным ролям создавали условия для содержания такого притона. В частности, А. подыскивал и приглашал в квартиру лиц, желающих употреблять наркотическое средство дезоморфин, а Н. постоянно незаконно изготавливал в квартире дезоморфин, имея средства и оборудование для его незаконного изготовления.⁴

Распределение ролей также предполагает наличие в составе группы организатора (руководителя), координирующего действия участников группы, подбирающего и вербующего соучастников, распределяющего роли между ними, планирующего совершение преступлений;

5) заранее разработанный план совместной преступной деятельности – преступный план функционирования наркопритона, приобретения и доставки необходимых компонентов и инструментов для кустарного изготовления наркотических средств, разработка график работы, проведение технологические перерывы, обновление компонентов и инструментов и т.п. Вполне обоснован вывод о том, что данный признак также предполагает наличие в группе организатора или организаторов⁵;

6) стабильность состава, наличие постоянных связей между ее членами;

7) иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы: медработники, фармацевты, четкая конспирация и прикрытие, развитая система безопасности, использование информационных технологий в подборе клиентов.

С криминологической точки зрения организованная группа представляет собой консолидацию криминальной среды, выражающуюся в совместной и масштабной деятельности, которая направлена на создание условий для совершения значительного количества преступлений лицами, входящими в данную криминальную среду. В этом и выражается общественная опасность организованной группы, которая характеризуется прецедентностью, то есть способностью повторения криминального поведения значительного числа лиц, входящего в данное криминальное образова-

ние.⁶ Очевидно, что такое массовое преступное поведение особо вредоносно, то есть несет возможность причинения существенного вреда и втягивание в процесс немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ неопределенно большого круга лиц.⁷

Квалификация организации или содержания притона для потребления наркотических средств по признаку «совершенное организованной группой» (ч. 3 ст. 232 УК РФ) должна основываться на указанных обстоятельствах при условии, что они нашли фактическое подтверждение в материалах дела. В противном случае вменение данного квалифицирующего признака является необоснованным.

Так, органами предварительного следствия действия супругов Р. были квалифицированы как организация и содержание притона для потребления наркотических средств, совершенные организованной группой (ч. 3 ст. 232 УК РФ). В обосновании вывода о наличии организованной группы органы предварительного следствия сослались на то, что организованность преступной группы выражалась в четком распределении функции между соучастниками, устойчивость преступной группы определялась стабильным составом ее членов, являющихся супругами и проживающими в одной квартире, согласованностью их действий при совершении преступлений, долговременным совместным употреблением ими наркотических средств, единым умыслом, постоянным функционированием на протяжении продолжительного времени существования преступной группы и конспирацией. Однако Бугульминский городской суд Республики Татарстан переквалифицировал действия указанных лиц на ч. 1 ст. 232 УК РФ, указав на необоснованность выводов органов предварительного следствия о наличии в действиях Р. признаков организованной группы. Суд отметил, что, во-первых, сам по себе факт того, что Р. состоят в браке не является достаточным основанием для признания того, что преступления были совершены ими в организованной группе; во-вторых, отсутствуют данные о стабильности состава, а именно о том, что муж выполнял функции руководителя организованной группы и координировал действия супруги, а также о том, что она подчинялась ему как руководителю; в-третьих, конспиративное изготовление Р. наркотических средств, которые впоследствии предоставлялись ими в своем жилище лицам, употребляющим наркотики, само по себе не свидетельствует об организованности группы, так как конспиративность является необходимым условием вообще, присущим неза-

конному обороту наркотических средств; кроме того, суд указал на непродолжительность функционирования группы – фактически преступная деятельность осуществлялась всего 7 дней.⁸

Следует констатировать, что уголовная практика сегодня складывается таким образом, что деяние по ч. 3 ст. 232 УК РФ, как правило, квалифицируется при наличии многократных фактов предоставления помещений для изготовления и употребления наркотических средств одними и теми же лицами и длительности деятельности притона.

¹ Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 101-102.

² Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. С.122-131.

³ Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С.115.

⁴ Мальков С.М. Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 232 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. №3. С. 29-31.

⁵ Токманцев Д.В. О некоторых вопросах ответственности за преступления, предусмотренные ст. 232 УК РФ // Антинаркотическая безопасность. 2014. № 1 (2). С. 23.

⁶ Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 17.

⁷ Гордеев Р.Н. Общественная опасность группового преступления // Уголовное право и современность : межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 2005. С. 195.

⁸ Криминологические и уголовно-правовые аспекты организации либо содержания притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ : отчет о НИР № 1/410 от 01.08.2012 (ФСКН России) / С.М. Мальков, П.Л. Сурихин, Д.В. Токманцев. Красноярск, 2012.

Ю.С. Пестерева,

кандидат юридических наук, доцент
Омская юридическая академия

Е.И. Чекмезова,

кандидат юридических наук, доцент
Омская юридическая академия

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 234.1 УК РФ**

Законодатель, принимая решение о дополнении УК РФ ст. 234.1, руководствовался необходимостью выставить барьер на пути так называемой «спайсовой эпидемии». Ее распространение началось с сентября 2014 г. в отдельных регионах России. В медицинские учреждения массово поступали взрослые и подростки с симптомами отравления курительными смесями. Наибольшее число случаев такого отравления зафиксировано на территориях Ханты-Мансийского автономного округа, Кировской области и Республики Башкортостан.¹

Необходимость и целесообразность уголовной ответственности за действия, указанные в ст. 234.1 УК РФ, не вызывает сомнения. Сомнения в витальности нормы вызывают ее неординарная конструкция, отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно признаков рассматриваемого состава, наличие законодательных дефектов. Уже первое прочтение теста позволяет озвучить следующие моменты.

Во-первых, если данная норма направлена на противодействие обороту новых психоактивных веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ и схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека, то почему в структуре Особенной части УК РФ она расположена в рамках ст. 234.1. Такая нумерация позволяет прийти к выводу, что указанная норма является специальной по отношению к норме, предусмотренной ст. 234 УК РФ. В последней речь идет о сильнодействующих или ядовитых веществах, которые не являются разновидностью наркотических средств или психотропных веществ. Рассматриваемая норма должна получить другую нумерацию и занять место в рамках, например, ст. 228.1.1 УК РФ.

Во-вторых, предложенная законодателем формулировка предмета указанного преступления будет вызывать затруднение в его определении. Возникает вопрос о смысловом содержании термина

«новые», который позволяет предположить, что имеют место быть «старые» потенциально опасные психоактивные вещества.

В-третьих, в ч. 1 ст. 234.1 УК РФ указано на такие действия, как ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. Возникает вопрос о соблюдении принципа единства терминологии на страницах кодекса. В ст. 226.1, 229.1 УК РФ употребляется понятие «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственная границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС».

В-четвертых, противодействие обороту новых потенциально опасных психоактивных веществ предполагает осуществление оперативно-розыскных мероприятий. Центр тяжести придется на проверочную закупку. Ее проведение неизбежно заставит правоприменителя создавать формулу квалификации со ссылкой или без на ст. 30 УК РФ. Такая ссылка может существенно изменить направление вектора следственно-судебной практики в сторону смягчения наказания, учитывая, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 234.1 УК РФ и так относится к преступлениям небольшой тяжести.

На наш взгляд, использование в формуле квалификации ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ не может быть обосновано разъяснением, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, так как оно ориентировано на квалификацию действий с иным предметом преступления.

В п. 13 указанного постановления разъяснено, что в тех случаях, когда передача наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства, психотропного вещества или растения, содержащего наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, из незаконного оборота.² Сбыт указанных предметов окончен с момента их передачи другим лицам, а передача может быть возмездной или безвозмезд-

ной. Поэтому изъятие предмета из незаконного оборота находится за рамками состава преступления.

Помимо приведенного аргумента следует обратить внимание то, что в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 разъяснено, что получение или дача взятки, в том числе через посредника, а равно получение либо передача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.³

В-пятых, чч. 2,3 ст. 234.1 УК РФ начинаются со слов «те же деяния» и «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи» и содержат указание на такие последствия, как «повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека» или «повлекшие по неосторожности смерть человека». Анализ указанных в ч. 1 ст. 234.1 УК РФ действий позволяет прийти к выводу, что только сбыт указанных веществ может повлечь указанные последствия.

В-шестых, законодатель предусмотрел усиление ответственности в рамках ст. 228. 228.1 УК РФ в зависимости от размера предмета преступления, оставив без внимания размер новых потенциально опасных психоактивных веществ. Поэтому правоприменитель при квалификации действий лиц по ст. 234.1 УК РФ не сможет учесть повышенную опасность содеянного в зависимости от размера предмета преступления.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что для осуществления эффективного противодействия преступным деяниям законодателю необходимо при создании каждой новой нормы научиться не игнорировать имеющий теоретический опыт и соблюдать правила юридической техники при построении нормы.

¹ URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 24.02.2014).

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 23.12.2010 № 31) // СПС КонсультантПлюс.

³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. 03.12.2013 № 33) // СПС КонсультантПлюс.

А.А. Примак,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. введена уголовная ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ. Данным законом осуществлена попытка уголовно-правового противодействия распространению появляющихся психоактивных веществ, которые схожи по физиологическому воздействию на организм человека с подконтрольными веществами, но не включенных в систему запрета. Специфика изготовления подобных веществ вынуждает государство принимать меры, способные оперативно реагировать на их распространение. Отсутствие такого правового механизма может привести к негативным последствиям их распространения, которые мы наблюдали в последнее время. Только по данным прессы, в России были зафиксированы более ста случаев потребления так называемых спайсов, приведших к летальному исходу.

Однако включение статьи 234.1 УК РФ в сложную материю уголовного антинаркотического законодательства может вызвать определенные проблемы, которые требуют унифицированного понимания, обеспечивающего единообразное применение уголовного закона и дальнейшее его совершенствование.

Прежде всего это касается определения предмета преступного посягательства. Алгоритм установления новых потенциально опасных психоактивных веществ предполагает соотношение этих веществ с другими подконтрольными средствами (веществами). Другими словами, о новом потенциально опасном психоактивном веществе можно говорить лишь тогда, когда они не рассматриваются в качестве наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов, сильнодействующих и ядовитых веществ. Наибольшие сложности может вызвать соотношение данных веществ с аналогами наркотических средств или психотропных веществ, обладающих значительной группой признаков,¹ значит, каждый из которых требует установления.

Вместе с тем, как любое подконтрольное средство, являющееся предметом уголовно наказуемого оборота, новые потенци-

ально опасные психоактивные вещества должны обладать, исходя из смысла Федерального закона от 03 февраля 2015 г. № 7-ФЗ, следующими признаками, подлежащими отражению правоприменителем в процессуальных документах:

1) вещества синтетического или естественного происхождения. Овеществленность данного предмета означает, что изучаемая субстанция характеризуется всеми физическими признаками определенного вещества (вес, размер, цвет и пр.). Естественность происхождения предполагает, что данное вещество имеет природные свойства сырья, исключаящие производство с ним каких-либо химических реакций или термической обработки. Наличие признаков последних (химической реакции или термической обработки) свидетельствует о синтетическом происхождении вещества. При этом химические реакции могут проводиться как с природным сырьем, так и с ранее полученным искусственным сырьем²;

2) вещества, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен (далее – Реестр). Включение в Реестр конкретного вещества означает, что оно характеризуется медицинскими, социальными и правовыми свойствами. Они в своей совокупности свидетельствуют, что такие вещества способны вызвать у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасного для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. Именно эти свойства предопределяют помещение конкретного вещества в Реестр. Для правоприменения это означает, что предметом преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ, может быть только такое новое потенциально опасное психоактивное вещество, которое содержится в Реестре. Термин «новое» не должен вводить в заблуждение, что конкретное вещество впервые попало в сферу правового реагирования. В соответствии с действующей редакцией Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» в Реестр могут быть включены федеральным органом исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ новые потенциально опасные психоактивные вещества, сведения о потреблении которых получены определенными должностными лицами (органов прокуратуры, Следственного комитета, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов внутренних дел, таможенных ор-

ганов, органов федеральной службы безопасности) и подтвержденные результатами медицинского освидетельствования лица, находящегося под воздействием такого вещества. Лишь после включения в Реестр конкретного вещества оно может стать предметом преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ.

Рассматривая предмет исследуемого посягательства, следует указать, что ни минимальная граница, ни размер нового потенциально опасного психоактивного вещества не установлены, соответственно, не влияют на уголовно-правовую квалификацию. Безусловно, указанный аспект, с одной стороны, облегчает правоприменение, но с другой – не позволяет адекватно дифференцировать и индивидуализировать уголовную ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ.

Объективная сторона данного преступления сконструирована по правилам формального состава. Преступление окончено с момента фактического совершения любого альтернативного действия, указанного в диспозиции нормы. Вместе с тем следует учитывать, что последствия, предусмотренные ч.ч. 2 и 3 ст. 234.1 УК РФ, характеризующиеся неосторожной виной, переводят квалифицированные составы этого преступления в материальный, момент окончания которого соотносится с фактом наступления последствий. Причинение тяжкого вреда здоровью человека или наступление смерти должны находиться в причинной связи с незаконными действиями (производством, изготовлением, переработкой, хранением, перевозкой, пересылкой, приобретением, ввозом или вывозом с территории Российской Федерации и сбытом) с новыми потенциально опасными психоактивными веществами. Логический анализ действий, составляющих уголовно наказуемый оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ, позволяет утверждать, что последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека или наступления смерти могут быть обусловлены лишь сбытом таких веществ.

По уголовно-правовому содержанию действия, составляющие незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ аналогичны действиям, составляющим незаконный оборот других подконтрольных веществ. Вместе с тем свойства предмета преступного посягательства, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ, обуславливают специфику определенных действий. В частности, переработка новых потенциально опасных психоактивных веществ возможна только из тех веществ, которые уже включены в Реестр, поэтому совершение химических или термических манипуляций с

веществами, которые не включены в Реестр, в том числе и с теми, которые в период расследования уголовного дела данной категории уже вошли в Реестр, не образует переработку, а требует квалификации как изготовление нового потенциально опасного психоактивного вещества.

Отмечая особенности ввоза на территорию Российской Федерации и вывоза с территории Российской Федерации новых потенциально опасных психоактивных веществ, следует указать, что данные понятия должны соответствовать таможенным правилам перемещения подконтрольных веществ. Вместе с тем указание на перемещение этих веществ отсутствует как в таможенном законодательстве, так и в пограничных правилах, определяющих перемещение новых потенциально опасных психоактивных веществ внутри таможенной территории, но через государственную границу стран, образующих таможенный союз. С учетом того, что диспозиция данной нормы является бланкетной, следует констатировать невозможность ее применения в этой части без установления таких правил.

При применении уголовного законодательства о незаконном обороте новых потенциально опасных психоактивных веществ следует учитывать законодательные положения об обратной силе уголовного закона. Вменение ст. 234.1 УК РФ по незаконному обороту конкретного вещества по времени может иметь место только тогда, когда новое потенциально опасное психоактивное вещество будет включено в Реестр. Предшествующие этому времени действия находятся вне уголовно-правового реагирования. Также необходимо учитывать и правила об обратной силе уголовного закона и тогда, когда конкретное новое потенциально опасное психоактивное вещество будет перемещено из Реестра в Список веществ соответствующим санитарно-эпидемиологическим требованиям либо мерам контроля за его оборотом, которое должно осуществиться не позднее двух лет со дня включения вещества в Реестр. Если незаконные действия с новым потенциально опасным психоактивным веществом будут обнаружены после того, как оно будет помещено в соответствующий Список, данное деяние следует квалифицировать по ст. 234.1 УК РФ, поскольку в ней установлена наиболее мягкая санкция.

Нельзя обойти вниманием отсутствие регламентации ответственности за хищение или вымогательство нового потенциально опасного психоактивного вещества. По опыту изучения уголовных дел о незаконном обороте сильнодействующих веществ можно предположить, что практика здесь сложится по трем направлениям. В одних регионах хищение новых потенциально опасных психоак-

тивных веществ могут квалифицировать как хищение чужого имущества, в других – как незаконное приобретение этого вещества, конечно же при наличии цели сбыта, в третьих будет констатироваться отсутствие уголовно-правовой оценки. На наш взгляд, подобные действия сегодня образуют состав незаконного приобретения новых потенциально опасных психоактивных веществ. Вместе с тем следует указать, что данная уголовно-правовая оценка не отражает истинной общественной опасности такого деяния, которое может быть устранено лишь законодательным путем в виде установления уголовной ответственности за хищение или вымогательство новых потенциально опасных психоактивных веществ.

¹ См. подр.: Гордеев Р.Н. Предмет наркопреступления и связанные с ним проблемы квалификации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1 С. 22-29.

² См., напр.: Табаков А.В. Криминалистические классификации наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов по основаниям, связанным с технологией их изготовления // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2008. № 1(30). С. 30.

П.В. Тепляшин,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТАКСОНОМИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Криминологические исследования наркопреступности демонстрируют крайне широкий «разброс» ее терминологических и содержательных характеристик. В частности, в криминологии отсутствует терминологическая конвенция относительно таких категорий, как «наркопреступность», «преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков», «организованная наркопреступность», «транснациональная наркопреступность». Думается, одна из причин лежит в слабой разработанности методологических основ существования данного вида преступности. Выход видится в разработке методологических основ выделения данного вида преступности путем обращения к таксономической парадигме струк-

туры преступности, а именно ее классификационным и типологическим характеристикам.

Предварительно необходимо отметить, что феномен преступности выступает предметом исследования различных областей знаний и наук, но только криминология охватывает проблему преступности в целом. Криминология исследует преступность как объективно существующее в обществе негативное вредоносное явление, связанное с другими социальными явлениями, имеющее свои закономерности и тенденции, требующее специфических форм и методов противодействия и контроля. Выступая центральным элементом предмета криминологии, понятие преступности всегда определяло объем и границы научного поиска в сложном криминологическом комплексе многообразных явлений и процессов социальной жизни.

Практика криминологических исследований направлена на формирование картины соответствующих общественно опасных деяний, выделение их в единую и относительно обособленную классификационную группу, понимание особенностей которой может стать основой для построения эффективной системы мер профилактики преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Это приводит к необходимости обращения к классификационным основаниям выделения наркопреступности в самостоятельную группу, что, в свою очередь, требует использование положений таксономической теории.

Теоретические основы исследования и обоснования наркопреступности тесно связаны с выстраиванием соответствующего методологического обоснования выделения рассматриваемого вида преступности. Таким образом, обусловленность выделения наркопреступности сопряжена с методологическими аспектами таксономии как общенаучной теории классификации. Область таксономических знаний способствует преодолению существующих недостатков юридического формализма, поскольку криминология в ее доктринальном смысле ограничивается лишь охватом имеющегося в реальной действительности правового и фактологического материала. Однако в настоящее время отсутствует теоретическая «спайка» доктринальной систематизации с практическими и правоприменительными задачами профилактики преступности, что может быть восполнено с построением различного рода таксономий. Ведь квинтэссенция юридического формализма препятствует реализации идей детерминизма и всеобщей обусловленности явлений и процессов окружающей действительности.

Обращение в криминологии к общенаучной теории классификации не является новацией, хотя данная область научных изысканий разительно отстает от ее аналога в цивилистической науке. Так, П.А. Кабанов обоснованно отмечает, что в криминологии давно назрела необходимость в научной классификации и систематизации криминологических знаний о преступности.¹ Ю.В. Новикова аргументированно показывает нерешенность вопроса о классификации криминологических характеристик преступлений, несмотря на наличие большого количества криминологических рекомендаций по предупреждению отдельных видов преступлений. По ее мнению, существующие в криминологической литературе классификации криминологических характеристик не охватывают всего их многообразия и в большинстве случаев, к сожалению, сгруппированы не по единым основаниям, что противоречит формально-логическим правилам классификации.²

Среди методов научного поиска систематизация, типологизация и классификация выступают широко применяемыми междисциплинарными средствами обнаружения сущности явлений. Реализация указанных методов применимо к анализу разнородной и дискретно находящихся по отношению друг к другу объектов исследования. Это приводит к обнаружению типовой общности при их описании в определенном порядке. Выделение и определение места наркопреступности в структуре всей преступности и ее отдельных видов не может иметь только «технический» характер, а предполагает методологически выверенный подход. Кроме того, скрупулезное описание объектов определенной предметной области не позволяет рассматривать этот процесс как их классификацию, так как «классификацию отличает от самого точного и совершенного описания наличие трех отчетливо обозначенных структурных элементов: множества установленных групп подобных объектов; оснований, по которым объекты объединяются в группы; принципа или закона, согласно которому все группы соединяются, организуются в единую систему»³.

Как представляется, наркопреступность необходимо рассматривать в трех основных аспектах:

- 1) как посягательства на здоровье населения;
- 2) как преступления против установленного порядка оборота наркотиков;
- 3) как общественно опасные деяния, образующие и (или) «вплетенные» в криминальный бизнес.

Также важно заметить, что особенностью исследований, посвященных вопросам предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выступает отсутствие их операционного определения, что порождает определенную аморфность предмета исследования, размывает границы понятия наркопреступности и создает презумпцию терминологической и сущностной(!) неочевидности мер противодействия (воздействия, предупреждения, профилактики, противодействия, контроля) наркопреступности.

Вектор восстановительных «работ» здесь должен быть направлен на обоснование того факта, что наркопреступность имеет четко очерченную конфигурацию, которая сохраняет свои параметры даже в условиях «броуновского движения» составляющих данный вид преступности общественно опасных деяний. Исследуемому виду преступности характерна определенная периодичность совершения соответствующих видов преступлений, логичная связка с организованной, транснациональной, коррупционной и террористической преступностью, вполне материализованная структура, динамика и последствия. Не случайно директор ФСКН России В.П. Иванов в докладе на заседании Правительства Российской Федерации 20 ноября 2014 г. отметил, что 65% всех преступлений в стране связаны с наркотиками.⁴ Поэтому образующие ее преступления являются элементами как определенной преступной деятельности – наркобизнеса, так и симптоматичными проявлениями дефектов общественного развития.

Эффективность профилактики наркопреступлений зависит от ориентированности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков не на обособленное воздействие на отдельные общественно опасные деяния, а на предупреждение всей группы преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также контроль за легальным оборотом наркотиков. Важно заметить присутствие «эффекта домино» в наркопреступности, то есть наличие тесной криминальной причинно-следственной связи не только между административными правонарушениями и общественно опасными деяниями, но и между сферой незаконного оборота наркотиков и иными областями криминальной активности.

Таким образом, инструменты таксономического изучения правовой и фактической действительности в сфере незаконного и легального оборота наркотиков позволяют выделить ее системообразующий сегмент – относительно обособленную совокупность специфической группы общественных отношений, существующих

и возникающих по поводу предложения и спроса на наркотики, субъектов, предмета таких отношений и их дискретное соподчинение. В связи с этим необходимо отметить, что весьма специфическая, требующая баланса карательной и гуманистической деятельности задача государства по минимизации предложений и спроса на наркотики обуславливает использование иной терминологической линейки, нежели традиционно принятая в криминологии, а именно отход от оперирования такими категориями, как «борьба», «профилактика», «предупреждение», «воздействие», и реальное возведение на новый методологический, практический и идеологический уровень функции государства и общества по контролю за оборотом наркотиков.

¹ Кабанов П.А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 1-2. С. 25-26.

² Новикова Ю.В. Основания систематизации криминологических характеристик преступности (преступлений) // Российский следователь. 2012. № 8. С. 22-23.

³ Субботин А.Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. С. 28.

⁴ Правительство России. Заседания Правительства. URL: <http://government.ru/meetings/15739/stenograms/#ivan>.

Д.А. Гарбатович,

кандидат юридических наук, доцент
Челябинский филиал Университета
Российской академии образования

ЗАВИСИМОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Преступность как социальное явление зависит от множества общественных факторов, ее показатели детерминированы социальными условиями и причинами. В то же время количественные и качественные показатели преступности внутри этого общественного опасного явления жестко взаимозависимы, например, уровень насильственной преступности зависим от уровня корыстной преступности, уровень рецидивной преступности – от уровня преступности в местах лишения свободы и т.д. Помимо того, что виды преступности оказывают друг на друга определенное влияние, в рамках отдельной

преступности (ее вида) соответствующие качественные и количественные показатели также имеют соответствующую подчиненность.

Рассмотрим посредством корреляционного анализа зависимость некоторых показателей преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – сокращенно «наркотиков»).

Рассчитаем коэффициент корреляции между количеством выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и количеством выявленных тяжких и особо тяжких указанных преступлений, а также преступлений, совершенных в отношении наркотиков в крупном и особо крупном размерах.

Таблица 1

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
И ИХ АНАЛОГОВ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ¹

Год	Количество выявленных преступлений	Раскрыто	Выявлено лиц, совершивших преступления
2003	181688	-	-
2004	150096	-	-
2005	175241	-	-
2006	212019	141446	91813
2007	231218	155573	104794
2008	136565	91978	72747
2009	238523	160190	116295
2010	222564	146242	112109
2011	215214	137762	109152
2012	218974	141187	115214
2013	231462	138796	117912

«-» – нет данных

Таблица 2

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
И ИХ АНАЛОГОВ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ

Год	Количество выявленных тяжких и особо тяжких преступлений	Преступления, совершенные в крупном размере	Преступления, совершенные в особо крупном размере
2003	82943	-	-
2004	99732	70161	25754
2005	134988	54717	30746
2006	152824	78302	41247
2007	158286	92038	48963
2008	84869	65728	28540
2009	154561	104104	59677

Продолжение таблицы 2

2010	154218	96401	63864
2011	150727	93664	71327
2012	152118	94701	79803
2013	165882	92718	-

«-» – нет данных

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2003 по 2013 г., табл. 1 и 2) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и количеством тяжких и особо тяжких преступлений указанного вида составляет + 0,88 (связь корреляции прямая, сильная).

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2004 по 2013 г., табл. 1 и 2) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в крупном размер, составляет + 0,84 (связь корреляции прямая, сильная).

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2004 по 2012 г., табл. 1 и 2) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в особо крупном размер, составляет + 0,77.

Чем больше выявляется в год преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, тем больше в году выявляется количество тяжких и особо тяжких преступлений указанного вида, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в крупном и особо крупном размерах (связь корреляции прямая, сильная).

На основе указанных коэффициентов можно сделать вывод, что в работе правоохранительные органы нацелены на выявление тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в крупном и особо крупном размерах.

Преступления, связанные с наркотическими средствами в крупном и особо крупном размерах, непосредственно выражаются в таких деяниях, как производство и пересылка наркотических средств.

Рассчитаем коэффициент корреляции между количеством выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в особо крупном размерах, и количеством выяв-

ленных преступлений, связанных с производством и пересылкой наркотиков.

Таблица 3

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
И ИХ АНАЛОГОВ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ

Год	Количество выявленных преступлений, связанных с производством	Количество выявленных преступлений, связанных с пересылкой	Количество выявленных преступлений, связанных со сбытом
2003	-	-	-
2004	51	138	79902
2005	124	261	110310
2006	66	485	123127
2007	87	537	125715
2008	19	95	62520
2009	98	739	124789
2010	69	990	113607
2011	88	2196	103980
2012	85	1882	101475
2013	96	1744	108874

«-» – нет данных

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2004 по 2012 г., табл. 2 и 3) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в особо крупном размере, и количеством преступлений, связанных с производством, составляет + 0,34 (связь корреляции прямая, средняя). С ростом выявленных преступлений, связанных с наркотическими средствами в особо крупном размерах, происходит незначительный рост количества выявленных преступлений, связанных с производством наркотиков. Жесткой зависимости между указанными преступлениями нет.

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2004 по 2012 г., табл. 2 и 3) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в особо крупном размере, и количеством преступлений, связанных с пересылкой, составляет + 0,91 (связь корреляции прямая, сильная). С ростом выявленных преступлений, связанных с наркотическими средствами в особо крупном размерах, увеличивается количество выявленных преступлений, связанных с пересылкой наркотиков. Жесткая зависимость между указанными преступ-

лениями существует. Пересылка наркотических средств чаще осуществляется в крупном и особо крупном размерах.

Предположительно: если увеличивается количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в крупном и особо крупном размерах, количество наркотических средств, психотропных веществ на «потребительском рынке», непосредственно реализуемого посредством сбыта, должно уменьшаться, что также должно сказываться на уменьшении количества выявляемых преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Рассчитаем коэффициент корреляции между количеством выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в крупном и особо крупном размерах, и количеством преступлений, связанных со сбытом наркотиков.

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2004 по 2013 г., табл. 2 и 3) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в крупном размере, и количеством преступлений, связанных со сбытом, составляет + 0,51. Следовательно, чем больше выявляется в год указанных преступлений связанных с наркотическими веществами в крупном размере, также увеличивается выявляемость преступлений, связанных со сбытом наркотиков (связь корреляции прямая, средняя).

Коэффициент корреляции (вариационные ряды – данные о преступлениях с 2004 по 2012 г., табл. 2 и 3) между выявленным количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в особо крупном размере, и количеством преступлений, связанных со сбытом, составляет + 0,41. Чем больше выявляется в год преступлений связанных с наркотическими веществами в особо крупном размере, также увеличивается выявляемость преступлений, связанных со сбытом наркотиков (связь корреляции прямая, средняя).

Как видим, увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в крупном и особо крупном размерах, не сказывается на уменьшении в официальной статистике преступлений, связанных со сбытом наркотиков. Подобную взаимосвязь можно объяснить тем, что на сегодняшний день преступления, связанные с наркотрафиком в крупном и особо крупном размерах, характеризуются высокой степенью латентности, рынок перенасыщен наркотическими средствами, психотроп-

ными веществами и их аналогами. Даже ежегодный рост количества выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в крупном и особо крупном размерах, в итоге не сказывается на официальном уменьшение количества выявленных преступлений, связанных со сбытом наркотиков.

¹ Здесь и далее: Статистика МВД России. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics>.

К.Ф. Малый

Управление аппарата Государственного
антинаркотического комитета
по Дальневосточному федеральному
округу

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АНАЛИЗА ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ИТОГОВОЙ ОЦЕНКИ НАРКОСИТУАЦИИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одной из задач Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года является осуществление постоянного контроля масштабов распространения и незаконного потребления наркотиков в Российской Федерации. Ключевая роль в решении указанной задачи отводится проведению мониторинга общественно-политических и социально-экономических процессов в субъекте Российской Федерации, оказывающих влияние на развитие ситуации в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; разработке прогноза развития наркоситуации с учетом региональных особенностей; принятию действенных мер противодействия; формированию в регионах эффективных антинаркотических государственных программ.

Цели, задачи и порядок организации мониторинга наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах установлены Положением о государственной системе мониторинга в Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 485.

В соответствии с п. 2 указанного Положения под мониторингом наркоситуации понимается система наблюдения за развитием ситуации в сфере оборота наркотиков и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту, профилактики немедицинского потребления наркотиков, лечения и медико-социальной реабилитации больных наркоманией.

Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (второй пересмотр) утверждены п. 3.3 протокола заседания Государственного антинаркотического комитета от 24 декабря 2014 г. № 26.

Оценка развития наркоситуации в субъекте Российской Федерации (по муниципальным образованиям и в целом) осуществляется по 5 критериям: удовлетворительное, напряженное, тяжелое, предкризисное, кризисное.

Критерии оценки развития наркоситуации определяются по 4 параметрам оценки наркоситуации: масштабы незаконного оборота наркотиков; масштабы немедицинского потребления наркотиков; обращаемость за наркологической медицинской помощью; смертность от употребления наркотиков.

Критерием оценки развития наркоситуации в субъекте Российской Федерации является средняя оценка наркоситуации в субъекте Российской Федерации, которая рассчитывается как среднеарифметическое значение баллов по каждому критерию состояния наркоситуации по 4 параметрам оценки наркоситуации.

Каждому критерию состояния наркоситуации присваиваются баллы от 1 до 5 (удовлетворительное – 1, напряженное – 2, тяжелое – 3, предкризисное – 4, кризисное – 5).

Итоговая оценка наркоситуации в субъекте Российской Федерации определяется согласно следующим пороговым значениям:

- удовлетворительное – менее 1,5;
- напряженное – от 1,5 до 2,5 (не включительно);
- тяжелое – от 2,5 до 3,5 (не включительно);
- предкризисное – от 3,5 до 4,5 (не включительно);
- кризисное – от 4,5 до 5.

Введение в методику мониторинга наркоситуации инструмента итоговой оценки наркоситуации в субъекте Российской Федерации позволяет дать оценку уровня напряженности в регионе в целом. Вместе с тем итоговая оценка зачастую не позволяет оценить динамику изменения наркоситуации в субъекте Федерации.

Так, по данным доклада о наркоситуации в Российской Федерации в 2013 г., утвержденного п. 3.1 протокола заседания Государственного антинаркотического комитета от 25 июня 2014 г. № 24, в 62 из 83 субъектов Российской Федерации (74,7%) итоговая оценка наркоситуации в 2012-2013 годах не претерпела изменений. В 29 субъектах Российской Федерации (34,9%) итоговая оценка наркоситуации остается неизменной на протяжении 3 лет.

Показательным субъектом Российской Федерации в этом отношении является Москва, в которой в 2011-2013 гг. наркоситуация оценивалась как предкризисная. Вместе с тем в по большинству показателей оценки наркоситуации произошло существенное ухудшение обстановки:

- распространенность противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков – рост в 1,5 раза;
- криминальная пораженность – рост в 1,4 раза;
- удельный вес наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступных деяний – рост в 1,5 раза;
- общая заболеваемость наркоманией и обращаемость лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями – рост на 14%;
- первичная заболеваемость наркоманией – рост на 28%;
- смертность, связанная с острым отравлением наркотиками, по данным судебно-медицинской экспертизы – рост в 1,8 раза.

В целях анализа динамики изменения наркоситуации в регионе может выступать непосредственно сама величина итоговой оценки наркоситуации. Так, в Хабаровском крае в 2011-2013 гг. наркоситуация оценивалась как тяжелая, при этом итоговая оценка составляла в 2011 г. 2,9, в 2012 г. – 3,1, в 2013 г. – 3,1.

Вместе с тем при таком способе оценки динамики изменения наркоситуации не учитывается динамика показателей, находящейся в «кризисной зоне», и существенный прирост данных показателей не будет оказывать никакого влияния на величину итоговой оценки. В Хабаровском крае по итогам 2013 г. 4 показателя из 9 оценивались с критерием «кризисная ситуация». Всего в России в 23 субъектах Федерации в трех и более показателях наркоситуация в 2013 году оценивалась как кризисная.

При этом в ряде регионов значения кризисных показателей в два и более раз превышают пороговое значение. Так, в Еврейской автономной области распространенность противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков в 2013 г. составляла 1446,3 при пороговом значении кризисного критерия 500. В Амурской об-

ласти криминальная пораженность в 2013 г. составляла 339 при пороговом значении кризисного критерия 142. В Сахалинской области общая заболеваемость наркоманией и обращаемость лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями в 2013 г. составляла 1189,1 при пороговом значении «кризисного» критерия 582. В данном случае снижение указанных показателей, доходящее до 50-60%, также не будет оказывать влияние на итоговую оценку наркоситуации.

В связи с этим в целях анализа динамики изменения наркоситуации в субъекте Российской Федерации в целом представляется целесообразным введение дополнительного инструментария такого анализа.

Базовым показателем для проведения подобного анализа может стать удельный вес роста/снижения показателей наркоситуации от порогового кризисного значения. Например, в регионе распространенность противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков в 2012 г. составляла 600, в 2013 г. – 660. Пороговое кризисное значение по данному показателю наркоситуации в соответствии с Методикой составляет 500. Таким образом, удельный вес прироста показателя (60) от порогового кризисного значения составляет +12%.

В дальнейшем данный удельный вес динамики изменения от порогового кризисного значения рассчитанный по каждому показателю наркоситуации переводится в баллы. При значении от -1% до +1% (0 баллов), при значении от +2% до +9% (1 балл), от +10% до +19% (2 балла) и так до диапазона от +80% до +89% (9 баллов), при значении свыше +100% присваивается 10 баллов. Аналогичные диапазоны устанавливаются при снижении показателя от -2% до -9% (-1 балл) и так далее.

Полученная сумма баллов в дополнение к итоговой оценке наркоситуации по региону будет характеризовать динамику изменения наркоситуации.

Пороговыми значениями в данной случае могли бы служить

Менее -10 баллов	Значительное улучшение наркоситуации
От -9 до -5 баллов	Улучшение наркоситуации
От -4 до -1 баллов	Тенденция к улучшению наркоситуации
0 баллов	Стабилизация наркоситуации
От 1 до 4 баллов	Тенденция к ухудшению наркоситуации
От 4 до 9 баллов	Ухудшение наркоситуации
Более 10 баллов	Значительное ухудшение наркоситуации

По предложенному варианту произведен расчет динамики изменения наркоситуации в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа в 2012-2013 годах.

Субъект РФ	Итоговый балл и критерий оценки 2012 г.	Итоговый балл и критерий оценки 2013 г.	Баллы динамики	Динамика
Республика Саха (Якутия)	Напряженное 2,1	Напряженное 1,5	-1	Тенденция к улучшению наркоситуации
Камчатский край	Тяжелое 2,9	Напряженное 2,4	-6	Улучшение наркоситуации
Приморский край	Предкризисное 3,7	Предкризисное 4,0	15	Значительное ухудшение наркоситуации
Хабаровский край	Тяжелое 3,1	Тяжелое 3,1	1	Тенденция к ухудшению наркоситуации
Амурская область	Предкризисное 3,5	Предкризисное 3,5	1	Тенденция к ухудшению наркоситуации
Магаданская область	Тяжелое 2,5	Тяжелое 2,6	6	Ухудшение наркоситуации
Сахалинская область	Предкризисное 3,6	Тяжелое 3,0	-3	Тенденция к улучшению наркоситуации
ЕАО	Напряженное 2,4	Напряженное 2,4	1	Тенденция к ухудшению наркоситуации
ЧАО	Напряженное 2,2	Напряженное 1,6	-12	Значительное улучшение наркоситуации

Безусловно, предложенная методика анализа динамики изменения наркоситуации в регионе должна стать предметом более глубокого научного осмысления и апробирования на большем фактическом материале, в первую очередь, в целях определения оптимальных пороговых значений и возможной корректировки базового показателя оценки динамики наркоситуации. При этом представляется бесспорным необходимость дальнейшего совершенствования Методики мониторинга наркоситуации в целях более объективной оценки развития наркоситуации в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях.

А.А. Кашкаров,

кандидат юридических наук
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России

И.А. Доборез,

кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского
университета правосудия

НАРКОМАНИЯ КАК ФОНОВОЕ ЯВЛЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Еще в XIX в. Ч. Ломброзо в работе «Преступный человек» отмечал: «Без сомнения, все вещества, ненормальным образом возбуждающие головной мозг, рано или поздно приведут к преступлению, самоубийству или сумасшествию...»¹. Таким образом, употребление разного рода стимулирующих средств приводит к изменению поведения человека, такого рода изменения могут носить разный характер, но чаще всего – негативный.

Одним из наиболее распространенных видов девиантного поведения является наркомания, которая представляет собой серьезную угрозу для национальной безопасности.² Как показывают статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, количество преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, возросло с 11 513 преступлений в 2010 г. до 25 221 в 2013 г.³ Ученые постоянно акцентируют внимание на тесной взаимосвязи между совершением насильственных преступлений, в том числе убийств, и употреблением наркотических веществ. Результаты исследований показывают, что от 60 до 90% насильственных преступлений совершаются в состоянии опьянения (алкогольного либо наркотического).⁴

Рассматривая наркоманию как фактор роста преступности в обществе, можно проследить основные направления связи этих двух социальных явлений: 1) провокационная – находясь в состоянии наркотического возбуждения, наркоманы склонны к совершению агрессивных действий, в том числе и преступного характера; 2) мотивационная – для получения наркотиков для очередной дозы наркоманы совершают корыстные или корыстно-насильственные преступления; 3) виктимная – находясь в наркотическом состоянии, лица становятся потенциальной и легкой «добычей» для преступников и др.⁵.

Употребление наркотиков само по себе не формирует новую личность и ее новые черты, а лишь обостряет те, которые ей при-

сущи, снижают уровень культуры отдельных людей, в целом ускоряет их деградацию, способствует формированию антиобщественных взглядов и представлений и т.д. Наркотические средства, психотропные вещества, как и алкоголь, снимают тормозящую функцию коры головного мозга, усиливают сексуальную агрессивность и вызывают неестественные желания.

Злоупотребление наркотическими средствами влияет не только на физиологическое, но и на психическое состояние человека, а также негативным образом влияет на ориентацию личности в обществе, тормозит интеллектуальные реакции при принятии поведенческих практик. Лица, страдающие данными заболеваниями, образуют группу криминального риска, поскольку повышена агрессивность, снижен порог самокритики и расширение круга дозволенного, что не обязательно, но с большой степенью вероятности толкают человека к нарушению закона. Выключая внутренние «предохранители», ограничители и высвобождая дремлющую в агрессивность, наркотики могут приводить к совершению насильственных действий, в том числе и сексуального характера, реализация которых в трезвом состоянии в результате сознательного контроля была бы недопустима. Степень влияния наркотического опьянения на девиантное поведение человека обуславливается наличием или отсутствием физиологической и психической зависимости от наркотических средств, уровнем его психической и социальной деградации, а также расстройствами нервной системы, патологией внутренних органов, нарушением обмена веществ, болезнями и т.д.. Наркотические средства не только снижают самоконтроль и самокритичность поступков, но и обостряют психосоматические заболевания. Сексуальные нарушения диагностируются примерно у 85% наркоманов. Причина этих нарушений скрывается в проблемах выработки в организме эндоморфина, тестостерона. У лиц, страдающих наркотическими психозами, нередко наблюдается импотенция, но половое влечение сохраняется, в результате – диссонанс между желаемым и действительным, порождающий агрессию.⁶

Исследование, проведенное С. Старович, выявило, что взаимозависимость между алкоголизмом и наркоманией и сексуальными расстройствами обуславливается тем, что: 1) затруднения в сексуальной жизни подталкивают алкоголиков и наркоманов к бегству от сексуальных проблем в алкогольное или наркотическое опьянение и провоцируют дальнейшее потребление алкоголя и наркотиков; 2) наркомания и алкоголизм приводят к патологии сексуального партнерства, в свою очередь, способствуют развитию и закреплению индивидуальных сексуальных дисфункций и могут прово-

цировать дальнейшую алкоголизацию и наркотизацию; 3) алкогольная или наркотическая деградация личности способствует возникновению, развитию и закреплению сексуальных девиаций и нередко приводит к совершению сексуальных преступлений и др.⁷ Также роль алкоголизма и наркомании в детерминации сексуальных убийств обуславливается взаимосвязью употребления алкоголя и наркотиков с развитием имеющихся у индивида психических аномалий, при определенных условиях имеющих криминогенное значение.⁸ Так, органическое поражение головного мозга любой этиологии вызывает затруднение работы тех мозговых центров, которые обуславливают сексуальную патологию. Психические изменения, возникшие в результате раннего органического поражения головного мозга, обычно протекают с расстройством полового влечения, при неблагоприятных социально-бытовых обстоятельствах служат благоприятной почвой для совершения насильственных преступлений, в том числе и сексуального характера.

В большинстве случаев преступники этой группы имеют преждевременное сексуальное развитие, что обуславливает психологические аномалии. Это объясняется тем, что наркотически активные вещества усиливают у лиц, их употребляющих, возбудимость, эмоциональную напряженность, расторможенность полового влечения, снижают моральное содержание, тем самым склоняя к совершению насильственных преступлений, в том числе и сексуального характера.

Говоря о роли наркомании в детерминации насильственных преступлений, в том числе и сексуального характера, нельзя не отметить роль данных явлений с криминологической точки зрения. Употребление наркотиков жертвой преступления является существенным криминогенным фактором, так как снижение самоконтроля жертвой (потерпевшим) способствует совершению преступлений, а в некоторых случаях во многом откровенно провоцирует поведение преступника, стимулирует сексуальную агрессию со его стороны и значительно облегчает реализацию преступного намерения.

Таким образом, исследование роли наркомании в детерминации сексуальных преступлений показало, что указанные факторы оказывают существенное негативное влияние не только на физиологическое, но и на психическое состояние человека, а также негативным образом отражается на ориентации личности. Роль наркомании в детерминации сексуальных преступлений обуславливается прежде всего взаимосвязью употребления наркотиков с сексуальными расстройствами и развитием имеющихся у индивида психи-

ческих аномалий, в частности развития психопатий и психопатологий личности, что при определенных условиях имеют криминогенное значение.

Учет роли и механизма влияния указанного фактора в детерминации преступлений сексуального характера, на наш взгляд, позволит разработать соответствующие адекватные и эффективные меры противодействия этому негативному явлению.

¹ Ломброзо Ч. Преступный человек : пер. с итал. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С.56.

² Наркотизация общества как угроза российской государственности (философско-политологический анализ) : монография / Б.Беляков и др. М.: МосАП. 2014. С.17.

³ Выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

⁴ Антонян Ю. М. Психология убийства. М. : Юрист, 1997. С.40.

⁵ Кримінологія. (Загальна частина) : підручник / кол. авт. А.Б. Блага та ін.; за заг. ред. О.М. Бандурки. Харків: Вид-во ХНУВС, 2010. С.99-100.

⁶ Кононенко В.И., Маляренко В.Т. Пьянство и преступность. К. : Политиздат Украина, 1988. С.130.

⁷ Старович З. Судебная сексология : пер. с польск. М. : Юрид. лит., 1991. С.14-16.

⁸ Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Спарк, 1998. С.14.

А.З. Килин

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Е.В. Любая

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ И ТЕНДЕНЦИЯХ РЕЦИДИВНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Анализ складывающейся на территории Красноярского края правоприменительной практики показывает, что рецидивная преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ по-прежнему является одним из генери-

рующих факторов, негативно влияющих на состояние оперативной обстановки по линии наркопреступности.

За 2014 г. правоохранительными органами на территории края привлечены к уголовной ответственности 3026 лиц (+4,5%), совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, из них 1790 человек (+9,4%) – ранее судимы.

Непосредственно Управлением ФСКН России по Красноярскому краю (далее – Управление) привлечены к уголовной ответственности 1220 человек, с увеличением доли лиц, ранее совершавших преступления, на 22% (с 583 чел. до 711 чел.). При этом 437 человек ранее уже привлекались к уголовной ответственности за наркопреступления.

Подразделениями наркоконтроля края выявлены 242 человек (в 2013 г. – 288), которые к уголовной ответственности привлекались два и более раза, 73 – за повторные преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Практически в два раза (с 19 в 2013 г. до 34 в 2014 г.) возросло число лиц, совершивших преступления в первый год после освобождения из мест лишения свободы. При этом из числа задержанных ранее судимых лиц 80% не имели постоянного источника дохода.

За последние два года Управлением выявлены 182 человека, как ранее совершавших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, так и повторно привлекавшихся к уголовной ответственности за имущественные, корыстно-насильственные преступления.

Анализ статистических данных по категориям лиц, привлеченных в 2013-2014 гг. к уголовной ответственности, показал, что негативная динамика по количеству совершенных повторных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков складывается за счет большей доли их совершения в первую очередь ранее судимыми лицами в группе по предварительному сговору, в составе ОПГ, ОПС, лицами цыганской народности, иностранными гражданами, а также осужденными к условному сроку наказания и условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы.

В частности, Управлением за 2014 г. привлечены к уголовной ответственности 69 ранее судимых лиц, совершивших наркопреступления в составе организованной группы (в 2013 г. – 42 чел.), 5 – в составе преступного сообщества (в 2013 г. – 0), 151 – в составе группы лиц по предварительному сговору (в 2013 г. – 138).

На состояние рецидивной наркопреступности в крае негативное влияние оказывает активное вовлечение в незаконный оборот наркотиков представителей цыганских диаспор.

В течение двух последних лет к уголовной ответственности Управлением привлечены к ответственности 165 лиц цыганской народности, участвовавших непосредственно в сбыте наркотиков (с изъятием 34 кг героина), 103 (62,4%) из которых ранее уже привлекались к уголовной ответственности, в том числе за совершение аналогичных преступлений, 60% из них женщины (98 чел.), большинство освобождены из мест лишения свободы условно-досрочно.

Определенное негативное влияние на состояние рецидивной наркопреступности оказывают иностранные граждане, лица без гражданства, причастные к незаконному потреблению и обороту наркотиков, в том числе отбывшие наказание за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

В октябре 2014 г. под г.Красноярском Управлением задержан гражданин Республики Таджикистан А., у которого обнаружено и изъято 989 граммов героина. Ранее, в 2005 г., А. был осужден Центральным районным судом г. Красноярска за контрабанду наркотических средств к 13 годам 6 месяцам лишения свободы. В ноябре 2013 г. Богучанским районным судом освобожден условно-досрочно (неотбытый срок 3 года 5 месяцев), но за пределы Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством своевременно выдворен не был.

Складывающаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что на уровень рецидивной наркопреступности продолжает негативно влиять условно-досрочное освобождение (УДО) лиц, не вставших на путь исправления. За 2014 г. наибольшее количество положительных решений по удовлетворению ходатайств об УДО вынесены (с учетом территориального расположения исправительных учреждений) Емельяновским (КП-14, п.Тамтачет; ИК-5, 35 ФКУ ОИК-36, СИЗО-6), Свердловским и Советским (соответственно КП-19 и ИК-31), Богучанским (ИК-42, 43, 44 ФКУ ОИУ– 26), Кежемским (ФКУ ОИУ-1), Норильским (ИК-15 и КП-20 ФКУ ОНК-30 и СИЗО-4), Сосновоборским (КП-39 и ЛИУ-37 ФКУ ОИК-40) горрайсудами (более 100 каждым).

Вместе с тем, благодаря глубокому, системному анализу¹, координации этой работы, повышению качества подготовки материалов и всестороннего их рассмотрения, в 2014 г. из учреждений исполнения наказания края освобождены по УДО осужденных за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на 222 человека меньше, чем в 2013 г. (всего 649). При этом на 9

человек снизилось число ранее судимых, совершивших преступления в период УДО (всего 36 чел.).

Вместе с тем на 67,7% увеличилось количество лиц, освободившихся по УДО и совершивших наркопреступления в группе по предварительному сговору, а также в составе организованных преступных групп (больше, чем в 2013 г., на 21 чел., всего 52 чел.).

Не всегда положительно влияет на уровень рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков институт условного осуждения. В 2014 г. на 14,6% возросло число лиц, вновь совершивших преступления в период отбытия наказания, не связанного с лишением свободы (48 до 55 чел.); более чем в два раза (с 13 до 30 чел.) – ранее освобожденными от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Благодаря правильно выстроенной, по нашему мнению, правоприменительной практике наметилась тенденция снижения количества условных осуждений содержателей притонов, в первую очередь ранее судимых. В частности, из 63 привлеченных Управлением к уголовной ответственности притоносодержателей более 70% приговорены к реальным срокам наказания, связанным с лишением свободы.

Требуется, по нашему мнению, пристального изучения влияние на рецидивную преступность института досудебных соглашений, в первую очередь в отношении членов ОПГ, ОПС. Только в 2014 г. Управлением в ходе предварительного расследования с подследственными заключены 150 досудебных соглашений.

Проведенный анализ правоприменительной практики показывает, что на состояние рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков продолжают негативно влиять следующие факторы:

- значительное количество ранее судимых лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в составе преступных групп, при отбытии наказания не встают на путь исправления, предпринимают попытки освобождения из мест лишения свободы условно-досрочно, с вынашиванием намерений продолжать свою криминальную деятельность;

- противоправная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков в виде преступного промысла лиц из числа цыганской народности (с опорой на лидерство со стороны ранее судимых), с попытками освобождения от уголовной ответственности и наказания условно-досрочно;

- объективные и субъективные трудности по выдворению (депортации) иностранных граждан, лиц без гражданства, в том числе после освобождения, в частности по УДО, осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств;
- возникающие сложности (в условиях рыночной экономики) по трудоустройству лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, в том числе в силу низкой квалификации трудовых навыков;
- отсутствие надлежащей медико-реабилитационной базы и нежелание большей части арестованных (осужденных), являющихся наркозависимыми, пройти курс медицинского лечения, реабилитации, ресоциализации с целью освобождения от наркозависимости.

В целях снижения рецидивной наркопреступности представляется целесообразным:

1) продолжить судебную практику по взвешанному подходу к вопросу досудебных соглашений, соразмерности общественной опасности содеянного со сроками наказания, а также удовлетворению ходатайств об условно-досрочном освобождении в отношении ранее судимых за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков;

2) в целях исключения случаев освобождения по УДО лиц, не вставших на путь исправления, осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, обеспечить тщательное изучение их личностных качеств, всестороннего сбора, оценки характеризующих материалов, с последующим объективным рассмотрением ходатайств в судебном порядке;

3) обеспечить реализацию выработанных мер по взаимному информированию органов наркоконтроля, полиции ОВД, специализированных медучреждений о лицах, освобождающихся из мест заключения и нуждающихся в лечении от наркомании;

4) продолжить комплексную работу по созданию, в том числе на основе отечественного и зарубежного опыта, целостной системы медицинской и социальной реабилитации, ресоциализации осужденных, ранее судимых, страдающих наркозаболеваниями, с развитием службы пробации и адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы;

5) при назначении лицам, употребляющим наркотики, уголовного наказания, не связанного с лишением свободы, обязывать таких лиц (на основе действующего законодательства) пройти лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию;

6) для снижения влияния иностранных граждан на состояние рецидивной наркопреступности в крае, а также для исключения бесконтрольного их пребывания в России выйти с законодательной инициативой о внесении изменений в ст. 299 УПК РФ, включив в перечень вопросов, разрешаемых судом при вынесении приговора, решение о выдворении (депортации) и запрете на въезд.

¹ Килин А.З. О факторах, влияющих на состояние рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. №3. С. 12-16.

А.Ф. Кан

Управление ФСКН России
по Иркутской области

**ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НАРКОТИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
И ИТОГИ МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ ЗА 2014 ГОД**

Результаты анализа оперативной обстановки в сфере незаконного оборота наркотиков за 2014 г. свидетельствуют, что наркоситуация на территории Иркутской области продолжает оставаться сложной как по уровню наркопотребления, так и по степени криминальной активности в сфере незаконного оборота наркотиков.

В незаконном обороте продолжают преобладать наркотики опийной и каннабисной групп. В 3,3 раза возросло количество изъятого из незаконного оборота героина. При этом основная масса лиц, привлеченных Управлением ФСКН России по Иркутской области (далее – Управление) к административной ответственности за потребление наркотических средств без назначения врача, являются потребителями героина (72%).

Изъятия наркотиков каннабисной группы сократились на 38%. Вместе с тем данная группа наркотиков продолжает составлять основной объем в изъятиях. Доля лиц, привлеченных к административной ответственности за потребление каннабисных наркотиков, составляет 15%. Все большее распространение на наркомаркете получают синтетические наркотические средства. В 2014 г. объемы их изъятий увеличились в 19 раз.

Как правило, преступления, связанные с распространением синтетических наркотиков, совершаются посредством сети Интернет, сбыт осуществляется бесконтактным способом. Анализ расследованных уголовных дел свидетельствует о том, что в основном организованные преступные группы, осуществляющие незаконные операции с синтетическими наркотиками, состоят из молодых людей в возрасте 25-35 лет, русских по национальности, граждан России, не работающих, нередко несудимых, являющихся грамотными пользователями ресурсов сети Интернет. Зачастую организатор преступной группы находится в крупных городах (Москва, Новосибирск), а на территории Иркутской области действуют сети розничной торговли.

Правоохранительными органами постоянно регистрируются факты изъятий новых психоактивных веществ (курительных смесей), не включенных в Перечень наркотических средств. Среди психоактивных веществ, изъятых в 2014 г., можно выделить FUB-РВ-22, QСВL-BZ-F, 6MPPA, THG2201, CBL-2201, MMB-2201.

По имеющейся оперативной информации, курительные смеси получили достаточно широкое распространение в городах Иркутск, Ангарск и Братск. Однако по официальной статистике доля потребителей курительных смесей невелика. На наркологическом учете состоят лишь лица, употребляющие опийные наркотики в сочетании с синтетическими, и их доля незначительна (0,6%). В рамках административной практики на потребителей курительных смесей приходится лишь 2%.

Такая ситуация во многом объясняется тем, что для Иркутского областного психоневрологического диспансера в настоящее время затруднительно установление фактов опьянения синтетическими наркотиками. Имеющееся в наркологической службе оборудование не позволяет определять весь спектр находящейся в незаконном обороте синтетики.

Формированию достаточно развитого наркорынка способствует наличие большого количества наркопотребителей, в том числе латентных. О высоком уровне наркопортебительства свидетельствуют следующие индикаторы мониторинга наркоситуации.

Последние три года колеблется между кризисной и предкризисной зонами показатель общей заболеваемости наркоманией и обращаемости лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями. По итогам 2014 г. данный показатель возрос на 1% и составил 585,6 человек в расчете на 100 тыс. населения, что характеризует кризисное состояние. Рост показателя произошел за счет увеличения количества лиц, состоящих на профилактическом учете.

Тяжелая ситуация остается с первичной заболеваемостью наркоманией. И хотя указанный показатель сократился на 8,4%, он продолжает оставаться достаточно высоким – 22,8 человека в расчете на 100 тыс. населения.

При этом проведение масштабных профилактических мероприятий всеми субъектами профилактики, активной работы по направлению наркопотребителей на диагностику, лечение и реабилитацию в рамках реализации положений Федерального закона № 313-ФЗ позволили повысить первичную обращаемость в медицинские учреждения лиц, которые употребляют наркотики. И по итогам 2014 г. данный показатель из зоны, характеризующей напряженную ситуацию, перешел в зону, характеризующую удовлетворительную ситуацию, и составил 54,5 человек в расчете на 100 тыс. населения.

О значительном уровне наркопотребительства свидетельствуют и итоги социологического опроса, проводимого в рамках мониторинга наркоситуации. Так, на вопрос о частоте употребления наркотиков из 2 тысяч опрошенных 29 человек ответили, что употребляют редко, 4 – регулярно, 33 – постоянно, 9 – ежедневно. Таким образом, показатель оценочной распространенности употребления наркотиков составил 3,8%, что характеризует тяжелое состояние.

Из общего количества лиц, ответивших положительно, практически половина потребляют наркотики каннабисной группы, порядка 34% – наркотики опийной группы, около 16% – синтетические наркотические средства.

Высокий уровень распространенности наркомании подтверждается показателями отравлений наркотическими средствами и смертности от передозировки наркотиками.

По данным токсикологического мониторинга, проводимого Управлением Роспотребнадзора по Иркутской области, на протяжении последних лет отмечается рост регистрируемых случаев острых отравлений наркотиками. В 2014 г. зарегистрированы 1833 случая острых отравлений наркотиками, что на 58% выше показателя 2013 г. Наибольшее количество острых отравлений регистрируется в крупных городах – Братск, Иркутск, Ангарск, Черемхово. Рост острых отравлений во многом обусловлен улучшением диагностики и совершенствованием системы учета отравлений.

Стабильно высокой остается доля острых отравлений, когда наркотическое средство, от которого произошло отравление, не установлено (2013 г. – 78%, 2014 г. – 76%). Данный факт можно объяснить как несовершенством взаимодействия между органами рос-

потребнадзора и здравоохранения, так и отсутствием в медицинских учреждениях необходимого оборудования для определения всего спектра синтетических наркотиков, находящихся в незаконном обороте.

Растет и количество смертей от передозировки наркотиками. По данным Иркутского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, в 2014 г. количество смертельных случаев возросло на 63%. По показателю смертности ситуация в области характеризуется как кризисная. В данной связи необходимо отметить, что в истекшем году налажена более быстрая доставка биологического материала умерших из районов области в бюро судебно-медицинской экспертизы города Иркутска, что существенно повысило выявляемость смертей от передозировки наркотиками.

В связи с отсутствием оборудования для определения синтетических психоактивных веществ в трупном материале все смертельные случаи зарегистрированы от отравления опийными наркотиками.

Показатель распространенности противоправных деяний за последние три года остается высоким, хотя имеет тенденцию к сокращению. По итогам 2014 года он составил 489,9 на 100 тыс. населения, что характеризует предкризисную ситуацию.

Высокий уровень распространенности противоправных деяний на территории области соответствует высокому уровню заболеваемости наркоманией.

Криминальная пораженность на протяжении последних лет имеет тенденцию к росту. За 2014 г. данный показатель возрос на 1% и составил 113,8 на 100 тыс. населения, что характеризует состояние как тяжелое.

Находится в зоне, характеризующей тяжелую ситуацию, и имеет тенденцию к росту показатель «удельный вес наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступных деяний». За 2014 г. он составил 6,7% и возрос на 0,3 процентных пункта.

В истекшем году возрос удельный вес лиц, осужденных за совершение наркопреступлений, в общем числе осужденных лиц (в 2013 г. 14,6%, в 2014 г. – 20,1%). И если ранее ситуация по данному показателю характеризовалась как тяжелая, то по итогам 2014 г. – как предкризисная.

Вместе с тем имеет тенденцию к сокращению удельный вес молодежи в общем числе лиц, осужденных за совершение наркопреступлений. По итогам 2014 г. данный показатель сократился на 4,4 процентных пункта и составил 45,6%.

В целом по итогам мониторинга за 2014 г. наркоситуация в Иркутской области продолжает, как и в 2013 г., характеризоваться как предкризисная. Три показателя развития наркоситуации улучшили оценку. Еще три показателя имеют отрицательную динамику – перешли в зоны, характеризующиеся более высокой оценкой.

Необходимо учитывать, что совершенствование системы медицинских учетов, диагностики, налаживание более четкого взаимодействия между ведомствами позволили в 2014 г. сформировать статистику, более объективно отражающую положение с наркопотреблением в Иркутской области. И впоследствии это, а также обеспечение как медицинских, так и судебных учреждений оборудованием для определения синтетических наркотиков, будет способствовать росту медицинских показателей.

Вместе с тем реализация полицейских мер, адекватных сложной ситуации в сфере наркопотребления, повлечет наращивание значений показателей, характеризующих масштаб незаконного оборота наркотиков, и смещение их оценки в зону кризиса.

Таким образом, смещение ряда показателей в зону кризиса свидетельствует о повышении эффективности работы государственных органов именно в этих проблемных направлениях.

В.А. Власов,

кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный
аграрный университет

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ

Распространение наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов – одна из основных социальных проблем в стране, угроза национальной безопасности, здоровью, генофонду нации. Наркотическая агрессия оказывает все более разрушительное воздействие на развитие российского общества. Наркомания не имеет границ и воздействует прежде всего на молодежь.

В сегодняшних реалиях этот социальный порок поражает подростков и детей. Наркомания приводит к увеличению смертности среди молодежи и лишает общество его наиболее активной части. Наркотики способствуют постепенному разрушению орга-

низма: приводят к бесплодию, развитию психических и ряда тяжелых соматических заболеваний, разрушению органов и тканей, способствуют увеличению социально опасных заболеваний (гепатит С, СПИД, заражения крови, ВиЧ-инфекции, ЗППП и других). Кроме того, затраты на лечение и реабилитацию наркоманов и борьбу с распространением наркотиков очень велики.

Российское общество все больше признает преимущества участия молодежи в проведении мероприятий по профилактике наркомании. Эти преимущества не ограничиваются пользой только для самой молодежи, они положительно влияют на все общество в целом. Сеть Интернет в настоящий момент является основным источником информации для молодежи, поэтому Министерство спорта и туризма Российской Федерации реализует ряд проектов профилактической направленности: антинаркотический интернет-портал «НеЗависим»; серия фильмов «Черное и белое» о смертельной опасности потребления наркотиков.

Широкое распространение в практике антинаркотического воспитания молодежи получили интернет-уроки, в рамках которых происходит ознакомление и обучение школьников работе с интернет-ресурсами антинаркотической направленности. Распространяется информация об опасных последствиях потребления наркотических средств и степени ответственности граждан, предусмотренной нормативными правовыми актами.

В Красноярском крае ситуация с распространением наркотиков остается достаточно сложной. Например, за 9 месяцев 2013 г. на территории нашего края зарегистрированы 4559 наркопреступлений, что на 0,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По-прежнему преобладают традиционные виды наркотиков, такие как героин, гашиш, марихуана, наркотики амфетаминового ряда. В целом за указанный период на территории края было изъято более 695,6 кг наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ (что на 14% больше, чем за этот же период прошлого года), в том числе героина 60,6 кг, гашиша – 44,6 кг, марихуаны – 428,6 кг.

Территорией со сложной оперативной обстановкой по-прежнему остаются г. Красноярск, где совершается 55% преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также г. Норильск – 6%. Соответственно, именно в этих городах в первую очередь необходимо на постоянной, системной, комплексной основе развивать и внедрять новые формы и методы общей, индивиду-

альной предупредительно-профилактической работы, лечения и реабилитации, направленные на снижение уровня наркодавления.

В сложившейся ситуации необходимо принимать и реализовывать комплексные меры, направленные на профилактику наркомании и противодействие незаконному обороту наркотиков. Проблемы лиц асоциального поведения, склонных к наркомании, должны решаться комплексно, на основе взаимодействия всех субъектов системы профилактики и тесного сотрудничества всех участников воспитательного процесса.

Одной из наиболее перспективных мер индивидуальной профилактики является оздоровление и излечение от наркомании лиц, осужденных за наркопреступления. Эта мера может быть реализована в рамках уголовно-исполнительной системы.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, направленное на борьбу с распространением наркомании, отрывочно и непоследовательно регламентирует применение принудительных мер медицинского характера к осужденным, страдающим наркотической зависимостью. В настоящее время назрела острая необходимость дополнения УИК РФ специальным разделом о применении принудительного лечения к указанной категории лиц. Также целесообразно внесение изменений в УК РФ в части назначения наряду с наказанием принудительного лечения от наркомании.

Принудительные меры медицинского характера в виде лечения от наркомании могут исполняться по месту отбывания лишения свободы, а в отношении осужденных к иным видам наказаний – в центрах социальной реабилитации больных наркоманией.

Важное значение имеют две группы мероприятий по профилактике преступлений в рассматриваемой области: уменьшение спроса и уменьшение предложения. На современном этапе наиболее действенным является первое направление, которое образуют:

- первичная профилактика – деятельность, направленная на профилактику производства и торговли незаконными веществами.
- вторичная профилактика – комплекс социальных, образовательных и медицинских и психологических мероприятий, предупреждающих формирование болезни и осложнение наркотизации у лиц, эпизодически употребляющих наркотические средства.

Вторая группа мероприятий по профилактике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – уменьшение предложения – включает в себя увеличение реального и вероятного риска для торговцев наркотиками (речь идет о ситуации в крупных

городах: Красноярске, Норильске), а также возможное повышение цен на наркотики посредством усложнения доступа к ним.

В числе приоритетных задач специальной криминологической профилактики наиболее трудная заключается в том, что необходимо добиться координации и слаженности работы органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных организаций в разработке и реализации профилактических мер, направленных на противодействие, преодоление и предупреждение распространения наркотиков как на всей территории Российской Федерации, так и в Красноярском крае.

В целях усиления борьбы и активного пресечения распространения на территории края новых видов веществ одурманивающего характера целесообразно детально изучить опыт создания центра по изучению новых видов психоактивных веществ в Пермском крае и принять все меры по внедрению его в практику на территории Красноярского края.

С.В. Навальный,

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Красноярского
государственного аграрного
университета

МОНИТОРИНГ СМИ ЗА РАЗВИТИЕМ НАРКОСИТУАЦИЙ В ИНТЕРЕСАХ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕСЕЧЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОРГАНИЗАЦИЯ И СОСТОЯНИЕ

Информационная работа по профилактике наркомании и наркопреступности является одной из наиболее значимых направлений в государственной антинаркотической политике. Особую роль в этой работе играют СМИ.

По существу, антинаркотическая стратегия СМИ должна стать неотъемлемой частью политики борьбы с наркоманией. Сегодня в стране в основном созданы необходимые условия для реабилитации и ресоциализации лиц, желающих избавиться от наркотической зависимости, и соответственно возникает потребность в освещении не только оперативно-следственной деятельности управлений ФСКН России, но и проводимой профилактической работы,

а также в регулярном появлении материалов, посвященных здоровому образу жизни.

Под мониторингом¹ наркоситуации понимается система наблюдения за развитием ситуации в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ (далее – наркотики) и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту, профилактики немедицинского потребления наркотиков (за исключением случаев их применения в ветеринарии), лечения, медицинской и социальной реабилитации больных наркоманией.

Целесообразно определить подходы к пониманию мониторинга СМИ за развитием наркоситуаций.

На наш взгляд, мониторинг СМИ – это проводимый специально уполномоченными субъектами сбор с помощью технических средств информации, исходящей от СМИ, с целями:

а) наблюдения, проверки и оценки данной информации, прогноза и контроля за развитием наркоситуаций, основанных на данной информации, устранения негативных последствий и, соответственно, предупреждения возможных нарушений прав граждан;

б) профилактики лечения, медицинской и социальной реабилитации больных наркоманией в целях мотивации наркозависимых граждан к получению квалифицированной помощи и лечебно-реабилитационных услуг на базе государственных и общественных организаций.

Особое место в рамках мониторинга СМИ занимает прокуратура РФ, которая, по существу, является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории страны, в том числе и в сфере противодействия наркопреступности. Сегодня приходится говорить о том, что деятельность прокуратуры в этом вопросе оставляет желать лучшего. Так, недостаточно освещаются ее инициативы и усилия, направленные на решение вопросов совершенствования правоохранительной деятельности по противодействию распространению новых видов психоактивных веществ, по-прежнему низкой остается оперативность принятия решений.

Полагаем, что в интересах противодействия наркопреступлениям важно обеспечить постоянное и качественное информирование граждан сотрудниками прокуратуры. Это информирование должно быть достоверным. Продолжая данную тему, отметим, что важнейшим элементом мониторинга² СМИ является контроль, который и должны осуществлять работники прокуратуры. В целом к

контролю все субъекты права привыкли, однако в этом вопросе нам мешает хаотичность проверок, их дублирование. Между тем главное заключается в умелом сопоставлении нормативно установленных в правовом акте целей с фактически совершенными субъектами правоотношений действиями, принятыми решений – с реальными изменениями в поведении граждан. Обеспечение подобного соотношения потребует более последовательной реализации Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» при осуществлении надзора и в целом упорядочивания всех видов контроля.

Проводимое исследование будет неполным, если не дать характеристику общественного контроля, который находит проявление: а) в контроле СМИ за развитием наркоситуации в стране, отдельно взятом регионе; б) собственно в контроле граждан; в) и в наличии общественного мнения.

Вести речь о СМИ как институте гражданского контроля за противодействием по распространению наркотических средств, по нашему мнению, можно с двух позиций. Первая состоит в том, что в соответствии с Федеральным законом «О средствах массовой информации» журналистам предоставляется право искать, запрашивать, получать и распространять информацию, посещать государственные органы и организации; быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации, получать доступ к документам и материалам; копировать, публиковать, оглашать или иным способом воспроизводить документы и материалы; производить записи, в том числе с использованием средств аудио- и видеотехники, кино- и фотосъемки; проверять достоверность сообщаемой ему информации; излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью.

Вторая позиция сводится к постановке вопроса о мониторинге за развитием наркоситуаций в целом по стране и мониторинге СМИ в отдельных регионах (например, Красноярский край) в частности.

Мониторинг (англ. monitor, лат. monitor – предостерегающий), что дословно означает: 1) наставлять, советовать; 2) контролировать, проверять. Предполагает сбор информации средствами массовой коммуникации.³

Мониторинг СМИ предполагает систему наблюдений за развитием наркоситуаций с последующим анализом обстоятельств, влияющих на нее, и соответственно принятием мер проверки, контроля, прогноза.

Объектом мониторинга СМИ являются все газеты, журналы, радио-, телепередачи, сайты Интернета, публикующие материалы на столь злободневную проблему, независимо от форм собственности.

Мониторинг СМИ можно разделить на мониторинг статей в газетах, журналах, радио-, телепередачах и так далее.

Мониторинг СМИ за развитием наркоситуаций должен строиться на принципах:

- открытости, доступности получения необходимых сведений в ходе наблюдений;
- непрерывности, полноты и всесторонности информации;
- единой технологии ведения мониторинга;
- своевременности принимаемых в рамках закона мер.

Мониторинг СМИ преследует следующие цели:

- установление системы наблюдений за развитием наркоситуации (динамика и статика);
- сбор информации о происходящих абберациях (отклонениях) в процессе выполняемых антинаркотических мероприятиях;
- анализ обстоятельств, влияющих на развитие наркоситуации, и прогноз ее возможного развития;
- выработка рекомендаций о предупреждении и устранении последствий негативных процессов;
- обеспечение компетентных органов (ФСКН, МВД РФ, органы прокуратуры) информацией, поступающей по каналам СМИ.

Выполнение мониторинга СМИ способствует решению ряда задач, и прежде всего:

- установление, оценка совершенных правонарушений;
- передача материалов, подтверждающих нарушения в сфере незаконного оборота наркотиков для принятия соответствующих мер (письма в прокуратуру, запросы в органы внутренних дел, возбуждение административного производства и направление материалов в суд, информирование общественности и т.п.);
- превенция возможных в последующем нарушений.

Для реализации целей и задач мониторинга СМИ за развитием наркоситуаций государство в лице уполномоченных на то органов должно содействовать:

- постоянному совершенствованию законодательной базы по вопросам противодействия наркотической угрозе;
- принятию организационных мер по развитию системы мониторинга (рабочие группы, эксперты), образование комиссий по рассмотрению возможных жалоб;
- выработке единой технологии осуществления мониторинга СМИ.

На основании данных мониторинга:

- происходит сбор информации, поступающей по средствам массовой информации, на предмет выделения из нее той, которая носит: а) информационный характер; б) сенсационный характер (подготовлена не с целью показать пути борьбы с подобного рода правонарушениями, а вызвать сплетни слухи, поднять рейтинг того или иного СМИ);
- при необходимости устанавливается и оценивается совершенное правонарушение;
- производится передача материалов, содержащих факты нарушений законодательства, в компетентные органы для последующего принятия соответствующих мер;
- дается общая оценка проведения мониторинга за развитием наркоситуаций.

Схема действий в результате мониторинга СМИ в этом случае будет выглядеть следующим образом: сбор информации – установление, оценка правонарушения – передача материала в компетентные органы – принятие соответствующих мер – освещение в СМИ результатов для информирования граждан – превенция – выработка рекомендаций для граждан.

Мониторинг за развитием наркоситуации может осуществляться по следующим направлениям:

- мониторинг федеральной (московской) прессы;
- мониторинг региональных организаций телевидения как наиболее массового типа СМИ;
- мониторинг региональной прессы (включая периодические печатные издания районов субъекта Российской Федерации);
- мониторинг Интернета.

Для обработки и анализа поступающей информации в рамках прокуратуры создаются рабочие группы, в обязанность которых входит контроль за соблюдением гражданами законодательства в сфере противодействия распространению наркотических средств. Поэтому становится вполне понятным то, что поступление новых данных (в виде мониторинговых таблиц) и формирование новых подходов к решению проблем контроля за развитием наркоситуации с использованием проанализированных материалов мониторинга вызывает у ряда сотрудников правоохранительных органов вполне объяснимую (и в общем-то закономерную) «ломку» сложившихся стереотипов. В связи с чем, как отмечается практиками, «чистота эксперимента» с введением мониторинга за развитием наркоситуации по линии прокуратуры вызывает довольно-таки уместные со-

мнения. Следует отметить, что если актуальность и эффективность данной технологии контроля за развитием наркоситуации была признана почти сразу, то практическое применение поступающих материалов мониторинга остается по-прежнему сложным.

К основным проблемам при осуществлении мониторинга СМИ за развитием наркоситуаций следует отнести:

- несвоевременное предоставление материалов (запаздывание составляло в разное время от 3-х дней до одной недели);

- рассмотрение дел об административных правонарушениях в органах прокуратуры и судах. В ходе практической деятельности стала очевидной неготовность правоохранительных органов к их оперативной проработке, что в конечном итоге приводило к затягиванию сроков рассмотрения дел, принятию решений, которые не были направлены на жесткое пресечение правонарушений и последующие предупреждения возможных нарушений.

Проведенный анализ позволяет сделать с большой степенью очевидности вывод о необходимости применения мониторинга за развитием наркоситуаций с целью:

- упреждения поступления жалоб от субъектов данной группы правоотношений;

- выработки предложений по профилактике, предупреждению и раскрытию правонарушений, совершаемых субъектами данной группы правоотношений.

¹ Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах разработаны во исполнение подпункта «г» пункта 6 Указа Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

² Мониторинг наркоситуации предусматривает проведение исследований различных аспектов незаконного оборота наркотиков (социального, медицинского, правоохранительного, экономического и других аспектов), в том числе с привлечением научно-исследовательских учреждений и других организаций, а также использование информации СМИ, информации международных организаций, международных компетентных органов, компетентных органов иностранных государств.

³ Политологический словарь. М.1999. С.36.

П.Л. Сурихин,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ,
ФОРМИРУЮЩИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
НА ПРИМЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

Уголовное право не существует само по себе, оно находится в социальном пространстве, подвержено изменениям, имеет главную цель – охрана общественных отношений, преобладающих в обществе. Подобное представление об уголовном праве обеспечивает нам социология, «наука об обществе, системах, составляющих его, закономерностях его функционирования и развития...»¹. Именно социологическое представление об обществе как о системе дает основание утверждать, что уголовное право это часть данной системы, а соответственно, находится в тесной связи со всей совокупностью элементов данной системы. «Социология – это наука изучающая общество как целостную систему, состоящую из социальных институтов, социальных процессов, общностей, взаимодействий индивида с обществом.»²

Существуют два типа общества: традиционное и гражданское. Традиционное общество существует на основе выработанных в нем представлений о совести, нормах морали – их и охраняет своими нормами уголовное право. Гражданское общество существует на основе норм гражданского права, которые и охраняются уголовным правом в данном типе общества.

УК РСФСР (республики с традиционной системой общества) определял приоритеты от интересов государственных, общественных к интересам частным, личным. В гражданском обществе объекты уголовно-правовой охраны определяются гражданским правом, которое сосредоточено на регулировании интересов индивидуума. В УК РФ уже предлагается принципиально иной подход: интересы частные и личности обладают приоритетом над государственными и общественными.

Необходимо оговориться: нет проблемы противопоставления интересов общества и частного лица, традиционного и гражданского общества. Оба типа организации могут обеспечивать эффективное управление. Проблема в другом: система гражданского общества содержит угрозы, например, внешнего управления государством (через группу «лучших»), превращения его как бы в колонию.

Таким образом, посредством уголовного права как выразителя социальных ценностей возможно управление обществом. Приоритеты анализируемых выше уголовных законов и известные статистические данные явно показывают, что в системе традиционного общества нет острой проблемы преступности, наркомании, безопасности.

Когда интересы личности и ее материальные блага определяют главные приоритеты в обществе, образуется проблема роста преступности вообще и наркопреступности в частности, а соответственно, и наркотизации общества. Каждый думает только о себе, личном благополучии, но объективно не каждый способен обеспечить себе тот максимум, который есть у «лучших». Отсюда рождается и культивируется сублимативный подход в обеспечении социального комфорта – потребление наркотиков (эмоциональное «благополучие»), сбыт наркотиков (материальное «благополучие»).

Что происходило в нашем обществе последнее время? Тенденции было две: 1) разрушение прежних ценностей (норм морали, систем их воспроизводящих и охраняющих, уголовного закона в том числе) и сложившихся на их основе общественных отношений; 2) создание системы гражданского права (для управления индивидами) и охраняющей ее системы уголовного права, воспроизводящих иные социальные ценности, иное, гражданское, общество.

В чем опасность описанных процессов? Бурный рост преступности, который мы имели до 2006 г. Наше общество «присоединяют» к внешней системе – идет процесс элементарной колонизации. На личном уровне это чревато высокой смертностью, деградацией личности, наркоманией, обнищанием, криминальным поведением.

Что происходит в нашем обществе сейчас? Статистический анализ преступности позволяет выявить ряд фактов, которые обращают на себя внимание.³ С 1988 г. по 2006 г. (период 18 лет) – увеличилась в 3, 2 раза, с 1 220 361 преступлений до 3 855 373. За последние 8 лет (с 2006 г.) количество преступлений сократилось в 1, 8 раза – до 2 166 400. Согласно судебной статистике последнее время наблюдается сокращение преступности среди молодежи. Рост числа лиц, судимых в возрасте от 14 до 29 лет, имел место до 2007 г., его пик – 527137 человек. Последующие годы это число стабильно сокращается, и в 2013 г. уже составляет 347121 человек.

В плане тенденций социальных процессов: в обществе произошло осознание того, что прозападные реформы не обеспечивают заявленные блага, а действуют в ущерб государства и общества.

На «арену» вышло новое активное поколение людей, которое воспитано в иных условиях: вне советской идеологии, когда государство заботилось о благополучии человека, но уже и без «романтики» 1990-х годов, когда можно было стать миллионером в один миг.

В 2003 г. существенно меняется уголовное законодательство: вводится широкая альтернатива санкций, которые предусматривают наказания, не связанные с лишением свободы. Современная практика наказания стала более дифференцированной, подобно практике в период действия УК РСФСР в его ранних редакциях. Лишение свободы стало замещаться другими видами наказаний, не связанных с изоляцией от общества – число приговоренных к реальному лишению свободы за 2006-2013 г. сократилось почти на треть – с 312473 до 209715. Существенно увеличилась доля наказаний в виде штрафа: в 2003 г. осуждено только 50064 лица, в 2008 г. пик – 133772, в последующие годы ситуация стабилизируется, и в 2013 г. число осужденных составляет 116218. Подобные тенденции наблюдаются при назначении и других наказаний «экономического» характера.

Сложившаяся система общественных отношений и практика наказания повлекли, можно предположить, следующие последствия: 1) наказания «экономического» характера стали адекватными мерами воздействия на поведения человека; 2) на треть сократилось число носителей «воровской» субкультуры; 3) произошел разрыв поколений в «воровском мире»; 4) общество культивирует новое молодое поколение вне «воровской» субкультуры.

Система наказаний и практика их применения приведены в состояние более или менее адекватное сложившимся общественным отношениям. Но есть более существенная проблема. Речь идет о структуре приоритетов охраняемых уголовным законом общественных отношений, соответствующих определенному типу общества. По разным данным в лучшем случае только около 30% населения России за последние 30 лет стали носителями ценностей гражданского общества⁴, интересы которого охраняет действующий УК РФ. Таким образом, интересы подавляющего большинства населения современный уголовный закон охраняет только в известной мере, но с приоритетами, не характерными для традиционного общества.

Таким образом, «оглавление» УК РФ (классификацию преступлений по степени тяжести), исходя из исторического опыта и представлений о структуре системы, было бы целесообразно при-

вести в соответствие с существующими, а не искусственно навязываемыми общественными отношениями.

Изменение уголовного законодательства – это объективный процесс, следующий за изменением ситуации в обществе, которая меняется посредством информационных потоков, например, волевых решений руководителей государства. Тенденцию позитивного сдвига общественных отношений следует закреплять, изменяя уголовное законодательство, провоцирующее общество на саморазрушение, рост преступности, таким образом, чтобы поставить под охрану системообеспечивающие приоритеты, собирающие народ в эффективную систему.

До сих пор мы говорили о глобальных процессах в обществе и уголовном праве. Обратимся к частному случаю. Тенденции наркопреступности прямопротивоположны общей преступности в стране, об этом свидетельствует статистический анализ: с начала 2000-х по настоящее время количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков подвержено медленному росту с периодами стабилизации. В 2003 г. зарегистрированы 181700 преступлений, а в 2014 г. – 254730.⁵

Преобразования в УК РФ, которые, как мы предполагаем, повлияли на сокращение преступности, не имели действия в части наркопреступности. «Экономические» виды наказаний не останавливают наркопреступность. Наркопреступления не имеют прямой зависимости с «воровской» субкультурой. Не произошло и разрыва поколений наркоманов, не изменились их ценности. Все это свидетельствует и о неизменности социальной сферы в рассматриваемой части.

В обществе продолжают культивироваться два порока: жажда обогащения и развлечений – наркотики обеспечивают то и другое самым эффективным способом. Наркоманы обладают собственной субкультурой, которая культивирует их ценности и последователей. «Экономические» наказания не устрашают наркоманов – наркоман либо обеспеченный человек, либо «зарабатывает» преступлениями. Для наркоманов и сбытчиков наркотиков наказания, которые не связаны с изоляцией от общества, – благо, да и существующие сроки и режимы лишения свободы их не страшат.

Отдельно следует отметить, что уголовный закон собственно и не запрещает немедицинское потребление наркотиков. Состав преступления, предусмотренный ст. 228 УК РФ, предполагает, что немедицинское потребление наркотика в отличие от его незаконного приобретения, хранения и т.д. – это дело личное, отдельно взя-

того индивидуума. Но такое положение не системно, если рассматривать данный состав в контексте видового объекта – отношений по поводу общественной безопасности, здоровья населения. Наркоман становится неполноценным членом общества, массовость данного явления разрушает общество физически, а это уже не личное дело. Более того, спрос на наркотики для немедицинского потребления является одним из главных факторов, порождающих его предложение, т.е. незаконный сбыт. Вполне очевидно, что немедицинское потребление наркотика посягает на отношения по поводу общественной безопасности, здоровья населения.

Что следует предпринять в сложившейся ситуации? Сдвиг в социальной сфере, как мы уже отмечали, – это проблема в большей степени волевого решения. Информационные потоки, формирующие пороки жажды обогащения и развлечений, следует замещать. Здесь нужно использовать положительный исторический опыт, которым мы обладаем.

В отношении участников незаконного оборота наркотиков следует назначать качественно иные виды наказаний, которые должны блокировать их пороки. Наркоман должен быть лишен возможности потребления наркотика, помещен в такую социальную среду, где потребление наркотика неприемлемо, а сбытчик – лишен возможности обладать материальными благами, имеющимися и возможными. Вид и режим наказания должен создавать условия для исправления виновных, если таковое вообще возможно.

¹ Социология. URL://<http://ru.wikipedia.org/wiki>.

² Социология как наука. URL://<http://xn--c1ajbknbtt0c0f.net/sociologija-kak-nauka>.

³ Состояние преступности. URL:// <https://mvd.ru/folder/101762/13/>

⁴ Холодковский К. Общество отброшено к прежним своим убеждениям. URL:// <http://lenta.ru/articles/2015/02/19/ident>.

⁵ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Куприянич Т.В. Теоретико-методологические основы мониторинговых исследований социальных явлений: зарубежный и отечественный подходы к изучению наркоситуации : обзор. Красноярск, 2014. С. 17; Токманцев Д.В. Состояние наркопреступности в странах Таможенного союза: Беларуси, Казахстане и России // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3. С. 33-39.

М.В. Грамматчиков,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский институт бизнеса, управле-
ния и психологии (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ**

Вычленение в составе преступления объекта в первую очередь позволяет определить общественно опасный характер деяния, его тяжесть, степень вредоносности причиняемых последствий.

Объект уголовно-правовой охраны, который предусмотрен в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» – здоровье населения, причем особое внимание следует уделить его соотношению со здоровьем человека как объектом преступлений, предусмотренных в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья человека».

В юридической литературе под здоровьем населения понимается совокупность общественных отношений и интересов, обеспечивающих физическое и психическое здоровье каждого человека в обычных условиях жизнедеятельности.¹

Преступления против здоровья населения, в отличие от преступлений против жизни и здоровья личности, посягают на здоровье неопределенного круга лиц. Получается, что отличительным признаком двух рассматриваемых нами объектов уголовно-правовой охраны является только лишь количество потерпевших от преступления, причиняющего вред здоровью человека.

Э.Г. Гасановым предложено деление объектов преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на общий, родовой и непосредственный, причем не в рамках общей системы преступлений, а применительно к конкретной главе УК РФ, а именно к главе 25 УК РФ. Родовой объект преступлений данной главы, по его мнению, включает две группы разнородных отношений, обеспечивающих здоровье населения и общественную нравственность. В связи с этим объектом преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ он определяет здоровье населения.²

Исследуя эволюцию развития норм преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, обнаружим, что объект уголовно-правовой охраны данных преступлений был помещен в гла-

вы, предусматривающие ответственность за хозяйственные преступления, преступления против порядка управления, преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.³

Так, УК РСФСР 1922 г. не содержал специальной статьи, предусматривающей ответственность за преступления, связанные с наркотическими средствами, но его ст. 215 предусматривала ответственность за приготовление ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то права, и была помещена в главу 8 «О нарушении правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок». За уклонение от сдачи или несдача государству в соответствии с договорными условиями опия виновные привлекались к уголовной ответственности в соответствии со ст. 10 УК РСФСР по аналогии со ст. 139 УК РСФСР, которая предусматривала ответственность за скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов, изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение.

УК РСФСР 1926 г. не внес существенных изменений в законодательное регулирование ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Его ст. 104 полностью соответствовала норме ст. 215 УК РСФСР 1922 г., однако помещена была в главу 2 «Иные преступления против порядка управления».

Следующий этап исторического развития уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов связан с принятием республиканских уголовных кодексов в 1959-1962 гг. и с присоединением СССР в 1963 г. к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. Уголовная ответственность за наркопреступления была расширена и усилена. УК РСФСР 1960 г. закрепил преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в главе 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения».

В настоящее время здоровье населения присоединено к другому объекту уголовно-правовой охраны – общественной нравственности, что нашло отражение в названии главы 25 УК РФ.

Если проанализировать общественную опасность указанных преступлений, выраженную в причинении вреда общественным отношениям в сфере законного оборота наркотических средств и психотропных веществ, необходимо отметить, что законодатель при определении объекта уголовно-правовой охраны данных пре-

ступлений допустил ошибку, так как в результате употребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, сильнодействующих, ядовитых веществ ущерб причиняется не только здоровью граждан, но и существует реальная угроза наступления смерти человека, поэтому впору говорить и безопасности жизни населения как объекте уголовно-правовой охраны от преступлений, связанных с наркотизмом. Полагаю, что в качестве видового объекта уголовно-правовой охраны от наркопреступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, следует признать общественные отношения, связанные с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также сильнодействующих и ядовитых веществ, но никак не здоровье населения.

Таким образом, из всех составов преступлений, расположенных в главе 25 УК РФ и отнесенных законодателем к преступлениям, где основным непосредственным объектом выступает здоровье населения, фактически можно выделить только три таких деяния – ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей», ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». При этом основным непосредственным объектом этих преступлений следует считать все же не здоровье населения в чистом виде, как это указано в названии главы 25 УК РФ, а общественную безопасность в сфере обеспечения здоровья населения.

Вследствие того, что основным конструктивным признаком данных составов преступлений все же является наличие опасности жизни или здоровью людей, считаю необходимым предложить законодателю перенести эти нормы (ст. 236, 237 и 238 УК РФ) в главу о преступлениях против жизни и здоровья человека.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, где видовым объектом следует считать общественные отношения в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, сильнодействующих и ядовитых веществ, а не здоровье населения, должны содержаться в соответствующей главе, поэтому целесообразно главу 25 УК РФ назвать «Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих и ядовитых веществ», что позволит не перемешивать одинаковые по своей сущности объекты посягательств

ва – здоровье человека и здоровье населения, отличающиеся между собой только по количеству потерпевших.

¹ Мальков С.М., Лотц Д.Н. квалификация организации либо содержания притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Красноярск, 2013. С. 12.

² Гасанов Э.Г. Борьба с наркотической преступностью: международный и сравнительно-правовой аспекты. М., 2000. С. 115-119

³ Безручко Е.В. Здоровье человека и здоровье населения: проблема соотношения объектов уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2011. № 7.

А.П. Козлов,

кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный
аграрный университет

НАРКОТИКИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Регламентация наркотиков в российском уголовном законодательстве представляет весомый интерес. Так, если в Уголовном уложении 1903 г. вообще не указывалось на преступления, связанные с наркотиками, то уже в УК РСФСР 1926 г. законодатель был вынужден обратиться к защите народного здоровья (ст. 104 и ст. 179-а). Подобные нормы содержались и в первой редакции УК РСФСР 1960 г. (ст. 224 и 225), хотя в последующем количество норм существенно расширилось (ст. 224¹, 224², 224³, 225¹, 226¹).

В УК РФ ситуация во многом схожая, но законодатель все больше и больше внимания уделяет количеству произведенных или находящихся в обороте наркотиков, уже давая в примечании к ст. 228 УК РФ определение размеров наркотиков со ссылкой при этом на Правительство РФ, обращает внимание уже не только на наркотики, но и на их аналоги, а также на растения, содержащие наркотики или психотропные вещества, на прекурсоры (вещества, участвующие в изготовлении наркотиков) и на инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для производства наркотиков. Законодательные конструкции при этом становятся все более сложными и все менее поддающимися правовой логике. Не понятно, какая правовая логика заложена в конструирование ст. 231 УК РФ, раскрывающей неза-

конное культивирование растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры. С позиций законодательной техники выращивание растений, которые могут быть распространены в качестве наркотиков, является приготовлением к преступлению и как таковое должно быть наказано в пределах половины максимального срока (ст. 66 УК РФ). В ч. 1 ст. 231 УК РФ максимум наказания равен 2 годам лишения свободы, тогда как само преступление наказывается в виде лишения свободы на срок до десяти лет (ч. 2 ст. 228 УК РФ) либо до двадцати лет (ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) (мы сравниваем преступления при крупном размере наркотиков), то есть санкция ч. 1 ст. 231 УК РФ в пять раз ниже соответствующей санкции ст. 228 УК РФ и в десять раз ниже второй сравниваемой санкции. Неужели для уменьшения значимости культивирования растений как приготовления создана анализируемая норма? Не проще ли было не включать в структуру кодекса ст. 231 и рассматривать преступление по общим правилам приготовления к преступлению.

Начнем с объема запрещенных наркотиков и психотропных веществ. В законе речь идет о наркотиках, психотропных веществах, растениях, содержащих наркотики или их части, аналогах наркотиков или психотропных веществ. Однако ни Правительство РФ, ни законодатель не знают, что со всем этим делать (яркий пример – история со спайсами, унесшими жизнь десятков людей, потребовавшая вмешательства Президента России): появляются все новые химические вещества, появляются новые составляющие тех или иных химических веществ, что исключает их наличие в списках, приготовленных Правительством РФ, внося сумятицу в судебную практику. Кстати, в этих списках довольно часто содержатся жизненно необходимые лекарства для больных, и чтобы их получить – набегаясь по медицинским инстанциям. По крайней мере, резко возникшие болевые симптомы сегодня невозможно снять быстро и одномоментно без бюрократической волокиты, а это чревато и летальным исходом в силу болевого шока. Поневоле задаешься вопросом: что важнее для государства – больной законопослушный гражданин или наркоман. Пока государство разрешает дилемму в пользу наркомана. Думается, пора данную игру в право прекратить; какая разница в том, что привело человека в неестественно возбужденное или овец состояние: наркотик ли, психотропное вещество ли, пожевал ли он соответствующее растение или использовал какой-то аналог. Главным должно быть – существует ли какое-либо вещество, способное причинить вред здоровью или

жизни отдельного человека. Мало того, для уголовного права должен быть безразличен характер возникновения данного вещества: в природе оно существует или создано искусственно.

Не менее проблематично и количество (размер) наркотиков, по поводу криминализации и размеров которого Правительство РФ постоянно меняет свою позицию. Специалистам это хорошо известно. И эту игру надо прекратить, поскольку в ней со значительным опережением всегда выигрывает изготовитель вещества, а законодатель и практика тщатся его догнать, что с трудом удается. Надо забыть о граммах или миллиграммах веществ и помнить об одном – способно ли это вещество безразлично разово или в совокупном накоплении причинить психический или физический вред человеку. Понятно, что разные вещества в разных дозировках причиняют разный вред. Но это абсолютно не имеет никакого значения, поскольку в конечном счете все они причиняют вред человеку (преступник, у которого другие цели, не фасует в пакетик допустимую для здоровья лица дозу, хотя в совокупном накоплении даже такая доза может оказаться смертельной).

Вопрос лишь в том, как определить способность к причинению вреда, что, думается, не так и сложно: 1) при совершении преступления речь идет о веществах, которые уже распространены и оказали то или иное негативное воздействие на психическое или физическое здоровье человека; 2) при возникновении нового полностью или частично вещества данную способность можно определить на основе традиционно существующих компонентов в них, которые уже опробированы как причинители вреда; 3) если и этого нет, то способность устанавливается путем эксперимента, например, бесплатного «угощения» веществом распространителя или изготовителя вещества (лучше последнего), которые наверняка откажутся от такого угощения, что будет свидетельствовать о некачественности продукта.

Предварительный итог изложенного заключается в следующем: для того, чтобы не ломать голову над тем, с чем столкнулась практика – с наркотиком, психотропным веществом или аналогом и с каким его количеством, в законе нужно сформулировать диспозицию нормы, в которой должна вестись речь о веществе вне зависимости от его естественного или искусственного происхождения, способном безразлично разово или в совокупном накоплении причинить психический или физический вред человеку, что должно привести к опережающему значению закона.

Объективная сторона преступления изложена в уголовном законе относительно различно в зависимости от целей – без цели сбыта или для сбыта. В первом варианте закон отражает преступные действия в виде приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотиков, то есть речь идет о действиях человека по обороту наркотиков для своих нужд, о собственно наркомане. При этом никакой уголовной ответственности за употребление наркотиков не существует. Возникает странная ситуация – подготовительные действия к употреблению наркотиков являются криминально значимыми и влекут уголовную ответственность, тогда как действия по исполнению, с точки зрения права – более общественно опасные, криминально не значимы.

При сбыте объективная сторона преступления заключается в незаконном производстве, собственно сбыте или пересылке наркотиков. Не понятно, почему законодатель акцентирует внимание на пересылке как лишь одним из способов сбыта, чем пересылка опаснее передачи с рук на руки мешка с наркотиками? Главными при этом остаются стадийно связанные производство и сбыт, хотя сбыт может существовать и вне производства. Таким образом, предлагаемая норма должна начинаться с характера совершаемых виновным действий: незаконное производство и (или) сбыт вещества...

Но основным остается объект посягательства. В действующем уголовном законе таковым признаны отношения здоровья населения, что верно лишь отчасти. Действительно, распространение наркотиков вредит неопределенному кругу лиц. Однако дело в том, что этого мало. Вдумаемся, зачем понадобились Великобритании две опиумных войны с Китаем? Только для поддержки своих наркобаронов и доходов от наркоторговли? Нет, все гораздо прозаичнее: широкое распространение наркотиков в том или ином обществе, влияя на психику населения и превращая его в овощ, влечет за собой ослабление национального иммунитета, ослабление сопротивления против внешнего вмешательства, упрощение колонизации. Именно легализация наркотиков как один из факторов позволила англичанам закрепиться в Китае во второй половине XIX века. По сути, наркомания – это национальное бедствие. Учитывая, что почти все государства планеты признают наркоманию своим национальным бедствием, она становится общечеловеческим злом, преступлением против Человечества. На наш взгляд, местоположение предлагаемой нормы в уголовном законе нужно поменять; она должна располагаться в разделе XII УК РФ – в группе преступлений против безопасности человечества. И законодатель, введя обос-

нованно в санкцию ст. 228.1 УК РФ пожизненное лишение свободы, косвенно признал особый статус данного вида преступления.

Итак, ст. 358.1 УК РФ может быть сформулирована следующим образом: незаконное производство и (или) сбыт вещества вне зависимости от его естественного или искусственного происхождения, способного безразлично разово или в совокупном накоплении причинять психический и (или) физический вред неопределенному кругу лиц. Данную норму можно дифференцировать в зависимости от различной общественной опасности преступления, но не в связи с количеством наркотиков, а на основе характера психического или физического вреда (например, деяние, повлекшее смерть двух или более лиц). С субъективной стороны данный вид преступления должен характеризоваться умышленной или смешанной виной.

С.М. Мальков,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ МОТИВА И ЦЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 229 УК РФ

Исследуя субъективную сторону преступления, устанавливающего ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), необходимо особо остановиться на таких признаках, как мотив и цель.

Анализ мотивов преступления поможет не только правильно оценить степень общественной опасности деяния, но и обнаружить особенности формирования умысла и предпосылок, обуславливающих цель преступления. В психологии под мотивом поведения понимают то, что «побуждает деятельность человека, ради чего она совершается». Таким образом, содержательную сторону мотива преступления образует определенная потребность, в которой заложен смысл поведения виновного.

Внутренние и внешние побудительные стимулы, вызывающие решимость совершения преступления. Уровень мотивации преступлений, связанных с хищением или вымогательством наркотических средств, позволяет предположить, что виновный ставит перед собой в основном корыстные цели или цели, связанные с потреблением либо сбытом наркотических средств. Это позволяет утверждать, что уровень тревожности при совершении этих преступлений не является высоким. Глубинный смысл таких преступлений определяется, очевидно, бессознательным стремлением к разрушению своего собственного здоровья или здоровья окружающих в результате употребления ими наркотических средств. Однако в тех случаях, когда совершаются хищение или вымогательство наркотических средств, связанные с насилием, уровень тревожности виновного может быть достаточно высоким.

Отсутствие указания на мотив преступления в диспозиции ст. 229 УК РФ означает, что он находится за пределами законодательной конструкции. Однако необходимость его установления в процессе расследования преступлений очевидна. Мотивы могут учитываться при квалификации преступления и характеризовать обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, влиять на назначение наказания. Нередко мотивы влияют процесс дифференциации и систематизации уголовной ответственности за наркопреступления. На необходимость установления мотива обращает внимание и Верховный Суд Российской Федерации: «При оценке степени общественной опасности содеянного и определении меры наказания необходимо учитывать цели и мотивы действий виновного»¹. Несмотря на это, в правоприменительной практике не всегда выполняется это указание, что негативно отражается на качестве применения уголовного законодательства.

Хищение либо вымогательство наркотиков относятся к преступлениям, в которых преобладает корыстный мотив. По данным отдельных исследований, он выступает побуждающим фактором 60% хищений наркотиков. Однако рассматриваемому преступлению могут быть присущи и иные мотивы: хулиганские побуждения, стремление приобрести авторитет у окружающих, оказать содействие товарищам; озорство, желание утвердиться в группе (компании).²

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о различном предметном содержании мотивов и их роли в правоприменительной практике.

Множество вопросов возникают при установлении цели преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, поскольку она ограничено интерпретируется в юридической литературе. Попытки ученых проанализировать это понятие в большей части сводятся к тому, что «цели преступления различные», чего явно недостаточно.

Для полноты и качества анализа цели рассматриваемого преступления следует обозначить три проблемы, которые являются наиболее актуальными.

Во-первых, важно уточнить, что же именно следует отнести к цели хищения наркотических средств и психотропных веществ, то есть к какому результату стремится виновный, совершая данное преступление. Во-вторых, является ли цель конструктивным признаком состава хищения наркотиков. В-третьих, какую терминологию необходимо использовать для обозначения такого признака.

Исходным положением для выяснения вопроса о том, что относится к цели хищения наркотиков, должно служить указание на то, чего пытается достичь виновный. Бесспорным является тезис, что цель преступления выступает в качестве конкретизированного выражения интересов субъекта и модели потребного ему будущего. Таким выражением интересов и моделью будущего может быть потребление наркотиков лично преступником, передача наркотиков другому лицу или распоряжение ими по своему усмотрению иным образом, незаконное распространение наркотиков, в том числе и без конкретного адресата и др.

Убедительной представляется позиция С.А. Елисеева о том, что цель показывает, для чего действует и чего стремится достичь виновный, а мотив – это то, что обуславливает преступное поведение³, то есть побуждение субъекта. Результатами этих побуждений является противоправное владение, либо передача наркотических средств и психотропных веществ другим лицам, или распоряжение ими по своему усмотрению, что и образует цели преступления.

При решении второй проблемы в литературе обозначились три подхода. Одни авторы полагают, что цель в хищении наркотиков лежит за пределами состава преступления.⁴ Другие придают большее значение цели преступления, но полагают, что цель характерна не для всех рассматриваемых преступлений.⁵ И, наконец, правильной, на наш взгляд, является позиция тех исследователей, которые признают цель в качестве обязательного признака состава преступления.⁶ Именно этой точки зрения придерживается Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда в кассационном определении от 16 октября 2012 г. № 22-3913/2012

на приговор Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 19 июля 2012 г. в отношении Гаранина и др.

Этот вывод следует из тезиса, что цель преступления обязательна для всех преступлений, совершаемых с прямым умыслом. О цели как об обязательном признаке хищения наркотиков говорится и в уголовно-правовой науке. Данное положение не вызывает возражения ни в юридической литературе, ни в судебной практике. Учитывая специфичность анализируемого преступления, такое положение необходимо распространить и на субъективную сторону хищения наркотиков.

Спорным является вопрос о том, каким термином рациональнее обозначить цель в хищении наркотиков.

В литературе высказывалась мысль о том, что анализируемое преступление может совершаться с корыстной целью.⁷ Однако такое мнение не получило поддержки в науке уголовного права. Как аргумент такой позиции приводится тезис о том, что при хищении наркотиков далеко не всегда причиняется ущерб собственности.⁸

Стереотипом такого подхода, на наш взгляд, выступает толкование корыстной цели, даваемое словарями русского языка. В словаре В. Даля корысть толкуется как страсть к приобретению, наживе, добыче, жадность к деньгам. Современные словари определяют корысть как выгоду, материальную пользу. Даже из этого небольшого лексического экскурса видно, что слово «корысть» связывается с характеристикой отношения человека к материальным благам в форме обогащения.

Между тем уголовно-правовая наука предлагает и иной подход к определению корыстной цели, на чем мы уже указывали ранее.⁹ При этом, по мнению одних авторов, корыстную цель следует ограничивать стремлением лица обратить имущество в свою пользу. Другие, развивая эту идею, считают, что корыстная цель имеет место и при обращении имущества в пользу третьего лица. Третьи включают в понятие корыстной цели возможность использовать имущество для удовлетворения своих интересов. Четвертые видят ее в увеличении сферы своего имущественного обладания.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 декабря 2007 г. №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определяет корыстную цель хищения как стремление виновного лица изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц.

Как видим, о понятии корыстной цели высказаны суждения, имеющие различное представление о ее объеме. Во избежание дискуссии не по существу вопроса мы не будем вдаваться в полемику относительно истины представленных мнений. Объединяя все изложенные позиции, корыстную цель хищения можно определить стремление получить фактическую возможность владеть, использовать и распоряжаться чужим наркотиком как своим собственным, то есть потребить его лично и использовать другим способом: продать, подарить, передать другим лицам и т.д. Соответственно, корыстной целью хищения наркотиков можно признать такие случаи, как стремление завладеть наркотическим средством без материальных затрат, а также стремление к личному потреблению или иному незаконному использованию таких предметов в ущерб здоровью населения.

Поэтому важно сделать вывод о терминологическом обозначении целей рассматриваемого преступления как «корыстные» и об отнесении преступления к разряду корыстных. Заметим, что сходную позицию занимает и законодатель, дополнив в примечании к ст. 158 УК РФ субъективную сторону указанием на корыстную цель преступления.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 8. С.7.

² Нугуманов А.Р. Особенности субъективной стороны хищения наркотических средств или психотропных веществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 88.

³ Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск, 1989. С.24.

⁴ Любавина М.А. Признаки хищения специальных предметов (ст. 229 УК РФ) // КриминалистЪ. 2011. № 1(8).

⁵ Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. СПб. 2003. С. 367.

⁶ Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты. СПб. 2003. С. 280.

⁷ Омигов В.И. Борьба с хищениями наркотиков: уголовный и криминологический аспекты // Юридическое образование и наука. 2007. № 3.

⁸ Леонов Д.А. Признаки хищения наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2006. № 11.

⁹ Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография. Красноярск, 2002. С. 101-105.

А.В. Шеслер,

доктор юридических наук, профессор
Томский институт повышения квали-
фикации работников ФСИН России

С.С. Шеслер,

кандидат юридических наук
Томский институт повышения квали-
фикации работников ФСИН России

**ПОНЯТИЕ ПРИТОНА КАК ПРИЗНАКА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 232 УК РФ**

Источником, способствующим наркотизации населения России, являются притоны, в которых происходит потребление наркотиков (наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов). Учитывая данное обстоятельство, законодатель как самостоятельное преступление предусмотрел организацию либо содержание таких притонов (ст. 232 УК РФ). Под притоном в литературе обычно понимается помещение, как жилое, так и не жилое (квартира, комната, гараж, сарай, купе, яхта, землянка, шалаш и т.д.), предназначенное для систематического удовлетворения порочных потребностей (в рассматриваемом случае для потребления наркотиков).¹

Отдельные авторы для обозначения притона употребляют термин «место», вводя целый ряд критериев для отнесения его к притону. По мнению этих исследователей, в качестве таких критериев должны выступать следующие признаки места: территориальный, предполагающий, что место должно иметь определенные пространственные ограничения; целевой, предполагающий немедицинское употребление наркотических средств и психотропных веществ; временной, предполагающий использование помещения для неоднократного немедицинского употребления наркотических средств и психотропных веществ; функциональный, предполагающий ту или иную степень приспособленности помещения для немедицинского употребления наркотических средств и психотропных веществ.² В конечном счете позиция указанных авторов также сводится к тому, что притон является помещением.

В значительной мере эта позиция обусловлена неудачной редакцией ст. 232 УК РФ, в которой наряду с термином «притон» употребляется термин «помещение», который понимается как конкретизация определения наркопритона в судебной практике. Так, в

п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» при характеристике действий, образующих организацию наркопритона, суды ориентируются на подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и тому подобные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами.³ Таким образом, для понятия притона родовым понятием считается помещение.

Некоторые авторы расширяют понятие притона. Так, О.Е. Козлов утверждает, что суть притона не в месте, а в создании и поддержании условий, обеспечивающих возможность предаться пороку. Это правильно, однако автор делает неверный вывод о том, что притоном может служить помещение, салон транспортного средства, участок местности для постоянного пользования в конкретных аморальных и противоправных целях.⁴

На наш взгляд, такая позиция, при которой притоном считается определенное место, связана с тем, что на практике предмет доказывания по указанной категории уголовных дел формируется через установление места (прежде всего помещения), где люди предаются пороку, т.к. указанное место содержит в себе основные источники доказательств (там прячутся наркотики, собираются их потребители, находится оборудование для их изготовления и т.д.). Однако формирование предмета доказывания на этом не заканчивается, т.к. практические работники от места совершения преступления идут к доказательству деятельности по организации и содержанию притона, а не наоборот. Именно поэтому правильной представляется позиция тех авторов, которые утверждают, что сущность притона кроется в создании системы устойчивых связей между людьми, изолированных условий для порока.⁵ Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в уголовно-правовом смысле притон – это социально-негативное групповое образование, направленное на создание и поддержание необходимых условий для систематического удовлетворения порочных потребностей (потребления наркотических средств, вступления в половую связь за материальное вознаграждение с проститутками и т.д.) как самим виновным, так и другими лицами.⁶ Притон увеличивает результативность преступного деяния потому, что создают-

ся условия именно для систематического, а не эпизодического вовлечения определенных лиц в порочную деятельность. По своей сути притон представляет собой конкретный преступный вред, а не место совершения преступления.⁷

Применяя указанные теоретические положения отметим, что под притоном как признаком состава преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, следует понимать не помещение или иное место, а социально-негативное групповое образование, в котором созданы условия для систематического немедицинского употребления наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами. Определенное помещение (жилое или нежилое), участок местности (двор, крыша, скамейка и т. д.) могут лишь служить одним из доказательств наличия такого образования.

¹ Игнатьев А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. С. 239; Мирошниченко Н.А., Музыка А.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией. Киев-Одесса, 1988. С. 103; Гасанов Э.Г. Ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: сравнительно-правовой и уголовно-правовой аспекты. М., 2002. С. 117-119; Романова Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика. Владивосток, 2009. С. 234-235.

² Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С. 169; Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. М., 2007. С. 99-100; Мальков С.М., Лотц Д.Н. Квалификация организации либо содержания притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Красноярск, 2013. С. 14-17.

³ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 2010. С. 216.

⁴ Козлов О.Е. Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для распития спиртных напитков и предупреждение этих преступлений. Тюмень, 1990. С. 27-33.

⁵ Икрамов М.Г. Уголовно-правовая борьба с наркоманией. Ташкент, 1982. С.78; Шадрин В.П. Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для одурманивания и проблемы ее реализации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1991. С. 14.

⁶ Сходная позиция высказывалась ранее другими авторами (напр.: Марцев А.И. Вопросы Особенной части уголовного права // Омская высшая школа милиции и развитие юридической науки. Омск, 1995. С. 23.

⁷ См. подр.: Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С. 125-128.

А.О. Астахова

Омская академия МВД России

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА В КАЧЕСТВЕ
СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ**

Наркомания, по мнению специалистов¹, сегодня является бедствием общегосударственного масштаба, глобальной проблемой, угрожающей национальной безопасности Российской Федерации. Характер этой проблемы вызывает необходимость адекватной ответной реакции со стороны государства. В связи с этим Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690, сформировала основные направления противодействия наркотизации общества.

Генеральной целью Стратегии является существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства. Достижение генеральной цели Стратегии осуществляется на основе сбалансированного и обоснованного сочетания мер по трем основным направлениям: сокращение предложения наркотиков (силовой блок); сокращение спроса на наркотики путем совершенствования системы профилактической, лечебной и реабилитационной работы; развитие и укрепление международного сотрудничества в сфере контроля над наркотиками.

В этом плане, по мнению В.П. Иванова, все усилия должны быть направлены на сбережение населения и солидарную поддержку каждого без исключения нашего соотечественника. Для этого следует брать четкий курс на гуманизацию антинаркотического законодательства. Однако гуманизация вовсе не означает псевдолиберализацию и попустительство. Наоборот, по отношению к наркобарыгам и тем более оптовикам-наркобаронам надо и дальше существенно усиливать ответственность и полицейскую составляющую. Но мы должны каждому человеку дать шанс на жизнь, полноценную и достойную. И учитывать специфику каждой ситуации и каждого случая.²

Основным вектором прилагаемых усилий, необходимым элементом достижения поставленных задач в данном случае является повышение эффективности реабилитации и ресоциализации нарко-

зависимых. Вместе с тем эффективность антинаркотической политики государства в целом зависит от реализации и взаимодействия всех ее составляющих.

В 2013 г. МВД России подготовлен и внесен на рассмотрение проект Федерального закона № 421465-6 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³. Согласно проекту реализация основных направлений профилактики правонарушений субъектами этой деятельности должна осуществляться посредством комплекса мер, к числу которых относятся: социальная адаптация и реабилитация лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе прошедших курс лечения и реабилитации от наркотической зависимости; ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества; административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в целях предупреждения совершения ими правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия.

Административный надзор представляет собой особый вид наблюдения за соблюдением лицами, освобождаемыми и освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими обязанностей, предусмотренных законом. Основной задачей административного надзора является специальная превенция: помешать лицу продолжить противоправную деятельность, воспрепятствовать возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей, не дать возможности вновь совершать преступления.

Административный надзор устанавливается в отношении четко определенных категорий освобожденных (ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. №64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»). Применительно к использованию рассматриваемого института в сфере незаконного оборота наркотиков, лица, осужденные за незаконный оборот наркотиков, могут быть подвергнуты административному надзору на общих основаниях – законодатель ограничил его распространение и поставил в зависимость от специального условия (негативного пенитенциарного или постпенитенциарного поведения лица, совершившего преступление).

Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. №66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об админист-

ративном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"» в УК РФ введена ст. 341.1, установившая уголовную ответственность за нарушение административных ограничений и неисполнение требований административного надзора.

По мнению правоохранительных органов, как активное использование самого административного надзора, так и применение в необходимых случаях института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора приносят положительные результаты. В 2013 г. под административный надзор взяты 60,2 тысячи человек, к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ привлечены 1812 человек (3,0%). Из числа лиц, состоящих под административным надзором, повторно совершили преступления всего 8,8%.⁴

Применение института административного надзора в целом способствовало повышению эффективности предупреждения совершения поднадзорными лицами повторных преступлений.

По нашему мнению, указанный институт является действенной мерой по предупреждению совершения преступлений и иных правонарушений не только поднадзорными лицами, освобожденными из мест лишения свободы, но также и опосредованно – гражданами, вступающими в те либо иные отношения с поднадзорными лицами.

Эффективность реабилитации и ресоциализации наркозависимых напрямую зависит от готовности лица выполнять возложенные требования и исполнять ограничения. В этом смысле административный надзор может обеспечить необходимую среду, опосредованно формируя законопослушное поведение и дисциплинируя поднадзорное лицо. Стойкое нежелание лица встать на путь исправления может выразиться в том числе и в нарушении требований административного надзора. В данном случае эффективным средством воздействия выступает институт уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

Кроме того, потенциал указанного института применительно к ресоциализации и реабилитации наркозависимых выражается в том, что уменьшается возможность криминального и антиобщественного воздействия поднадзорных на других лиц. Это действенная форма профилактики.

Так, Ж. приговором от 29 апреля 2004 г. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 228, ч. 1 ст. 234, ей было назначено наказание в виде 6 лет лишения свободы. Решением от 27 февраля 2012 г. в отношении Ж. установ-

лен административный надзор. Ж., действуя умышленно, без каких-либо уважительных причин 13 декабря 2012 г. покинула без уведомления органа внутренних дел место жительства, до 31 января 2013 г. скрывалась от сотрудников полиции. Судом Ж. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ. С учетом того, что Ж. на путь исправления не встала, по месту жительства характеризуется отрицательно, состоит на учете у врача-нарколога за употребление опиоидов, ей назначено наказание в виде 4 месяцев лишения свободы.⁵

Ш. судим 14 ноября 2001 г. по ч. 1 ст. 228, п. «б», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ; 10 апреля 2002 г. – по ч. 3 ст. 111 УК РФ; 4 июня 2012 г. – по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; 3 октября 2012 г. – по ч. 2 ст. 228 УК РФ. 3 февраля 2012 г. в отношении Ш. установлен административный надзор. Однако 15 марта 2012 г. он самовольно сменил место жительства, о чем не уведомил сотрудников полиции. Именно в этот период он совершил деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 228 УК РФ. Ш. признан виновным по ст. 314.1 УК РФ и ему назначено наказание в виде 8 месяцев лишения свободы. Поскольку уклонение от административного надзора совершено Ш. до вынесения приговора от 29 ноября 2012 г., которым он осужден к 3 годам 4 месяцам лишения свободы, окончательное наказание Ш. назначено по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ (по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний) – 3 года 6 месяцев лишения свободы.⁶

Постановлением суда от 10 сентября 2012 г. в отношении Р., осужденного 25 сентября 2008 г. по п. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности с приговором от 26 июля 2006 г. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ установлен административный надзор. Однако Р., будучи надлежащим образом уведомленным об установлении за ним административного надзора и связанных с ним ограничениях, с целью уклонения от такового самовольно без уведомления сотрудников полиции оставил место своего жительства, фактически выбыв из-под административного надзора. Приговором суда Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 месяца.⁷

Приговором от 26 января 2007 г. Б. был осужден п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ к 5 годам 6 месяцам лишения свободы. 9 октября 2011 г. в отношении него был установлен административный надзор. Однако Б. самовольно оставил избранное им место жительства и с августа 2012 г. по февраль 2013 г. не прибывал без уважитель-

ных причин для очередной регистрации в отдел полиции. Суд, признав его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, с учетом данных о личности (отрицательная характеристика по месту жительства и месту работы) назначил наказание в виде 5 месяцев лишения свободы.⁸

Приговором от 19 июня 2007 г. Ч. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы условно. 23 апреля 2008 г. отменено условное осуждение, Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ему назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы. 29 сентября 2012 г. в отношении него установлен административный надзор. В нарушение установленных правил Ч. самовольно, без уважительных причин выехал для проживания в другой населенный пункт, в местный орган внутренних дел на регистрацию не явился. Приговором суда от 25 июня 2013 г. Ч. признан виновным по ст. 314.1 УК РФ, с учетом данных о личности (отрицательная характеристика, состоит на учете в наркологическом диспансере по поводу опийной наркомании) ему назначено наказание в виде 6 месяцев лишения свободы.⁹

Подводя итог изложенному, следует отметить, что административный надзор достаточно активно применяется к лицам, судимым за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. При этом институт уголовной ответственности за уклонение от административного надзора, реализуя карательный потенциал путем изоляции лиц, не желающих выполнять возложенные требования и исполнять ограничения, обеспечивает превенцию в том числе и антинаркотической направленности.

Гуманизация и либерализация по отношению к наркопотребителю должна идти рука об руку с повышением эффективности карательной функции по отношению к тем, кто не желает становиться на путь излечения и продолжает вести антиобщественный образ жизни.

Необходимо отметить, что превентивные возможности института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора существенным образом повышены Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. №514-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации», которым ужесточена ответственность за несоблюдение административных ограничений посредством применения административной преюдиции – привле-

чения к ответственности за аналогичное правонарушение два и более раз в течение года.

¹ Федоров А.В. Антинаркотическая политика и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации (теоретический аспект) // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М.: Издательство «Известия», 2007. Вып. 4: К 15-летию образования Совета Безопасности Российской Федерации. С. 131-137; Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 5-14.

² Иванов В.П. О формировании правовых институтов реализации новой национальной антинаркотической модели // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 2-4.

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : проект Федерального закона № 21465-6 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности МВД России в 2013 г. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>.

⁵ Приговор Черногорского городского суда Республики Хакасия от 04 апреля 2013 г. URL: RosPravosudie.com.

⁶ Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 06 марта 2013 г. URL: RosPravosudie.com.

⁷ Приговор Северского районного суда Краснодарского края от 27 августа 2013 г. URL: RosPravosudie.com.

⁸ Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 15 мая 2013 г. URL: RosPravosudie.com.

⁹ Приговор Калтанского районного суда Кемеровской области от 25 июня 2013 г. URL: RosPravosudie.com.

М.А. Галимова,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ОБ УСИЛЕНИИ ПРЕВЕНТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА**

Одним из основных средств профилактической деятельности, наряду с социальной адаптацией и реабилитацией лиц, прошедших курс лечения и реабилитации от наркотической зависимости, является административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.¹

Административный надзор представляет собой особый вид наблюдения за соблюдением лицами, освобождаемыми и освобожденными

из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими обязанностей, предусмотренных законом. При этом административный надзор не является продолжением наказания лицу, освобожденному из мест лишения свободы, а имеет целью предупреждение повторных преступлений со стороны ранее судимых лиц путем систематического наблюдения за ними и оказания на них индивидуального профилактического воздействия со стороны должностных лиц органов внутренних дел. Смысл установления надзорных обязанностей и ограничений состоит в том, чтобы помешать лицу продолжить противоправную деятельность, воспрепятствовать возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей, не дать возможности вновь совершать преступления. Иными словами, основная задача административного надзора состоит в специальной превенции.

Относительно использования административного надзора в сфере незаконного оборота наркотиков² – к лицам, осужденным за незаконный оборот наркотиков, эта мера применяется на общих основаниях (деяние относится к категории тяжкого или особо тяжкого преступления либо совершено при рецидиве преступлений). При этом законодатель ограничил его распространение и поставил в зависимость от специального условия – негативного пенитенциарного или постпенитенциарного поведения лица, совершившего преступление.

Уголовно-правовой мерой, обеспечивающей позитивное постпенитенциарное поведение поднадзорного лица, является институт уголовной ответственности за уклонение от административного надзора, санкции которого применяются дифференцированно с учетом обстоятельств, характеризующих личность поднадзорного, и других обстоятельств.

Так, 03 мая 2007 г. В. была осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ к лишению свободы сроком на 4 года. По отбытии наказания в отношении В. был установлен административный надзор сроком на 6 лет. По прибытии к избранному ей месту жительства В. встала на профилактический учет, исправно и своевременно являлась на регистрацию в отдел полиции, однако самостоятельно, без уведомления соответствующего органа, оставила место своего жительства и уехала в гости к знакомой, где находилась в период с 14 по 16 и с 18 по 20 января 2013 г., фактически выбыв из под надзора. Судом действия В. квалифицированы по ст. 314.1 УК РФ – уклонение от административного надзора, а именно самовольное оставление лицом, за которым установлен административный надзор, места жительства, совершенное в целях уклонения. При назначении наказания суд принял во внимание обстоятельства, характеризующие личность подсудимой (положительно характеризуется по месту жительства, не состоит на учете в наркологическом и психоневрологическом диспансерах, полностью признала свою вину, искрен-

не раскаялась), а также тот факт, что уклонение от административного надзора имело место непродолжительное время. В. было назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы (4 месяца лишения свободы условно, с испытательным сроком 6 месяцев).³

Необходимо отметить, что первоначальная редакция ст. 314.1 УК РФ, установив уголовную ответственность за нарушение административных ограничений и неисполнение требований административного надзора, оставила за рамками криминализации нарушение правил административного надзора, существенно ограничив ее превентивный потенциал.

Однако ст. 198.2 УК РСФСР 1960 г. (прообраз рассматриваемого института, достаточно активно использовался правоприменителем⁴), наряду с уголовной ответственностью за уклонение от административного надзора криминализировала злостное нарушение правил административного надзора, используя двукратную преюдицию.

Согласно статистическим данным, по состоянию на 1 октября 2012 г. под административным надзором органов внутренних дел состояли 34 714 лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Но, несмотря на установленные судом в отношении поднадзорных лиц административные ограничения, указанные граждане продолжали совершать противоправные деяния. При этом за 9 месяцев 2012 г. поднадзорные лица участвовали в совершении более 1 000 умышленных тяжких и особо тяжких преступлений, в числе которых 34 убийства, 62 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 18 преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, 157 грабежей, 39 разбойных нападения, 6 вымогательств, 589 краж, 133 преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Потенциал ст. 314.1 УК РФ был использован в отношении только 1,3% поднадзорных (по фактам уклонения от административного надзора, а также неприбытия без уважительных причин к избранному месту жительства возбуждены 442 уголовных дела). Хотя в ходе осуществления контроля за соблюдением поднадзорными лицами установленных судом ограничений и обязанностей сотрудниками полиции с момента вступления в силу Федерального закона от 6 апреля 2011 г. №64-ФЗ к административной ответственности привлечены 22 734 лица, состоящих под административным надзором, которыми совершены более 34 тысяч административных правонарушений, из них 7 135 – против порядка управления, 11 833 – посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, 1347 – посягающих на здоровье населения и общественную нравственность.⁵

Кроме того, конкретные примеры из правоприменительной практики показывают, что ряду резонансных преступлений, приведших к тяжким последствиям, совершенных поднадзорными лицами, предшествовало неоднократное нарушение административных ограничений.

Так, в Республике Тыва состоящий под административным надзором Ч. привлекался к административной ответственности за нарушение установленных административных ограничений в виде запрещения пребывания в определенных местах. Несмотря на принимаемые меры со стороны сотрудников полиции, поднадзорный, находясь в состоянии алкогольного опьянения, насильно завел в подвал детского учреждения несовершеннолетнюю и изнасиловал ее.

В городе Кирове поднадзорный Б. неоднократно привлекался к административной ответственности, в том числе за несоблюдение административных ограничений. Также в отношении него за уклонение от административного надзора возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ. Несмотря на принимаемые сотрудниками полиции меры, Б. совершил убийство гражданина П.

В Нижегородской области ранее судимый за изнасилование и насильственные действия сексуального характера поднадзорный О. трижды привлекался к административной ответственности за несоблюдение административных ограничений. Несмотря на принимаемые сотрудниками полиции меры, О. вновь совершил изнасилование женщины.⁶

Перечень подобных примеров может быть продолжен. Так, в отношении А., судимого по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, и совершившего административное правонарушение после освобождения из мест лишения свободы, был установлен административный надзор. Однако поднадзорный не являлся на регистрацию (он был пьян, и ему не хотелось идти), выезжал за пределы населенного пункта с целью навестить друга и распить с ним спиртные напитки (не уведомлял сотрудников полиции о том, что уезжает, так как боялся, что ему не разрешат навестить друга), не ночевал дома. При этом он неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка (распитие спиртных напитков). В связи с допущенными нарушениями А. был привлечен к уголовной ответственности за уклонение от административного надзора. 9 июня 2012 г. Грязинским районным судом Липецкой области в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, был вынесен оправдательный приговор (в связи с отсутствием в деянии состава преступления). Свое решение суд мотивировал тем, что, не выполняя требования, А. не имел цели уклониться административного надзора (это даже не приходило ему в голову), уклонение было связано с недобросовестным отношением к выполнению установленных обязанностей, отсутствие А. в месте проживания носило эпизодический характер. При этом надзорными органами А. характеризовался как лицо, склонное к совершению преступлений и административных правонарушений, злоупотребляющее спиртными напитками.⁷

Сложившаяся ситуация создала предпосылки к тому, что в период административного надзора А. совершил преступление, предусмотренное п. «б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (тайное хищение чужого имущества, совершенное с незаконным проникновением в помещение, с причинением значительного ущерба гражданину).

Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. №514-ФЗ ст. 314.1 УК РФ дополнена частью второй, предусматривающей установление ответственности за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с Федеральным законом, сопряженное с совершением административного правонарушения против порядка управления, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность или на здоровье населения и общественную нравственность.

Таким образом, превентивная составляющая рассматриваемого института существенно повышена – сфера его деятельности распространяется не только на случаи уклонения от административной ответственности, но и на случаи неоднократного несоблюдения административных ограничений.

Несмотря на неоднозначный подход в правовой доктрине к использованию административной преюдиции в уголовном праве, существованию признака неоднократности, различных критических замечаний по этому поводу, по нашему мнению, современная редакция ст. 314.1 УК РФ полностью соответствует принципам современной антинаркотической политики российского государства – гуманизация и либерализация по отношению к лицам, больным наркоманией, должна идти рука об руку с повышением эффективности карательной функции по отношению к тем, кто не желает становиться на путь излечения и продолжает вести антиобщественный образ жизни.⁸ Действенной эффективной мерой в этом направлении может служить институт уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

¹ Проект Федерального закона № 421465-6 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» : принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении : постановление ГД ФС РФ от 12 марта 2014 г. № 3917-6 ГД // СПС КонсультантПлюс.

² Необходимо отметить, что ранее Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (до внесения в него изменений Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ) предусматривал возможность установления на основании судебного решения в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, после освобождения из мест отбывания лишения свободы наблюдения за ходом их социальной реабилитации. Такое наблюдение предусматривало запрет посещения определенных мест, ограничение пребывания

вне дома после определенного времени суток или ограничение выезда в другие местности без разрешения органов внутренних дел. По своему содержанию данная мера имела уголовно-правовой характер и фактически являлась прообразом современного административного надзора.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 09 апреля 2013 г. по делу № 1-285/2013// RosPravosudie.com.

⁴ Ответственность за нарушение правил административного надзора : обзор судебной практики // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 11.

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и КоАП РФ в части усиления ответственности за несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, установленных ему административных ограничений» // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Там же.

⁷ Приговор Грязинского районного суда Липецкой области от 09 июня 2012 г. // RosPravosudie.com.

⁸ Иванов В.П. О формировании правовых институтов реализации новой национальной антинаркотической модели // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 3.

Р.Н. Гордеев

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

О КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СМЕСИ

Анализ судебно-следственной практики позволил выявить неоднородность уголовно-правовой оценки предмета наркопреступлений. Так, выступая в качестве предмета преступления, наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги представляют собой материальный объект определенного вида, имеющий объем, вес, т.е. определенные качественно-количественные характеристики. Количество наркотического средства или психотропного вещества является одним из условий наступления уголовной ответственности и имеет существенное значение для правовой оценки совершенного деяния.

Значительный, крупный и особо крупный размер является конструктивным признаком наркопреступлений. Небольшой размер наркотических средств при незаконном их приобретении, хра-

нении, перевозке, изготовлении и переработке без цели сбыта влечет административную ответственность (ст. 6.8 КоАП РФ).

Основные расхождения в алгоритме квалификации относятся к ситуациям, когда данные вещества находятся в смеси.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указано, что если наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в Список I (или кокаин, кокаина гидрохлорид), входит в состав смеси (препарата), содержащей одно наркотическое средство или психотропное вещество, его размер определяется весом всей смеси.

Аналогичная позиция была продублирована Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г., где было отмечено, что при решении вопроса о размере наркотических средств (крупный или особо крупный) из Списка I, утвержденного постановлением Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76, суды должны исходить из общего количества смеси (в граммах), содержащихся в ней наркотического средства и нейтральных компонентов (мука, крахмал, табак, тальк и т.п.), а не из количества содержащегося в смеси наркотического средства (в граммах) в чистом виде.

В качестве примера в Обзоре приведено уголовное дело, рассмотренное Астраханским областным судом. Так, у С. была обнаружена смесь частиц растения табака и наркотического средства растительного происхождения кустарного изготовления – масла каннабиса (гашишного масла), количество гашишного масла в смеси составляло 0,37 г. Однако наркотическое средство, обнаруженное и изъятое у С., входящее в состав смеси, – гашишное масло включено в Список I наркотических средств, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации, и по смыслу уголовного закона размер наркотического средства, входящего в состав смеси, должен был определяться исходя из веса всей смеси, то есть 2,92 г.

Однако в настоящий момент в правоприменительной деятельности сложилась ситуация, при которой не все следственные и судебные органы придерживаются данных руководящих положений Верховного Суда РФ. Связано это с тем, что при проведении экспертиз по определению вида и размера предоставленного вещества эксперт отделяет масло каннабиса от табака и в заключении делает

вывод о размере наркотического средства в чистом виде без учета веса нейтрального вещества (табака).

Действия эксперта основываются на методических рекомендациях «Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака», подготовленных ЭКЦ МВД России в 1995 г., согласно которым в случае, если гашишное масло нанесено на табачные изделия, его предварительно экстрагируют с табака гексаном, а затем упаривают полученный экстракт при 110-115⁰С до постоянного веса.¹ При этом в обязанности эксперта входит установление размера как всей смеси, так и отдельно веса наркотического средства, психотропного вещества или аналога.

В самих рекомендациях также отмечается, что квалификация размеров наркотического средства является функцией следственных органов и суда и выходит за пределы компетенции экспертов.² Уголовно-правовую оценку данным размерам эксперт дать не может.

То есть квалификация размера наркотического средства, психотропного вещества или аналога должна осуществляется следственными органами и судом на основе оценки всех обстоятельств уголовного дела с учетом действующего законодательства Российской Федерации и разъяснений по вопросам судебной практики, данных Верховным Судом РФ. Обязательность учета данных разъяснений при уголовно-правовой оценке вытекает из положения, закрепленного в ч.4 ст.19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которому Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики.

Также стоит отметить, что методические рекомендации «Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака» были утверждены Постоянным комитетом по контролю наркотиков 6 февраля 1995 г. (протокол № 36) во исполнение обязательства, установленного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», которое утратило силу и в котором не разъяснялась квалификация наркотических средств, находящихся в смеси.

На этом основании следует заключить, что при уголовно-правовой оценке размера наркотического средства из Списка I, находящегося в смеси с нейтральным веществом и предназначенного для немедицинского потребления, учету подлежит вес всей смеси.

Иначе осуществляется оценка предмета наркопреступлений, включенного в Список I наркотических средств, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации, находящихся в жидком (растворенном) состоянии.

Связано это с тем, что Список I наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. №1002, дополнен примечанием, в соответствии с которым для всех жидкостей и растворов, содержащих хотя бы одно наркотическое средство или психотропное вещество из перечисленных в Списке I, их количество определяется массой сухого остатка после высушивания до постоянной массы при температуре +70... 110 градусов Цельсия (вступило в силу с 1 января 2013 г.).³

Кроме этого, решая вопрос о том, относится ли смесь наркотического средства или психотропного вещества, включенного в Список I (или кокаина, кокаина гидрохлорида), и нейтрального вещества (наполнителя) к крупному или особо крупному размерам, судам следует исходить из предназначения указанной смеси для немедицинского потребления.⁴

Так, если наркотическое средство было смешано с нейтральным веществом в целях перевозки, хранения, сокрытия или других действий, не связанных с его употреблением, то такие смеси необходимо разделять, отделяя нейтральное вещество от наркотического. При этом вменению подлежит вес только наркотического вещества.

Например, А. для осуществления контрабандной поставки масла каннабиса (гашишного масла) смешивает его с нейтральным веществом (подсолнечным маслом). При квалификации действий А. учитываться будет вес не всей смеси, а лишь вес масла каннабиса.

В тех случаях, когда наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в Список I (или кокаин, кокаина гидрохлорид), входит в состав смеси (препарата), содержащей более одного наркотического средства или психотропного вещества, его количество определяется весом всей смеси по наркотическому средству или психотропному веществу, для которого установлен наименьший крупный или особо крупный размер.⁵

Иначе осуществляется квалификация с веществами включенными в Список II и III, так в том же постановлении указано, что в тех случаях, когда наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в Список II (за исключением кокаина и кокаина гидрохлорида) и Список III, находится в смеси с каким-либо

нейтральным веществом (наполнителем), определение размера наркотического средства или психотропного вещества производится без учета количества нейтрального вещества (наполнителя), содержащегося в смеси.⁶

Подводя итог, можно констатировать следующее.

Деятельность эксперта должна быть связана с установлением вида наркотика и его размера, для чего он может разделить наркотическое средство, выделить из него составляющие компоненты, высушить, выпарить, растворить, измельчить, спрессовать и т.п., но в заключении должен указать вес поступившего на исследование образца, вид наркотика, наличие нейтральных веществ и вес наркотика без них.

Следственные органы и суд, оценивая все обстоятельства уголовного дела, учитывая действующее законодательство России и разъяснения Верховного Суда РФ, осуществляют уголовно-правовую квалификацию.

¹ Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака : методические рекомендации / В.И. Сорокин и др. ; под ред. д-ра мед. наук, проф. Э.А. Бабаяна. М.: ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ МЮ России, 1995.

² Там же.

³ Ответы на вопросы судов о применении отдельных положений Уголовного Кодекса Российской Федерации в связи с необходимостью приведения приговоров в соответствие с законодательством, вступившим в силу с 1 января 2013 года, в части осуждения за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а также прекурсоров : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 февраля 2013 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. № 14 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

А.В. Агафонов,

кандидат юридических наук
Сибирский государственный
технологический университет
(г.Красноярск)

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ПОНЯТИЯ «ПЕРЕВОЗКА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ»**

Согласно вполне традиционному и, впрочем, давно существующему в современной доктрине уголовного права России мнению составы преступлений, признаки которых, отражены в ст. 228, 228.3 УК РФ, по структуре изложения относятся, в первую очередь, к сложным. При этом, общеизвестно, что «...сложный состав преступления имеет дополнительные в количественном плане элементы или признаки, однако в совокупности с основными они представляют один состав преступления»¹, во-вторую, – к альтернативным, т.е. описывают «...не одно преступное действие или способ действия, а несколько вариантов, наличие хотя бы одного из которых является основанием для решения вопроса об уголовной ответственности»².

В качестве одного из уголовно наказуемых действий объективной стороны анализируемых нами составов преступлений выступает перевозка. Однако от раскрытия содержания этого, безусловно, важного уголовно-правового термина законодатель России воздерживается до сих пор. При этом социально правовая важность и крайняя необходимость этого однозначно не подлежит какому либо сомнению.

В качестве одного из способов разрешения возникшей проблемы в доктрине уголовного права России вполне традиционно и довольно давно используется бланкетность, под которой понимается «способ изложения норм права, предполагающий, что закрепленная в статье норма права содержит отсылку не к конкретному нормативному правовому предписанию – статье нормативного правового акта (как это характерно для отсылочного способа), а к другому нормативному правовому акту»³.

Самым ближайшим и социально обусловленным в этом случае, по нашему мнению, выступает ГК РФ, в ч. 1 ст. 784 которого, в частности, указано; «перевозка грузов, пассажиров и багажа осуществляется на основании договора перевозки...».

Согласно ч. 1 ст. 785 ГК РФ «по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправить обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату», а согласно ч. 2 той же статьи: «Заключение договора перевозки груза подтверждается составлением и выдачей отправителю груза транспортной накладной (коносамента или иного документа на груз, предусмотренного соответствующим транспортным уставом или кодексом».

Следовательно «договор перевозки является возмездным – размер и порядок провозимой платы определяется сторонам. По юридической природе договор перевозки грузов является реальным, возмездным, двустороннеобязывающим. Реальность договора перевозки обуславливается тем, что договор считается заключенным только после передачи груза перевозчику. У двустороннего договора перевозки грузов три субъекта – грузоотправитель, перевозчик и грузополучатель...»⁴.

Однако в современной правоприменительной практике правоохранительных органов России подобное понимания уголовно-правового термина «хранения» вряд ли приемлемо, т.к. перевозить наркотик и ему подобное вещество вполне может не только перевозчик, но и сам грузоотправитель или грузополучатель, т.е. то лицо, которое при этом является его реальным собственником, в силу различных на то обстоятельств.

Видимо поэтому и с целью исключения каких либо проблем с трактованием этого термина при использовании его в дальнейшем в правоприменительной практике Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в соответствии с которым «под незаконной перевозкой следует понимать умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства, а также в нарушение общего порядка перевозки указанных средств и веществ, установленного статьей 21 Федерального закона "О наркотических средствах и психотропных веществах"».

В юридической литературе под перевозкой понимается перемещение на любом транспорте, но не непосредственно при себе. Принципиальное значение имеет способ перемещения (за счет личных физических усилий или посредством использования транспортного средства), а также установление субъективной стороны, то есть выяснение умысла и его направленность.⁵

При этом следует иметь в виду, что незаконная перевозка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может быть осуществлена с их сокрытием, в том числе в специально оборудованных тайниках в транспортном средстве, багаже, одежде, а также в полостях тела человека или животного и т.п.»⁶.

Безусловно, настоящее судебное определение указанного термина более предметно отвечает нуждам современной правоприменительной практике правоохранительных органов России, поскольку основывается на вполне банальных и общепонятных признаках этого явно асоциального, а поэтому и вполне криминального явления.⁷

Однако здесь, по мнению автора настоящей статьи, неизбежно возникает одна принципиальная дилемма, а именно: может ли, имеет ли право Верховный Суд Российской Федерации, который все-таки согласно ст. 129 Конституции РФ является всего лишь правоприменителем, хотя и высшим, подменять своими решениями подобные решения Федерального собрания России, который в соответствии со ст. 94 Конституции РФ является именно законодательным органом нашей страны.

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997 С. 122.

² Там же. С. 122-123.

³ URL: <http://www.yandex.ru/>

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Ч. 1,2,3,4 / под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект, Екатеринбург: Институт частного права, 2009. С. 739-740.

⁵ Мальков С.М., Кац Е.А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Красноярск, 2006. С. 50-51.

⁶ В ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31.

⁷ См., напр.: «Перевести. 1.кого (что). Ведя через какое-н. пространство, переместить, 2. Переместить из одного места на другое...» // Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 4. С-Я. 1984. С. 404.

В.Н. Винокуров,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОДОЛЖАЕМОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Согласно п.13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», если лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него наркотических средств, не образующих крупный или особо крупный размер, все содеянное им подлежит квалификации по ч.3 ст.30 и ст.228.1 УК РФ. Данное разъяснение основано на положении о том, что если деяние соответствует составам неоконченного и оконченного преступления, оно квалифицируется по статье, предусматривающей состав более тяжкого неоконченного преступления,¹ и направлено на разграничение продолжаемого сбыта наркотических средств от квалификации по совокупности преступлений, по направленности умысла.

Проблема квалификации указанных действий актуальна в связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов, проводя проверочную закупку наркотических средств для получения доказательства того, что виновный хранит их для сбыта, имеют право закупать наркотики не один, а два и более раза для выявления других соучастников, их роли в преступлении, канала поступления наркотических средств и др. При этом, как правило, все последующие факты сбыта наркотических средств лицу, осуществляющему проверочную закупку, получают самостоятельную оценку и действия виновного квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, что обусловлено стремлением повысить статистику раскрываемости.

Однако установление содержания субъективной стороны преступления всегда проблематично. В качестве объективных критериев установления направленности умысла виновного и разграничения продолжаемого сбыта наркотических средств от совокупности преступлений в теории предлагают такие, как временной промежуток между фактами сбыта, тождественность действий.

Временной промежуток между фактами сбыта наркотических средств очень абстрактный критерий. Представим себе, что в одном случае проверочную закупку проводят через три дня, что, по мнению суда, свидетельствует о наличии единого умысла на сбыт наркотических средств, а в другом случае повторная проверочная закупка проводится через месяц после первой, что, по его мнению, свидетельствует о том, что умысел на сбыт возникал каждый раз заново. Соответственно, для того, чтобы выявить и раскрыть два покушения на сбыт наркотических средств, повторную проверочную закупку будут проводить через месяц.

Анализ решений Верховного Суда РФ позволяет выявить еще критерии, на основании которых предпринимают попытки разграничить продолжаемый сбыт от совокупности преступлений. Так, в определении от 10 января 2010 г. №50-Д10-24 отмечено, что о наличии единого умысла на сбыт наркотических средств свидетельствует их сбыт одному и тому же лицу. В другом определении от 14 октября 2008 г. №16-Д08-37 указано, что доводы о том, что действия Б. по всем эпизодам сбыта наркотических средств одному и тому же лицу Ч. следовало квалифицировать как одно преступление, не основаны на материалах дела, согласно которым Б. не договаривался с Ч. о продаже наркотических средств в несколько приемов и в определенном количестве, поэтому действия виновного были квалифицированы по совокупности преступлений. Таким образом, количество лиц, которым виновный сбывал наркотические средства, не может выступать критерием разграничения продолжаемого сбыта от совокупности преступлений, поскольку объектом преступления, предусмотренного ст.228.1 УК РФ является здоровье не одного человека, а населения. Кроме этого если количество лиц, которым виновный сбывал наркотики признать критерием разграничения продолжаемого сбыта от совокупности преступлений, то получится, что если для проведения проверочных закупок привлекался не один и тот же человек, а два, то тогда действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Представляется, что единственным точным критерием разграничения продолжаемого сбыта от совокупности преступлений выступает источник наркотического средства (см.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июля 2010 г. №18-Д10-34). Так, если виновный приобрел партию наркотических средств, сбыв ее, затем приобрел еще партию наркотических средств, сбыв ее часть, это действительно служит пока-

зателем того, что умысел виновного на сбыт наркотических средств формировался каждый раз заново.

Таким образом, анализ решений Верховного Суда РФ не позволил выявить какой-либо четко устанавливаемый критерий разграничения продолжаемого сбыта от совокупности преступлений, предусмотренных ст.228.1 УК РФ, что влечет различную правовую оценку практически тождественных деяний, поскольку установление направленности умысла виновного базируется фактически на совокупности косвенных объективных признаков, оценка которых зависит от субъективного усмотрения судьи.

Выход из создавшейся ситуации видится в следующем. Во-первых, исключить из диспозиции ст.228 УК РФ формулировку «без цели сбыта». Во-вторых, действия виновного, хранившего наркотические средства и сбывшего их часть лицу, участвовавшему в проведении проверочной закупки, квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ и ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ. В-третьих, все факты проведение проверочных закупок в отношении конкретного человека следует квалифицировать как единое продолжаемое покушение на сбыт наркотических средств, а не по совокупности преступлений. Вследствие этого проверочные закупки сотрудники правоохранительных органов будут проводить для действительного выявления каналов поступления наркотических средств, выявления всех соучастников преступления и их роли в совершении преступления, а не для улучшения статистических показателей. О целесообразности такого подхода свидетельствует то, что согласно п. 13 указанного постановления сбыт наркотических средств два и более раза образует продолжаемый сбыт, только если размер сбываемых наркотических средств не образует крупный или особо крупный размер. Соответственно, если виновный два раза сбывал лицу, участвующему в проведении проверочной закупки, наркотическое средство, образующее крупный или особо крупный размер, то его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений. Таким образом, действия виновного, сбывающего наркотическое средство в несколько приемов, следует квалифицировать как совокупность преступлений или продолжаемое преступление в зависимости от массы сбываемого им наркотического средства. Так, Щ. изготовил для сбыта гашишное масло массой 11,6 г, а затем изготовил гашишное масло массой 21,75 г. После этого 21 августа 2004 г. он сбыв 11,6 г гашишного масла лицу, участвовавшему в

проверочной закупке, а 26 августа 2004 г. – гашишное масло массой 27,75 г лицу, также участвовавшему в проверочной закупке. Его действия были квалифицированы по совокупности покушений на сбыт наркотических средств особо крупном размере. Несмотря на утверждения Щ. о том, что у него имелся единый умысел на сбыт всего имевшегося у него наркотического средства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении от 29 июля 2008 г. №72-Д08-1 оставила его жалобу без удовлетворения, поскольку указанные факты свидетельствуют о том, что действия Щ. образуют совокупность преступлений.

¹ Курченко В.Н. Сбыт наркотиков: совокупность деяния или единое преступление? // Российская юстиция. 2005. №12. С.6.

О.А. Беларева,

кандидат юридических наук
Сибирский филиал Международного
института экономики и права
(г. Новокузнецк)

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕМОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СУДОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В теории уголовного права единичные преступления подразделяются на простые и сложные. Одним из видов единичных сложных преступлений называют продолжаемые преступления. Определение продолжаемого преступления дано в п.2 постановления Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к деящимся и продолжаемым преступлениям», к ним относятся преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление.

К числу преступлений, которые могут совершаться как продолжаемые, безусловно, относится сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, и частей растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (далее – наркотические средства). Действительно, в су-

дебно-следственной практике нередко встречаются случаи, когда лицо незаконно приобретает с целью сбыта наркотическое средство и сбывает его по частям в несколько приемов.

В теории квалификации преступлений при исследовании правил квалификации продолжаемых преступлений подчеркивается, что для таких преступлений характерен определенный (конкретизированный) умысел, для реализации которого и совершается многоактная преступная деятельность. Из этого следует, что продолжаемое преступление можно считать оконченным только при реализации умысла виновного, достижении поставленной цели. Если же по независящим от воли лица обстоятельствам задуманное не было доведено до конца, не был реализован полностью умысел, содеянное должно получить уголовно-правовую оценку как покушение на соответствующее преступление.

Анализ судебно-следственной практики по Кемеровской области показал, что на сегодняшний день не сложилось однообразного подхода к оценке сбыта наркотических средств, осуществляемого в несколько приемов. Ознакомление с приговорами и определениями судов апелляционной инстанции позволяет утверждать, что нет единства в квалификации таких действий судами первой, второй инстанций, судьями и государственными обвинителями.

Достаточно типичной является ситуация, когда виновный незаконно приобретает наркотические средства с целью сбыта, часть из них сбывает, при покушении на сбыт второй части задерживается в рамках ОРМ, третья часть обнаруживается у него в незаконном хранении. Можно выделить следующие варианты уголовно-правовой оценки таких действий.

1. Содеянное в целом квалифицируется как одно преступление по ст. 228.1 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30. Так, Центральный районный суд г. Кемерово признал гр.К. виновным в покушении на сбыт наркотических средств в значительном размере, указав, что им были совершены тождественные, однородные действия, направленные к единой цели – сбыту наркотического средства в значительном размере. Суд установил, что преступление состоит из трех эпизодов: незаконный сбыт наркотического средства, покушение на незаконный сбыт наркотических средств в рамках проведенного оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» и незаконное хранение с целью сбыта наркотических средств в значительном размере в одежде и в автомобиле, на котором передвигался осужденный.

Такое решение признала обоснованным и Судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда, указавшая, что совершено единое продолжаемое преступление, направленное на незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере, которое гр. К. не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, и квалификацию по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ следует признать правильной. Суд обоснованно пришел к выводу о том, что осужденным были совершены тождественные, однородные действия, направленные на распространение всей имеющейся массы наркотического средства, направленные к единой цели – сбыту наркотических средств, т.е. им совершено продолжаемое преступление.¹

2. Содеянное предлагается квалифицировать по совокупности оконченного сбыта наркотических средств, покушения на сбыт и приготовления к сбыту наркотических средств. Так, по делу супругов Л. было установлено, что перед сбытом наркотических средств 10.05.2010 В. и 01.06.2010 К. Л-на, зная, что Л-ев приобрел и расфасовал героин, сообщала ему о желании данных лиц его приобрести, говорила, сколько им нужно героина, после чего Л-ев передавал Л-ной «чеки» с героином, которые она реализовывала, остальной героин Л-ев хранил с целью сбыта, не доверяя Л-ной. Его действия были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (по преступлению от 10.05.2010), по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (по преступлению от 01.06.2010) и по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (по преступлению от 01.06.2010). Судебная коллегия Кемеровского областного суда приговор оставила без изменения.²

Следует заметить, что в первом приведенном примере обвинение было предъявлено именно в сбыте, покушении на сбыт и приготовлении к сбыту наркотических средств, эта квалификация поддерживалась государственным обвинителем в апелляционном представлении.

Существенно отличается квалификация незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого в несколько приемов, если устанавливается, что для каждого эпизода сбыта наркотическое средство приобретается отдельно и реализуется полностью. В таких случаях наблюдается единство уголовно-правовой оценки содеянного как совокупности доказанного количества сбытов наркотических средств.

Интересен пример, когда преступное сообщество, созданное для незаконного сбыта наркотических средств совершило 8 эпизодов незаконного приобретения наркотических средств с целью

сбыта, по каждому эпизоду сбыт был совершен в несколько приемов разным лицам. Квалифицируя содеянное, Кемеровский областной суд оценил действия преступного сообщества как совокупность 8 преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, каждое из которых является продолжаемым и состоит из ряда тождественных деяний (сбыта наркотических средств), объединенных общей целью – сбыт приобретенного для этого наркотического средства в определенном размере.³

Противоположные судебные решения по квалификации преступлений, совершенных при одинаковых обстоятельствах, свидетельствуют о необходимости разъяснений Верховного Суда РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» содержит рекомендацию о квалификации сбыта наркотических средств, совершаемого в несколько приемов, если умысел, направленный на сбыт в крупном или особо крупном размере, не был реализован полностью и размер фактически сбытого не составляет крупного или особо крупного. В частности, в абзаце 6 п.13 постановления судам рекомендовано квалифицировать такие деяния по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, т.е. как покушение на сбыт наркотических средств в крупном или особо крупном размере.

Такая рекомендация логична, понятна, соответствует правилам, разработанным теорией квалификации преступлений. Однако возникает вопрос: как квалифицировать содеянное, если, приобретя для сбыта наркотическое средство в крупном или особо крупном размере, лицо реализует не весь объем, но размер того наркотического средства, которое сбыто, составляет крупный или особо крупный. Например, приобретя для сбыта 200 г героина, виновный успел реализовать 140 г. И тот, и другой размеры являются крупными. Фактически содеянное содержит признаки сбыта в крупном размере, но поскольку умысел на сбыт 200 г не был доведен до конца по не зависящим от лица обстоятельствам, следует ли содеянное квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ?

Представляется, что недоведение задуманного до конца в части реализации всего приобретенного для сбыта наркотического средства может влиять на квалификацию лишь при условии, что предполагаемый и фактически имевший место размер сбытого наркотического средства по-разному оцениваются законодателем – хотел сбыть в особо крупном размере, а сбыл только в крупном или

значительном. Содеянное следует квалифицировать по направленности умысла как покушение на преступление с наиболее отягчающим обстоятельством.

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/23003790>.

² URL: <http://www.gcourts.ru/case/21071939>.

³ URL: <http://www.gcourts.ru/case/23951492>.

Е.Б. Анисимов,

кандидат юридических наук
Управление аппарата Государственно-
го антинаркотического комитета по
Сибирскому федеральному округу
(г. Новосибирск)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Перспективу установления уголовной ответственности для юридических лиц было бы рациональным обсудить в практической плоскости, то есть в связи со складывающимися угрозами.

Как одну из таких угроз, набирающих все более масштабные размеры, эксперты отмечают пересылку психоактивных веществ посредством вложения в почтовые отправления. Пересылка таким способом больших объемов наркотиков невозможна в силу ограничения письменной корреспонденции как по размеру (max – 229x324 мм) так и по весу (max – 100 гр). Поэтому, как правило, в письменных почтовых отправлениях наркотики пересылаются либо в целях личного потребления, либо в качестве пробников.

Особого внимания требуют крупные почтовые отправления в виде посылок, вес которых достигает 10 кг (стандартные) и 50 кг (тяжеловесные, крупногабаритные), а также почтовые отправления в виде бандеролей, вес которых может достигать 2 кг.

В настоящее время на рынке почтовых услуг, курьерских компаний и иных грузоотправителей действует значительное количество юридических лиц, и деятельность большинства их них не подлежит лицензированию, то есть, по сути, бесконтрольна.

Юридическое лицо, как и лицо физическое, выступает субъектом права и может быть привлечено к гражданско-правовой и административной ответственности, а ст. 48 Гражданского кодекса РФ устанавливает его признаки: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и

осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде».

Однако содействуя незаконному обороту наркотиков, такие юридические лица не подвергаются уголовно-правовому воздействию, хотя подобная устоявшаяся практика имеется во многих странах (Дания, Норвегия, Финляндия, Иордания, Ливан, Сирия, Китайская Народная Республика, Индия, Япония, Румыния, США, Германия и др.).

В качестве одного из факторов риска распространения психоактивных веществ путем их вложения в посылки и бандероли, следует рассматривать и предоставляемый ФГУП «Почта России» современный сервис пересылки почтовых отправок с использованием почтоматов.

Для отправки почтового отправления с адресацией в почтомат, почтовое отправление в открытом виде необходимо предоставить оператору. Данная мера в какой-то степени препятствует пересылке запрещенных веществ, однако использование различных способов маскировки (сокрытие в полостях компьютерной, бытовой техники и т.д.), позволяет использовать почтоматы в незаконных целях. Отправителю достаточно формально указать анкетные данные получателя и номер его мобильного телефона, при этом анкетные данные могут быть вымышленными, а телефон зарегистрирован на постороннее лицо.

В настоящее время в 60 городах Российской Федерации действует 145 почтоматов ФГУП «Почта России», расположенных в крупных торгово-развлекательных центрах, а также в отделениях почтовой связи. В Сибирском федеральном округе находятся 15 почтоматов, из них 9 – в Новосибирске, 2 – в Омске и по одному в Кемерово, Новокузнецке, Красноярске, Томске. При этом только два почтомата, в Новосибирске и Омске, находятся в отделениях связи, где получение почтовых отправок требует идентификации.

Проведенный анализ мер по контролю почтовых отправок показывает, что эффективным барьером для распространения запрещенных психоактивных веществ путем их вложения в посылки и бандероли, в том числе с использованием почтоматов, могут стать магистральные сортировочные центры, оснащенные досмотровым оборудованием. Однако в настоящее время такого оборудования в МСЦ на территории Сибирского федерального округа нет. Единственный в Красноярском МСЦ интроскоп, установленный в 2000 г. для контроля и досмотра почтово-багажных отправок (фирмы Heiman Systems, 2-го класса точности) в рамках борьбы с

террористической угрозой, настроен только на поиск металлических предметов, оружия и не предназначен для обнаружения подконтрольных веществ.

На неоднократные обращения правоохранительных органов об оснащении МСЦ необходимым досмотровым оборудованием руководство филиалов ФГУП «Почта России» отвечает отказом, аргументируя это отсутствием необходимых финансовых средств для его приобретения и обслуживания.

Необходимо отметить, что ст. 51-52 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусмотрена возможность ликвидации юридического лица по решению суда в связи с совершением деяний, которые в соответствии с уголовным законодательством признаются преступными.

При иных обстоятельствах этот пример коллективной безответственности мог бы подлежать применению ст. 2.07. Примерного Уголовного кодекса США (1962 г.) предусматривающей ответственность корпораций, некорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах. В ч. 1 данной статьи говорится, что корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия.¹

В российском праве в основу законодательного определения понятия преступления положен материальный признак – общественная опасность. В уголовно-правовом аспекте общественная опасность состоит в реальной возможности причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, охраняемым законом. Таким образом, действуют общие критерии определения общественной опасности: важность защищаемых законом общественных отношений; размер, степень, характер и объем причиненного вреда; особенность самого общественно опасного действия, особенность статуса юридического лица. По нашему мнению, в данном случае следует согласиться с выводами Б.В. Волженкина, который отмечал: «целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могли бы не только физические лица, но при определенных условиях и юридические лица»².

Как показывает анализ современного уголовного законодательства стран мира, помимо штрафа к корпорациям наиболее часто применяются следующие санкции:

1) специальная конфискация (Албания, Бельгия, Ирак, США, Франция);

2) ограничение деятельности юридического лица, в том числе запрет заниматься отдельными видами деятельности, закрытие подразделений или филиалов (Албания, Бельгия, Испания, Литва, Молдова, Перу, Франция);

3) временное прекращение деятельности юридического лица (Испания, Перу);

4) ликвидация юридического лица (Бельгия, Литва, Молдова, Перу, Франция);

5) публикация приговора (Бельгия, Франция).

Какие из перечисленных санкций могли бы найти применение в российском уголовном праве – требует дальнейшего обсуждения.

¹ Примерный Уголовный кодекс США: Официальный проект Института американского права / пер. с англ. А.С. Никифорова ; од ред. Б.С. Никифорова. М., 1969.

² Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 21.

Т.А. Федоренко

Управление аппарата Государственного
антинаркотического комитета по
Дальневосточному федеральному округу
(г. Хабаровск)

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Срезовые исследования, проводимые УДФО ГАК по вопросам развития наркоситуации в ДФО среди несовершеннолетних, показали, что наркотизация подростков и молодежи, их вовлеченность в незаконный оборот наркотиков является одной из актуальных проблем организации противодействия наркомании в субъектах Федерации округа.

Несмотря на сохранявшееся до последнего времени снижение доли несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет в общей численно-

сти населения субъектов Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе и плавную тенденцию к снижению числа общекриминальных преступлений, совершенных несовершеннолетними и (или) при их соучастии, удельный вес преступлений, совершаемый подростками, остается стабильно высоким.

Более того ряд криминогенно значимых показателей¹ набирает темпы роста. Особенно настораживает увеличение доли несовершеннолетних – учащихся, совершающих преступления. Продолжается рост доли несовершеннолетних, ранее совершавших преступления. Как следствие – увеличивается и удельный вес ранее судимых несовершеннолетних. Продолжается рост доли несовершеннолетних, совершивших преступления в составе группы лиц по предварительному сговору.

Более того, отмечаемое снижение общекриминальной преступности в ДФО не коррелирует с развитием ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков, где отмечается рост регистрируемой преступности. Удельный вес несовершеннолетних совершивших наркопреступления, в общем количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности, сохраняет стабильные тенденции роста.

Особую тревогу вызывает продолжающееся увеличение количества несовершеннолетних, совершавших преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Имеет место и увеличение количества фактов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, подростками в возрасте 14-15 лет, которых невозможно привлечь к уголовной ответственности в связи с недостижением ими возраста привлечения к ответственности по действующему законодательству.

Показатели подростковой заболеваемости наркоманией в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа характеризуются увеличением числа впервые выявленных детей и подростков «группы риска», а также ростом больных детей и подростков, зарегистрированных с диагнозом «употребление наркотических веществ с вредными последствиями».² Впервые в 2013 г. в округе выявлены 2 подростка с диагнозом «наркомания».

По мнению большинства специалистов в области криминологии, медицины и педагогики³, преступность несовершеннолетних определенным образом связана с их психическим здоровьем. По сведениям территориальных подразделений УИС РФ в ДФО, ежегодно доля осужденных в субъектах округа несовершеннолетних, имеющих отклонения в психическом развитии вследствие злоупотребления психоактивными веществами, составляет более 70%. На-

блюдается и тенденция увеличения количества несовершеннолетних, которым поставлен диагноз «наркомания».

Более того, отмечаемый существенный рост осужденных несовершеннолетних за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, квалифицируемый по ст. 228.1 УК РФ, свидетельствует о широком вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений в организованных формах.

Вместе с тем возложение на несовершеннолетнего осужденного обязанности пройти курс лечения от наркомании в рамках применения положений ч.5 ст. 73 УК РФ судами применяется крайне редко. Изучение правоприменительной практики показало, что в субъектах РФ ДФО в 2014 г., как и в 2013 г., обязанность пройти курс лечения от наркомании, медицинскую реабилитацию и социальную ресоциализацию, даже при наличии в материалах уголовного дела данных о необходимости применения названных мер, судами была возложена на 7 несовершеннолетних осужденных.

Учитывая особенности структуры поведения несовершеннолетних, уголовным законодательством России при применении к несовершеннолетним, совершившим преступления, закреплён приоритет принудительных мер воспитательного воздействия и наказания, не связанного с лишением свободы. Однако до настоящего времени не регламентирован вопрос социального сопровождения назначенного несовершеннолетнему осужденному наказания или принудительной меры воспитательного воздействия. Очевидно, этим и объясняется рост числа несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы после отмены условного осуждения.

В ДФО среднегодовой показатель несовершеннолетних, ранее совершавших преступления, вновь совершивших преступления в течение 1 года после освобождения, составляет 1,05%; после условного осуждения – 17,5%.⁴

Международное законодательство в сфере осуществления правосудия по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, а также позиция Европейского Суда по правам человека рекомендует в государственном судопроизводстве не применять меры уголовного наказания, а шире использовать альтернативные способы урегулирования конфликта.

Имплементируя положения международного законодательства в российское судопроизводство, в соответствии с положениями Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации⁵ в рамках дифференциации ответственности лиц,

виновных в правонарушениях, связанных с наркотиками, с сохранением строгих мер наказания за наиболее опасные деяния, в России законодательно утвержден институт альтернативы – замены наказания на лечение от наркомании и прохождение курса реабилитации и ресоциализации осужденным.

В частности, положениями ст. 72.1. и 82.1. УК РФ предусматривается возможность назначения судом наказания лицу, признанному больным наркоманией. Диспозиция указанных статей предусматривает отсрочку отбывания наказания осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией и изъявившему добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию

Вместе с тем применение положений указанных статей весьма затруднительно в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет. Это связано с тем, что правовая ответственность несовершеннолетнего регулируется законодательством, предусматривающим особенности уголовной ответственности и наказания указанной категории лиц, особый порядок производства и исполнения наказания (глава 14 УК РФ). Целью особенности уголовной ответственности и наказания, установленной законодателем, является не карательное воздействие на несовершеннолетнего, а коррекция его социального окружения и устранение (исправление) последствий его недостаточной социализации.

Таким образом, на фоне роста наркотизации несовершеннолетних основные положения уголовного законодательства, направленного на мотивацию потребителей наркотических средств и психотропных веществ к лечению, реабилитации и ресоциализации, затруднительны для применения к указанной возрастной категории.

Вместе с тем положениями Рекомендаций № R (87) 18 Комитета министров Совета Европы (принята Комитетом министров 17.09.1987 г.) относительно упрощения уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних, государствам-членам рекомендовано внедрить в судопроизводство новые формы его осуществления, в том числе использование способов внесудебного урегулирования в качестве возможной замены уголовному преследованию.

Учитывая, что правовое сдерживание противоправного поведения в условиях распространения наркотиков и их незаконного оборота является приоритетом в осуществлении охранительной функции государственной правовой политики в сфере социальной безопасности, а также что установление правовых ограничений, направленных на защиту и охрану общественных отношений,

должно сочетаться с реализацией принципа неотвратимости наказания за совершенное правонарушение, – выходом из сложившейся ситуации может явиться расширение положений института альтернативного наказания на несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, особенно связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Использование возможности альтернативного способа урегулирования конфликта между государством и несовершеннолетним правонарушителем, а именно применение программ медицинской, социальной реабилитации и ресоциализации может рассматриваться как одна из составляющих государственной системы снижения уровня наркотизации общества и позволит обеспечить выполнение Российской Федерацией международно-правовых актов, регулирующих отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних.

¹ Ф-494 МВД РФ. Кн.16. (2010–2014 гг.)

² Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании в Дальневосточном федеральном округе по результатам социологических исследований в рамках мониторинга наркоситуации. С.29-30.

³ Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я. Психопатология подросткового возраста (теоретический, клинический и судебно-психиатрический аспекты). Томск, 1994; Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства борьбы с пьянством, алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией. М., 1990; Емельянов В.П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями / под ред. И.С. Ноя. Саратов, 1980.; Марковичева Е.В. Использование судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в процессе доказывания по уголовному делу в отношении несовершеннолетних // Юридическая психология. 2008. № 2; Скрипченко Н.Ю. Применение мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних // Российский юридический журнал.2012. №4.

⁴ Ф-494 МВД РФ. Кн.16 (2010-2014).

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 24, ст. 3015.

Е.Я. Вершалович

Главное управление МВД России по
г. Москве

**КАРАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ЗА ХИЩЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ**

Основным методом уголовно-правовой охраны общественной безопасности от хищений наркотических средств выступает применение к виновному уголовного наказания. При этом меры, ориентированные на борьбу с хищением наркотиков, должны быть направлены не только на унификацию самих санкций ст. 229 УК РФ, но и на совершенствование практики назначения наказания за это преступление. При назначении любого наказания должен быть реализован принцип справедливости, предусмотренный ст. 6 УК РФ, определяющий перечень обстоятельств, учет которых возложен на судебные органы. К числу таких обстоятельств относятся характер и степень общественной опасности, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

Анализ изученной нами судебной практики свидетельствует о том, что суды в основном придерживаются общих начал назначения наказания, предусмотренных в ст. 60 УК РФ, однако не исключены и недостатки. Результаты сравнения среднего срока назначенного наказания с медианами санкций показывают их несоответствие. Среднее наказание, назначенное за хищение наркотических средств, намного ниже медиан санкций.

В юридической литературе была высказана точка зрения, в соответствии с которой судам следует отказаться от практики назначения минимальных размеров наказания за специальные виды хищений и назначать их только в исключительных случаях.¹ Однако прослеживается слишком лояльный подход судов к назначению наказания. С одной стороны, это может быть обусловлено выборочностью исследования, которое не ставило задачу максимально охватить все сроки назначенного наказания. Однако с другой – следует признать, что суды не в полной мере адекватно учитывают общественную опасность совершенного преступления.

Подобная практика назначения наказания за хищение наркотиков, на наш взгляд, ведет к тому, что закон отчасти теряет свою эффективность, так как применяется не в том объеме, который определен его содержанием.

Причину такого подхода судов к назначению наказания можно обнаружить в отсутствии четких представлений о том, на что же именно необходимо обращать внимание при оценке общественной опасности. Верховный Суд РФ, рассматривая особенности назначения наказания, предлагает судам исходить из того, что «характер общественной опасности зависит от объекта, формы вины, а степень общественной опасности определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступлений в соучастии)»².

Изучение практики назначения наказания позволяет обратить внимание на три аспекта, которые в какой-либо степени способствуют эффективности наказания в борьбе с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Первый связан с дифференцированным подходом судов к назначению наказания в зависимости от способов совершения преступления. Как следует из рассмотренных нами архивных уголовных дел, суды, учитывая увеличение опасности отдельных способов совершения преступления, пропорционально увеличивают и наказание за них.

Второй аспект свидетельствует об отказе судов использовать практику назначения наказания более мягкого, чем предусмотрено за хищение наркотиков. Анализ архивных уголовных дел показал, что суды ни разу не назначали такое наказание. В этом обнаруживается тенденция, направленная на усиление уголовно-правовой борьбы с анализируемым преступлением, которая обуславливает переосмысление подхода судов к практике назначения наказания.

Содержание третьего аспекта, являясь продолжением указанного выше, сводит к минимуму назначение наказания условно. По нашим данным, такое наказание было применено только к 2 осужденным, что составляет всего 3 % от общего числа.

Самостоятельным элементом, учитываемым при назначении наказания, законодатель определил личность виновного. Результаты изучения правоприменительной практики позволили автору выявить типичные недостатки, допущенные судами при назначении наказания за хищение наркотических средств и психотропных веществ.

Во-первых, не по всем уголовным делам органами следствия и суда проводились мероприятия, направленные на установление данных о личности виновного. В основном они ограничены сбором характеристик и сведений о прежней судимости. Во-вторых, в

большинстве уголовных дел отсутствуют материалы проверки отрицательных сторон жизни и деятельности виновного, полученные органами следствия при расследовании уголовных дел. В-третьих, отсутствует объективная оценка личности виновного в приговорах суда. Заметим, что в 33% уголовных дел приговор вообще не упоминает о личности виновного. В 17% приговоров оценка личности представлена не в полном объеме, который был определен материалами уголовного дела. Безусловно, эти предпосылки негативно сказываются на назначении наказания.

При назначении наказания за хищение наркотиков суды, давая оценку личности виновного, учитывали наличие малолетних детей, хотя это обстоятельство, по нашему мнению, необходимо отнести не к личности виновного, а к влиянию назначенного наказания на условия жизни его семьи (ч. 3 ст.60 УК РФ).

Существенное значение для определения вида и размера наказания имеют обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Предусмотренные в ст. 61 и 63 УК РФ, они охватывают данные, наиболее распространенные и типичные для разнообразных случаев совершения преступления. Анализ таких обстоятельств, учитываемых при назначении наказания за хищение наркотических средств и психотропных веществ, на наш взгляд, позволяет решить три проблемы:

- определить, какие признаки, не вошедшие в пределы состава преступления, подлежат выяснению при расследовании преступления;
- указать на то, в каком количестве они должны учитываться судебными органами;
- определить меру влияния указанных обстоятельств на процесс назначения наказания.

Проведенное в рамках исследования изучение обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, позволяет выявить типичные недостатки, допущенные судебными и правоохранительными органами при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Во-первых, в 10% изученных уголовных дел об обстоятельствах, отягчающих наказание, вообще не упоминается. В связи с этим не прослеживается отношение следственных и судебных органов к таким обстоятельствам, а также неизвестно, пытались ли названные органы в процессе предварительного следствия и суда устанавливать отягчающие обстоятельства.

Во-вторых, несмотря на то, что в приговорах суда имеются ссылки на обстоятельства, отягчающие наказание, тем не менее от-

дельные из них абсолютно не подкреплены материалами уголовного дела. Поэтому не совсем понятно, откуда суды, признавая данные обстоятельства, получают о них информацию.

В-третьих, хотя большинство обвинительных заключений и приговоров, вынесенных по фактам хищений наркотических средств, совершенных в совокупности с другими преступлениями, и отражаютотягчающие обстоятельства, тем не менее в них отсутствует конкретизация применительно к рассматриваемому преступлению. В связи с этим непонятно, в каком объеме эти обстоятельства учитывались судом при назначении наказания за каждое преступление в отдельности.

Таким образом, указав на очевидные недостатки при установлении обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, считаем необходимым обратить внимание судов на их устранение, что позволит более эффективно совершенствовать назначение наказания за хищения наркотических средств и психотропных веществ.

Рассматривая наказание за хищение наркотиков, целесообразно коснуться особенностей его назначения по совокупности с другими преступлениями. На актуальность поднятого вопроса могут указать результаты судебной практики, где в более 70% изученных уголовных делах наказание было назначено по совокупности преступлений.

В уголовном праве известны три правила назначения наказания по совокупности преступлений: поглощение менее строгого наказания более строгим, частичное сложение, полное сложение наказаний, вынесенных за отдельные преступления.³

Изучение карательной практики показало, что при определении окончательного наказания суды используют все три указанных способа, которые представлены в следующих показателях:

- поглощение менее строгого наказания более строгим – 31,2%;
- частичное сложение наказаний – 37,5%;
- полное сложение наказаний – 6,3%.

Заметим, что в 25% наказаний, назначенных по совокупности преступлений, суды не отразили, каким правилом они пользовались при определении окончательного наказания.

Практика назначения наказания за хищение наркотиков, совершенное в совокупности с другими преступлениями, свидетельствует о том, что суды допускают ошибки, связанные, главным образом, с занижением сроков наказания. Такие ошибки возникают только при частичном сложении наказаний, где в некоторых случаях суды присоединяют к более строгому наказанию часть другого,

количественный показатель которого не достигает и минимального размера конкретного вида наказания.

Считаем, что подобная практика приводит к тому, что карательные и предупредительные возможности наказания не будут использованы. А это негативно влияет и на цели наказания, предусмотренные в ст. 43 УК РФ.

Для решения обозначенной проблемы мы не призываем суды назначать более высокие пределы. Вместе с тем считаем, что практика назначения наказания за хищение наркотиков должна быть более гибкой и адекватно отражать общественную опасность и личность виновного. Изучение правоприменительной практики указывает на очень низкий удельный вес (8%) назначения наказания по совокупности преступлений с использованием правила полного сложения наказаний. Частичное сложение наказаний является обоснованным только в случаях невозможности применения полного сложения. Невозможность применения полного сложения может быть обусловлена в определенной мере характером и степенью общественной опасности содеянного, размерами наказаний, назначенных за отдельные преступления, наличием смягчающих и других обстоятельств.

Считаем, что решение обозначенных вопросов требует рассмотрения на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

¹ Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Красноярск, 2002. С. 138.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 8. С.2-3.

³ Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С.102-103.

И.Г. Рагозина

кандидат юридических наук, доцент
Омская юридическая академия

Н.С. Череднякова

Омская юридическая академия

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

В концепции государственной антинаркотической политики Российской Федерации, утвержденной ФСКН России 16 октября 2009 г., отмечается, что современная наркоситуация характеризуется расширением масштабов незаконного распространения немедицинского потребления наркотиков, что представляет серьезную угрозу здоровью нации, экономике страны, правопорядку и безопасности государства.

Лицо, употребляющее наркотики, прежде всего причиняет вред своему физическому и нравственному здоровью. Однако нельзя забывать, что лицо, находящееся в состоянии опьянения, вызванного употреблением наркотических средств, представляет серьезную опасность для общества, государства и окружающих его граждан. Это наглядно подтверждают статистические данные, согласно которым в 2014 г. выявлены 253,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 9,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, из них тяжких или особо тяжких 190,5 тыс. За указанный период в состоянии наркотического опьянения преступления совершили 29,5 тыс. человек (2,9% от общего числа выявленных лиц), что на 16,5% больше по сравнению с предыдущим годом.¹

Проведенные нами исследования, респондентами в которых выступили 60 осужденных по ч.ч. 1, 2 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, показали, что 84,5% из них в момент совершения преступления находились в состоянии наркотического либо алкогольного опьянения. Более того, у 79% из них умысел на совершение преступления сформировался именно под воздействием опьянения.

Целью государственной антинаркотической политики является снижение уровня наркотизации общества посредством установ-

ления строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, устранения причин и условий, способствующих их незаконному обороту и потреблению, формирования системы мер оказания достаточной и эффективной помощи больным наркологического профиля, формирования в обществе нетерпимости к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ. Одно из основных направлений государственной антинаркотической политики – совершенствование правового обеспечения антинаркотической деятельности.

Государство на протяжении длительного времени ищет различные пути противодействия распространению наркомании. Особое место в этой борьбе занимают уголовно-правовые меры, причем диапазон их достаточно широк – от отсрочки отбывания наказания больному наркоманией при совершении определенного круга преступлений до возможности пожизненного лишения свободы за совершение незаконного оборота наркотиков при наличии квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Это свидетельствует о том, что государство готово использовать все средства – от кнута до пряника для того, чтобы исправить сложившуюся в стране ситуацию.

В то же время исследователи не без оснований отмечают, что наличие в уголовном законодательстве достаточно большого количества положений, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, не свидетельствует о существовании эффективной уголовно-правовой политики в соответствующей сфере.²

Проблема эффективности уголовного закона не является новой в теории уголовного права. Более того, ее по праву следует отнести к ключевым проблемам уголовно-правовой политики, одна из целей которой сводится к созданию идеальной модели уголовно-правового запрета.

Эффективность (лат. *efficientia*) – продуктивность использования ресурсов в достижении какой-либо цели. Под эффективностью правового регулирования принято понимать достижение целей, которые имел в виду законодатель принимая конкретные правовые нормы. К сожалению, в полной мере судить об эффективности применения нормы мы можем только после того, как они начинают воплощаться в жизнь. Полагаем, что трехлетний срок действия ст. 82.1 УК РФ дает возможность оценить первые итоги ее применения.

Не претендуя на полное освещение критериев эффективности, в рамках настоящей статьи остановимся лишь на некоторых из них. Эффективность норм уголовного закона может проявляться в результативности воздействия на потенциальных субъектов преступлений, т.е. когда речь идет об общем предупреждении преступлений. Нельзя забывать, что Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» наркомания определяется как «заболевание, обусловленное зависимостью от наркотических средств или психотропных веществ, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

Одним из основных и, пожалуй, главных условий для применения к лицу, больному наркоманией, отсрочки отбывания наказания является изъявление желания самого лица добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую или социальную реабилитацию.

Следует иметь в виду, что во многом преступное поведение наркомана обусловлено фактом наличия заболевания, которое оказывает влияние на его потребности, привычки, поведение, мировоззрение. В силу специфических особенностей, связанных с употреблением наркотиков, указанные лица не воспринимают меры уголовно-правового воздействия как таковые, что снижает их эффективность.

Вышеизложенное подтверждается результатами проведенного нами исследования, в ходе которого в качестве респондентов были выбраны 52 осужденных лица, отбывающие наказания за преступления, предусмотренные ч.ч. 2, 3, 4 ст. 228 УК РФ. Исследование показало следующее: 70% респондентов, уверены, что лечение от наркомании на сегодняшний день в Российской Федерации не способно принести положительных результатов. 60% респондентов считают, что для больных наркоманией применение отсрочки отбывания наказания неэффективно. 34% вовсе полагают, что самым эффективным в предупреждении потребления наркотических средств является ужесточение наказания. Большинство осужденных наркоманов не желают что-либо изменять в своей жизни, полностью отвергая лечение, что свидетельствует о наличии таких свойственных наркопреступникам черт, как угасание интереса к жизни и безразличное отношение к будущему вследствие приема наркотиков. Всего 46% опрошенных указали на то, что воспользовались бы правом на отсрочку отбывания наказания, зная о том, что в случае нарушения режима лечения (уклонения от него) отсрочка будет заменена реальной мерой наказания.

О том, что далеко не все заявившие о желании добровольно пройти курс лечения от наркомании до конца выдерживают такое испытание, можно судить по данным, опубликованным Министерством юстиции Российской Федерации. В течение 2012 г. на исполнение в УИИ поступили 91 определение суда об отсрочке исполнения наказания осужденным по ч. 1 ст. 228 УК РФ, признанным страдающим наркоманией. По состоянию на 01.01.2013 на учете в УИИ состояли 74 осужденных, из которых 51 проходили курс лечения, 20 – курс медико-социальной реабилитации. В течение 2012 г. выявлены нарушения условий отсрочки отбывания наказания у 54 осужденных, в том числе: 11 случаев отказа от прохождения курса лечения; 20 – непосещения или самовольного покидания медицинской организации; 8 – повторного невыполнения предписаний лечащего врача; 16 фактов употребления наркотических средств или психотропных веществ, 5 – спиртных напитков, одурманивающих веществ. Нарушителям условий отсрочки объявлены 48 предупреждений. В отношении 23 осужденных направлены представления в суд об отмене отсрочки отбывания наказания и о направлении осужденных для отбывания наказания, назначенного приговором суда. 11 осужденным (12,1%) судом вынесено решение об отмене отсрочки отбывания наказания и направления в места лишения свободы. Из состоящих на учете осужденных в первом полугодии 2013 г. 123 осужденных аналогичные нарушения допускали 56,7%, в отношении 40 из них был поставлен вопрос об отмене отсрочки.³ С одной стороны, можно сожалеть, что не все лица успешно проходят курс лечения, а с другой – приведенные данные свидетельствуют о том, что для отдельной части осужденных отсрочка отбывания наказания все-таки является определенным стимулом для прохождения лечения от наркомании. Вывод очевиден – сокращение числа лиц, употребляющих наркотики, должно неизменно привести к снижению роста преступлений, совершаемых под их воздействием.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/>.

² Прохорова М.Л. Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: миф или реальность? // Российский следователь 2012. № 23. С. 30-32.

³ Об эффективности межведомственного взаимодействия по вопросам реабилитации больных наркологического профиля и организации медицинской помощи лицам, изъявившим желание добровольно пройти курс лечения от наркомании и по решению суда получившим отсрочку отбывания наказания : обзор. URL: <https://mvd.ru/upload/site1>

З.Р. Рахматулин

Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

**АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ К ОСУЖДЕННЫМ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СОВЕРШЕННЫЕ В СОСТОЯНИИ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ,
А ТАКЖЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
И СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ**

Анализ главы 25 УК РФ («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности») показывает, что в статьях, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с наркотическими и иными веществами, фигурирует и ограничение свободы. Кроме этого следует иметь в виду, что ограничение свободы может назначаться и за другие преступления, которые совершены в состоянии наркотического опьянения. Видимо понимая, что режим ограничения свободы был не в силах влиять на наркозависимость виновного, в действующий УК РФ Федеральным законом от 25.11.2013 № 313-ФЗ введена статья 72.1, согласно которой при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Данные изменения учитывают потребности теории¹ и правоприменительной практики. Судьи в своей деятельности устанавливали меры, не предусмотренные в законе. Однако их применение было целесообразным и необходимым для виновного. Так, из факбулы уголовного дела №1-544 (2011) по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, видно, что К. в состоянии опьянения в г. Ачинске открыто похитила наручные часы и сотовый телефон. Данное имущество она обратила в свою собственность и распорядилась им по своему усмотрению. Суд назначил ей наказание в виде ограничения свободы сроком на два года, при этом возложив на нее обязанность пройти обследование у врача нарколога.²

Статистические данные свидетельствуют о том, что лечить наркозависимых необходимо, поскольку эти факторы во многих случаях являются катализаторами противоправной деятельности.

Под воздействием наркотических и других веществ в 2013 г. совершили преступления 5 786 лиц, в 2012 г. – 6 886. Это на 366 человек больше чем в 2011 г., и на 743 – чем в 2010 г.³ Удельный вес таких осужденных не составляет и одного процента, однако сгущает краски в общей картине преступности «нетрезвых».

В связи с этим интересна статистика лиц, которым определено лечение от наркомании. Отметим, что их количество с каждым годом увеличивается. В 2010 г. их было 1 539, в 2011 г. – 2 390, а в 2012 г. – 3 018.⁴ Однако только к половине осужденных была применена такая мера. Следовательно, преступникам, нуждающимся в лечении, рассматриваемая обязанность должна применяться чаще.

До ноября 2013 г. ограничение свободы никак не могло влиять на данную статистику. Так, в 2013 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, из числа осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, к лишению свободы приговорены 43 552 человек, к условному осуждению к лишению свободы и иным мерам – 42 244, к исправительным работам и штрафу – 16 011, другим видам наказаний – 6 917.⁵

Следовательно, введение ст. 72.1 УК РФ является в действительности необходимым, однако более удачной является другая модель, при которой эта обязанность включалась бы в ст. 53 УК РФ. Такие изменения, как представляется, были бы более оптимальны, поскольку они учитывают аналогичный опыт условного осуждения и не требуют существенных законодательных изменений.

Кроме этого введенная ст. 72.1 УК РФ обязанность такой по сути пока не является. Анализ норм уголовно-исполнительного законодательства показывает, что ее неисполнение никак не отразится на положении виновного. Этот вывод основывается на положениях ст. 58 УИК РФ («Ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и за уклонение от его отбывания»). Пункт «б» этой статьи (несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных судом ограничений) применению в данном случае не подлежит, поскольку прохождение курса лечения от наркомании и (или) социальной реабилитации является обязанностью. Как представляется, эти аспекты необходимо урегулировать в действующем законодательстве. Для этого п. «б» ч. 1 ст. 58 УИК РФ следует дополнить указанием на то, что нарушением порядка и условий отбывания ограничения свободы считается несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных ограничений, а также «обязанности пройти лечение от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации».

Таким образом, предлагаем внести изменения в действующее уголовно-исполнительное законодательство и предусмотреть ответственность за неисполнение обязанности, возложенной на виновного в порядке, предусмотренном ст. 72.1 УК РФ. В таком случае предписания, установленные в приговоре суда, будут подкреплены принудительными мерами, закрепленными в действующем законодательстве.

¹ Тепляшин П.В. Уголовное наказание в виде ограничения свободы: проблемы законодательной регламентации и эффективности в специальном предупреждении преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 52.

² Архив Ачинского городского суда Красноярского края за 2011 год. Дело № 1-544 (2011).

³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

И.М. Середина,

доктор юридических наук, профессор
Иркутский юридический институт
(филиал) Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской
Федерации Минюста России

Ю.В. Сидоренко,

кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт
(филиал) Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской
Федерации Минюста России

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЕЙ 228 УК РФ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Уголовная ответственность по ст.228 УК РФ наступает при условии незаконных приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, пе-

ревозки растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

В соответствии с примечанием к ст. 228 УК РФ для виновного лица предусматривается специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное этой статьей, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, а также растения либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества или их аналоги, а также растения либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, и активно способствовавшие раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление.¹

Активное содействие раскрытию или пресечению преступлений подразумевает добровольное личное участие лица в проведении оперативно-розыскных мероприятий (например, проверочной закупке) или следственных действий (очная ставка и др.).²

Способствование изобличению лиц может состоять как в даче лицом соответствующих показаний на следствии или в суде, так и в обращении его с соответствующим заявлением в правоохранительные органы.

Способствование обнаружению имущества, добытого преступным путем, может состоять в указании лицом тайников, где хранятся наркотические средства или психотропные вещества, мест, где происходит их изготовление или переработка и пр. Таким образом, для освобождения от уголовной ответственности необходима совокупность двух названных в законе условий.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъяснил, что в соответствии со ст. 75 УК РФ не исключается возможность освобождения от уголовной ответственности за впервые совершенное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, лица, хотя и не сдавшего наркотические средства или психотропное вещество в связи с отсутствием у него таковых, но выполнившего второе условие.

Мы в принципе согласны с такой позицией, но представляется, что данный вопрос должен быть решен не в постановлении

Пленума Верховного Суда РФ, а только законодателем путем изменения текста примечания к ст. 228 УК РФ.

Наличие второго обстоятельства Пленум Верховного Суда РФ связывает с условием, что виновный активно способствует раскрытию или пресечению не только того преступления, в котором участвовал, но и других известных ему преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

Как представляется, указание в постановлении Пленума на обязательность активного способствования в раскрытии или пресечении преступлений, в которых виновное лицо не принимало участие, не вытекает из закона. Виновное лицо может отвечать только за лично им совершенное преступление, и деятельное раскаяние будет уже тогда, когда он оказывает содействие правоохранительным органам в его раскрытии. К тому же предъявление такого дополнительного требования нарушает принцип равенства граждан перед законом.

Добровольная сдача наркотических средств или психотропных веществ означает выдачу последних представителям власти при реальной возможности распорядиться ими иным способом. В частности, как добровольную сдачу этих средств или веществ следует считать выдачу их лицом по предложению следователя перед началом производства в помещении выемки или обыска (п. 10 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ). Представляется, что о добровольной сдаче может идти речь только в том случае, когда выемка или обыск, а также осмотр места происшествия осуществляются не по основаниям незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, а в силу совершения иных преступлений.

Не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изъятие указанных средств, веществ или их аналогов при задержании лица, при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. Выдача лицом наркотических средств или психотропных веществ по предложению следователя, например перед началом производства в помещении выемки или обыска, не должна исключать уголовной ответственности, но может быть рассмотрена судом как смягчающее обстоятельство при назначении наказания (ст.61,62 УК РФ).

Однако как добровольную сдачу следует расценивать и выдачу соответствующих предметов по предложению следователя или оперативного работника при личном обыске, если он не связан с задержанием по мотивам совершения преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ.

Следует отметить, что полный добровольный отказ лица, давшего согласие на соисполнительство в составе группы лиц по предварительному сговору, возможен только путем предотвращения преступления. Добровольный или вынужденный отказ от участия в качестве исполнителя в случае фактического совершения деяния другими членами группы влечет ответственность данного лица за соучастие с юридическим разделением ролей со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Добровольный отказ от продолжения своего участия в преступлении в связи с его перерастанием в более тяжкое освобождает лицо от ответственности за более тяжкое деяние, но в его действиях содержится оконченный состав того преступления, которое первоначально предполагалось совместно совершить. В организованной группе добровольный отказ возможен только путем предотвращения преступления, а добровольный отказ лидера – только путем расформирования группы.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв.ред. В.М. Лебедев. 11 изд., прераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С.818.

² Питулько К.В., Коряковцев В.В. Уголовное право. Особенная часть. 2-е изд. Спб.: Питер, 2010. С.162.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВНИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НАРКОУГРОЗЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ РЕАБИЛИТАЦИИ
И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НАРКОПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

XVIII международная научно-практическая конференция

(16–17 апреля 2015 г.)

Материалы конференции

ISBN 978-5-7889-0221-0

Часть 2

ISBN 978-5-7889-0224-1

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой

Подписано в печать *30 марта 2015 г.*

Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Уч.изд.л. 17,3 (усл. печ. л. 21,25).

Тираж ____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.

Сибирский юридический институт ФСКН России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии

Сибирского юридического института ФСКН России.

660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.